

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

№ 2/3 • 2022

300-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ

Глава 7. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРОКУРАТУРА

Статья 118

1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Статья 119

Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации.

Статья 120

1. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

2. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом.

Статья 121

1. Судьи несменяемы.

2. Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом.

Статья 122

1. Судьи неприкосновенны.

2. Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом.

СТАТЬЯ 1. Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства

1. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации.

2. Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства.

3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора.

СТАТЬЯ 2. Действие уголовно-процессуального закона в пространстве

2. Нормы настоящего Кодекса применяются также при производстве по уголовному делу о преступлении, совершенном на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами территории Российской Федерации под флагом Российской Федерации, если указанное судно приписано к порту Российской Федерации.

СТАТЬЯ 3. Действие уголовно-процессуального закона в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства

1. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации, ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса.

2. Процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, производятся с согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся...

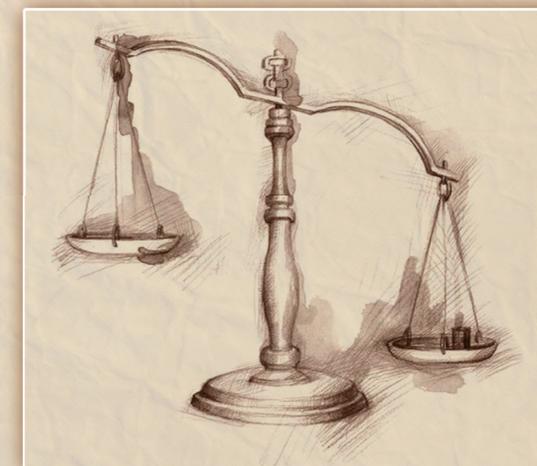
О проверке конституционности части второй статьи 2 см.
Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 N 22-П.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ В НАСТОЯЩЕМ КОДЕКСЕ

Если не оговорено иное, основные понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют следующие значения:

1) алиби - нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте;

2) апелляционная инстанция - суд, рассматривающий в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры и поста-

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2/3 • 2022

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);

Т. Б. Рамзанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Н. Н. Масленникова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 12,3. Усл. п. л. 12,8 Тираж 500 экз. Заказ 541 Дата выхода в свет 29.12.2022
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2022
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2022

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2/3 • 2022

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2022
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2022

СОДЕРЖАНИЕ

300-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ 30-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА

7 «О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Российская прокуратура.....	8
Советская прокуратура.....	42
Прокуратура Российской Федерации.....	64

71 СТАТУС ПРОКУРОРА

<i>Уткин Д. В.</i> Административно-процессуальный статус прокурора: современное понимание и особенности.....	71
<i>Куницина О. А.</i> Об этической и дисциплинарной ответственности прокурорского работника	77

80 ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

<i>Сасыкин К. Ю.</i> Об истории стадии возбуждения уголовного дела : предпосылки возникновения и предложения по развитию.....	80
<i>Сыщикова Т. М., Сыщиков И. С.</i> Некоторые вопросы, возникающие на стадии возбуждения уголовных дел частного обвинения.....	99
<i>Савицкая И. Г.</i> Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела	111

116 ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

<i>Машкова А. В.</i> Нравственный аспект вины в уголовном праве	116
---	-----

124 ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Брянская Е. В.</i> Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в формировании способов оценки доказательств по уголовному делу	124
---	-----

135 ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

<i>Шабанов П. Н.</i> Независимость судебной власти по Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г.: от идеи к ее реализации.....	135
---	-----

141 ОРГАНИЗАЦИЯ АДВОКАТУРЫ

<i>Баев М. О., Баева К. М.</i> Будущее российской адвокатуры: основные проблемы и пути их преодоления	141
---	-----

146 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

<i>Зотов Д.</i> Виват, прокуратура!	146
---	-----

CONTENTS

7	300TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF RUSSIA
	Russian Prosecutor's Office 8
	Soviet Prosecutor's Office 42
	Prosecutor's Office of the Russian Federation 64
71	STATUS OF THE PROSECUTOR
	<i>Utkin D. V.</i> Administrative and procedural status of the prosecutor: modern understanding and features 71
	<i>Kunicina O. A.</i> On the issue of ethical and disciplinary responsibility of a prosecutor's employee 77
80	INITIATION OF A CRIMINAL CASE
	<i>Sasykin K. Yu.</i> On the history of the stage of excitation of a criminal case. Prerequisites for the emergence and proposals for development 80
	<i>Syshchikova T. M., Syshchikov I. S.</i> Some issues arising at the stage of initiation of criminal cases of private prosecution 99
	<i>Savickaya I. G.</i> Criminal procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of a minor at the stage of initiation of a criminal case 111
116	MORAL PRINCIPLES OF THE CRIMINAL PROCESS
	<i>Mashkova A. V.</i> Moral aspect of guilt in criminal law 116
124	HISTORY OF CRIMINAL PROCEEDINGS
	<i>Bryanskaya E. V.</i> The role of the Statute of Criminal Proceedings of 1864 in the formation of methods for evaluating evidence in a criminal case 124
135	ORGANIZATION OF THE JUDICIARY
	<i>Shabanov P. N.</i> Independence of the judiciary according to the Concept of Judicial Reform in the Russian Federation in 1991: from idea to its implementation 135
141	ORGANIZATION OF ADVOCACY
	<i>Baev M. O., Baeva K. M.</i> The future of the Russian legal profession: main problems and ways to overcome them 141
146	ARTS AND JUSTICE
	<i>Zotov D.</i> Vivat, Prosecutor's office! 146

300-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ
ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ
30-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ПРИНЯТИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О ПРОКУРАТУРЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

1722–2022

1992–2022

РОССИЙСКАЯ ПРОКУРАТУРА

ЯГУЖИНСКИЙ Павел Иванович

ЯГУЖИНСКИЙ Павел Иванович (1683–1736) – генерал-прокурор с 18 января 1722 г. по 6 апреля 1736 г.

В 1701 г. был зачислен в гвардию, в Преображенский полк, став денщиком Петра I.

С этого времени начинается стремительная и блестящая карьера П. И. Ягужинского, ставшего одним из любимцев русского царя. В 27 лет он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка; затем последовательно становится генерал-адъютантом, генерал-майором и наконец генерал-лейтенантом. Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, умный и ловкий, он неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Петра I: вел переговоры с королями Дании и Пруссии, участвовал в ряде конгрессов, часто сопровождал царя в его заграничных поездках.

18 января император Петр I назначил Павла Ивановича Ягужинского первым генерал-прокурором Сената. Представляя сенаторам генерал-прокурора, Петр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть». Эта же мысль

нашла свое отражение и в Указе от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора»: «И понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных». Указ устанавливал основные обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководству подчиненными органами прокуратуры.

П. И. Ягужинский довольно быстро занял ключевые позиции в государственных делах, играя, по существу, роль второго лица в империи после Петра I.

При преемниках Петра I П. И. Ягужинский в полной мере познал как взлеты, так и падения. Во время «заговора верховников» был даже обвинен в измене и арестован, но из кратковременного заточения вышел еще более могущественным. Он продолжал удерживать за собой пост генерал-прокурора, хотя теперь уже редко исполнял прокурорские обязанности. П. И. Ягужинский достиг чина действительного тайного советника, был пожалован в сенаторы и оберштал-мейстеры. При императрице Анне Иоанновне стал графом и ее кабинет-министром.

ТРУБЕЦКОЙ
Никита Юрьевич

ТРУБЕЦКОЙ Никита Юрьевич (1699–1767) – генерал-прокурор с 28 апреля 1740 г. по 15 августа 1760 г.

В 1729 г. Никита Юрьевич призывается на службу «ко двору волонтиром» и назначается денщиком Петра I, а через три года получает чин сержанта Преображенского полка. В 1727 г. он стал прапорщиком, а при вступлении на Российский престол Анны Иоанновны достиг чина генерал-майора. В военных кампаниях против Польши и Турции Н. Ю. Трубецкой выполнял обязанности генерал-кригскомиссара, заведывая денежным и вещевым снабжением войск.

28 апреля 1740 г. Н. Ю. Трубецкой был назначен генерал-прокурором и оставался в этой должности в течение 20 лет. Возглавил он прокуратуру не в самое лучшее для нее время, так как преемники Петра I значительно ее ослабили. Преодолевая большие трудности, генерал-прокурор стал подбирать себе «добрых и надежных помощников». Только после восшествия на престол дочери Петра Великого Елизаветы Петровны Н. Ю. Трубецкой получил все прежние «прерогативы верховной власти», что позволило ему значительно возвыситься.

По поручению императрицы Н. Ю. Трубецкой выступал иногда и в роли высшего судьи в государстве. Н. Ю. Трубецкой являлся одним из ближайших сановников Елизаветы Петровны. 14 марта 1756 г. императрица назначила его членом Конференции. 5 сентября 1756 г. за выдающиеся заслуги императрица произвела его в генерал-фельдмаршалы.

В 1760 г. Н. Ю. Трубецкой покинул высший прокурорский пост и стал лишь президентом Военной коллегии. Спустя три года вышел в отставку с «полным пансионом».

ШАХОВСКОЙ Яков Петрович

ШАХОВСКОЙ Яков Петрович (1705–1777) – генерал-прокурор с 15 августа 1760 г. по 25 декабря 1761 г.

Яков Петрович Шаховской начал свою военную службу в 1720 г. рядовым лейб-гвардии Семеновского полка. К 1725 г. он дослужился до звания лейтенанта, а во время правления Петра II получил звание капитана. В 1730 г. перешел в кавалерию.

В 1738–1739 гг. Я. П. Шаховской в составе лейб-гвардии Конного полка участвовал в Русско-турецкой войне, был во многих сражениях и проявил незаурядное мужество.

В начале 1740 г., закаленный в боях и возмужавший, Я. П. Шаховской вернулся в Петербург, где неожиданно для себя был назначен советником в Главную полицию. Спустя некоторое время занял пост генерал-полицмейстера и получил чин действительного статского советника. Назначенный при Анне Леопольдовне сенатором, он в 1741 г., при восшествии на престол Елизаветы Петровны, был лишен этого звания. Вскоре Яков Петрович стал Обер-прокурором Святейшего синода, где сразу же принялся за искоренение злоупотреблений.

29 мая 1753 г. Я. П. Шаховской назначается генерал-кригскомиссаром. На этом посту он также строго следил за соблюдением государственных интересов. 15 августа 1760 г. Шаховской становится генерал-прокурором и одновременно конференц-министром. Узнав о своем назначении на новую должность, он воскликнул: «В оном чину наиглавнейших злодеев иметь буду».

25 декабря 1761 г. новый император Петр III отправил Я. П. Шаховского в отставку. Короткое царствование Петра III закончилось дворцовым переворотом, и на Российском престоле оказалась Екатерина II. Она вновь призвала Я. П. Шаховского на службу, назначив его сенатором.

1 апреля 1766 г. действительный тайный советник и сенатор Я. П. Шаховской по состоянию здоровья вышел в отставку и поселился в Москве.

ГЛЕБОВ Александр Иванович

ГЛЕБОВ Александр Иванович (1722–1790) – генерал-прокурор с 25 декабря 1761 г. по 3 февраля 1764 г.

А. И. Глебов находился на военной службе до 1749 г., после чего перешел на «статскую» в чине коллежского асессора. Он сумел завоевать доверие важного елизаветинского сановника графа П. И. Шувалова, который взял его под свое покровительство. Благодаря графу Глебов в 1754 г. занял довольно неплохую должность – обер-секретаря Сената, а через два года

стал обер-прокурором. 16 августа 1760 г. назначен генерал-кригскомиссаром.

25 декабря 1761 г. только что вступивший на престол Петр III назначил А. И. Глебова генерал-прокурором Сената.

Екатерина II поручила ему руководство Тайной экспедицией, занимавшейся всеми политическими делами.

3 февраля 1764 г. А. И. Глебов был смещен с поста генерал-прокурора с предписанием императрицы «впредь ни на какие должности его не определять».

А. И. Глебов сохранил за собой должность генерал-кригскомиссара, а в 1773 г. был даже пожалован в генерал-аншефы. В 1775 г. он получил новое назначение – стал Смоленским и Белгородским генерал-губернатором. Но уже в следующем году ревизия вскрыла серьезные злоупотребления и хищения в Главном кригскомиссариате, учиненные в бытность руководства им Глебова. По поручению Екатерины II была образована специальная Следственная комиссия, а в июне 1776 г. Глебов был вызван из наместничества в столицу, и тогда же его отстранили от всех должностей. А. И. Глебов оказался под судом и подвергся допросам. Окончательный приговор по делу был утвержден Екатериной II лишь 19 сентября 1784 г. Глебов был признан виновным «в небрежении должности» и исключен из службы. На его имущества наложили арест.

ВЯЗЕМСКИЙ
Александр Алексеевич

ВЯЗЕМСКИЙ Александр Алексеевич (1727–1793) – генерал-прокурор с 3 февраля 1764 г. по 17 сентября 1792 г.

В 20-летнем возрасте Александр Алексеевич окончил Сухопутный шляхетский корпус. Во время Семилетней войны с Пруссией участвовал не только в баталиях русской армии, но и в выполнении некоторых тайных поручений. К концу войны А. А. Вяземский занимал уже должность генерал-квартирмей-

стера и был хорошо известен молодой императрице Екатерине II. В декабре 1762 г. именно ему она поручила «улаживание отношений» между бунтующими крестьянами и их хозяевами на уральских заводах.

3 февраля 1764 г. Екатерина II, убедившись в исключительной честности князя Вяземского, назначила его генерал-прокурором.

А. А. Вяземский пользовался полным доверием императрицы, что позволило ему не только удерживать высший прокурорский пост в течение почти 29 лет, но и значительно расширить свои полномочия. Если в начале карьеры он наблюдал за Сенатом, а также за продажей соли и вина в империи, то с 1780-х гг. уже прочно удерживал в своих руках не только юстицию, но также финансы и внутренние дела. Именно он впервые в России ввел строгую отчетность в финансовых делах, а также стал четко учитывать доходы и расходы за год.

Генерал-прокурор почти единолично руководил всесильной Тайной экспедицией. При нем были введены в действие Учреждения для управления губерний (1775 г.), которые подробно регламентировали права и обязанности местной прокуратуры. А. А. Вяземский имел воинский чин генерал-поручика и гражданский – действительного тайного советника.

В сентябре 1792 г. А. А. Вяземский по болезни вышел в отставку.

САМОЙЛОВ
Александр Николаевич

САМОЙЛОВ Александр Николаевич (1744–1814) – генерал-прокурор с 17 сентября 1792 г. по 4 декабря 1796 г.

Александр Николаевич Самойлов начал службу в 1760 г. рядовым лейб-гвардии Семеновского полка.

В 1775 г. пожалован придворным чином камер-юнкера; в том же году назначен на должность правителя дел Совета при Высочайшем дворе и занимал эту должность в течение 12 лет.

В 1791 г. А. Н. Самойлов по поручению Екатерины II некоторое время

вел мирные переговоры с турками в Яссах. В конце января 1792 г. именно он привез Екатерине II известие о заключении выгодного для России мира.

17 сентября 1792 г. Екатерина II назначила А. Н. Самойлова на «короткое время» генерал-прокурором, вместо тяжелобольного князя А. А. Вяземского, а затем утвердила в этой должности. Одновременно Александр Николаевич стал управлять казначейством и Ассигнационным банком. Самойлов занимал пост генерал-прокурора четыре года.

В качестве генерал-прокурора А. Н. Самойлов, как и его предшественники, стоял во главе политического сыска, руководя Тайной экспедицией. Одновременно оставался и членом Императорского совета. В январе 1775 г. он был возведен в графское звание.

После смерти Екатерины II император Павел I отправил А. Н. Самойлова в отставку. Однако он продолжал быть членом Императорского совета.

КУРАКИН Алексей Борисович

КУРАКИН Алексей Борисович (1759–1829) – генерал-прокурор с 4 декабря 1796 г. по 8 августа 1798 г.

В 1775–1776 гг. учился в Лейденском университете. В 1777 г. получил звание камер-юнкера.

В 1793 г. был пожалован камергером, в 1795 г. произведен в тайные советники.

Подлинный взлет карьеры А. Б. Куракина начался при императоре Павле I. Алексей Куракин 4 декабря 1796 г. занял посты генерал-прокурора, главного директора Ассигнационного банка и присутствующего в Императорском совете. Он получил чин действительного тайного советника. К своим высоким должностям Алексей Борисович вскоре добавил новые: министра департамента удельных имений и канцлера российских орденов. По его инициативе был учрежден государственный вспомогательный банк для дворян, главным попечителем которого становится он сам.

В царствование Павла I прокуратура переживала невиданный подъем. Без генерал-прокурора не решалось, по существу, ни одно важное дело. Он занимался финансовыми, военными, административными, полицейскими, судебными делами. От него зависело назначение и увольнение многих сановников, раздача им наград и пожалований.

8 августа 1798 г. Алексей Куракин был смещен с должности генерал-прокурора и назначен лишь сенатором, а затем и вовсе отправлен в отставку.

Алексей Куракин возобновил службу при Александре I, который вначале назначил его сенатором, а 4 февраля 1802 г. – генерал-губернатором Малороссии. Здесь он пробыл шесть лет, оставив о себе благодатную память.

В ноябре 1807 г. А. Б. Куракин встал во главе Министерства внутренних дел, но занимал этот пост недолго. В 1810 г. ему было поручено присутствовать в Государственном совете, где он не раз выполнял обязанности председателя. Алексей Борисович неоднократно возглавлял различные комитеты и комиссии.

В 1826 г. А. Б. Куракин был членом Верховного уголовного суда, рассматривавшим дело декабристов.

ЛОПУХИН
Петр Васильевич

ЛОПУХИН Петр Васильевич (1753–1827) – генерал-прокурор с 8 августа 1798 г. по 7 июля 1799 г., с 8 октября 1803 г. по 1 января 1810 г.

С 1755 по 1761 г. учился в дворянской университетской гимназии. В 1761 г. произведен в действительные студенты университета, обучался на собственные средства. Окончил университетский курс в 1768 г. Еще учеником дворянской гимназии (1760) был зачислен на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, вступил на службу в 1769 г. прапорщиком. Капитан-поручик с 1775 г.

В 1777 г. в чине полковника определен к статским делам. Обер-полицеймейстер Санкт-Петербурга с января 1780 по январь 1783 г.

В 1783 г. возглавил канцелярию Тверского наместничества (в звании генерал-майора). В том же году назначен московским гражданским губернатором. Отсюда перемещен в 1793 г. генерал-губернатором в Ярославль и Вологду, будучи уже (с 1791 г.) генерал-поручиком.

8 августа 1798 г. П. В. Лопухин занял пост генерал-прокурора, а через несколько дней император «повелел» ему присутствовать в Совете. Петр Васильевич получил чин действительного тайного советника.

Стремительное возвышение П. В. Лопухина оказалось кратковременным. 7 июля 1799 г. он был отправлен в отставку и до начала царствования Александра I никаких должностей не занимал. Молодой император «повелел» ему присутствовать в Государственном совете.

8 октября 1803 г. П. В. Лопухин стал министром юстиции и генерал-прокурором. Эту должность он занимал более шести лет. Одновременно он возглавил и Комиссию по составлению законов, на которую Александр I возлагал большие надежды.

С 1 января 1810 г. начал работу новый Государственный совет. Должность председателя департамента гражданских и духовных дел в нем занял князь П. В. Лопухин. В 1812 г. он возглавил департамент законов, а в 1816 г. стал председателем Государственного совета и Комитета министров. На этих высоких постах он оставался до конца своей жизни.

В 1826 г. П. В. Лопухин, по указанию императора, председательствовал в Верховном уголовном суде, рассматривавшем дело о декабрьском восстании.

БЕКЛЕШОВ
Александр Андреевич

БЕКЛЕШОВ Александр Андреевич (1743–1808) – генерал-прокурор с 7 июля 1799 г. по 2 февраля 1800 г., с 16 марта 1801 г. по 8 сентября 1802 г.

В возрасте тринадцати лет был принят в Сухопутный кадетский корпус. В 1769 г. принят на службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

В 1783 г. в чине генерал-майора вышел в отставку с военной службы; назначен Екатериной II губернатором Риги. Находился на этом посту около шести лет; зарекомендовал себя наилучшим образом и пользовался большим уважением рижан. В 1789 г. А. А. Беклешов стал генерал-губернатором Орловского и Курского наместничества.

Вступивший на престол Павел I беспрестанно переводил А. А. Беклешова с одной должности на другую. За непродолжительное время он был Каменец-Подольским и Малороссийским генерал-губернатором, Киевским военным губернатором и одновременно шефом Киевского гренадерского полка и инспектором украинской дивизии. Император «пожаловал» ему воинский чин генерала от инфантерии и гражданский – действительного тайного советника. 7 июня 1799 г. Павел I зачислил А. А. Беклешова в свою свиту и повелел присутствовать в Императорском совете.

7 июля 1799 г. А. А. Беклешов был назначен генерал-прокурором.

2 февраля 1800 г. Павел I неожиданно уволил его не только с должности генерал-прокурора, но и вовсе со службы. По мнению М. М. Сперанского, причина такой перемены заключалась в том, что Беклешов «мало уважал требования случайных людей при дворе и потому часто бывал с ними в размолвке».

Вступивший на престол Александр I вновь призвал А. А. Беклешова на службу и 16 марта 1801 г. вернул ему пост генерал-прокурора, который тот занимал вплоть до образования министерств (8 сентября 1802 г.). А. А. Беклешов оставался не у дел до апреля 1804 г., когда был назначен генерал-губернатором Москвы. Спустя два года, по состоянию здоровья, он вынужден был оставить эту должность. В 1807 г. его избрали главнокомандующим вторым областным земским войском, которое он сам и сформировал.

ОБОЛЯНИНОВ
Петр Хрисанфович

ОБОЛЯНИНОВ Петр Хрисанфович (1752–1841) – генерал-прокурор со 2 февраля 1800 г. по 16 марта 1801 г.

Военную службу начал в 1768 г. В чине премьер-майора вышел в отставку в 1780 г.; несколько лет нигде не служил.

С 1783 г. – губернский стряпчий в Псковском наместничестве; через несколько лет – советник в палате гражданского суда; в 1792 г. получил чин надворного советника и назначен на должность в Казенной палате.

В 1793 г. П. Х. Обольянинов получает чин подполковника и попадает в гатчинские войска великого князя Павла Петровича. Дисциплинированный и энергичный офицер приглянулся наследнику престола, и уже через три года он получил чин генерал-майора. В 1796 г. П. Х. Обольянинов назначается генерал-провиантмейстером. В 1798 г. император Павел I присваивает ему воинский чин генерал-лейтенанта, а в 1799 г. – еще и звание сенатора.

2 февраля 1800 г. П. Х. Обольянинов назначается генерал-прокурором с оставлением в должности генерал-провиантмейстера. На высшей прокурорской должности он оставался чуть более года. Ему был присвоен воинский чин генерала от инфантерии.

С приходом П. Х. Обольянинова в прокуратуру дела пошли хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Отсутствие у П. Х. Обольянинова образования сказывалось во всем: писал с ошибками, коверкал многие названия и слова, с сослуживцами был груб и часто ругал их, не стесняясь в выражениях. Однако сотрудников подбирал себе умных и толковых, которые и тянули основные дела.

11 марта 1801 г., в ночь убийства Павла I, П. Х. Обольянинов был арестован, а 16 марта отправлен в отставку. В течение последующих 17 лет проживал в своем доме в Москве, не занимая ни государственных, ни общественных должностей. Затем московские дворяне избрали его своим предводителем. Впоследствии он еще два года удостаивался этой чести, а в 1828 г., когда его хотели избрать на четвертый срок, категорически отказался.

ДЕРЖАВИН Гавриил Романович (1743–1816) – генерал-прокурор с 8 сентября 1802 г. по 7 октября 1803 г.

Систематического образования Г. Р. Державин не получил, несмотря на рано проявившиеся у него художественные способности, и лишь после открытия в 1758 г. в Казани гимназии проучился там менее двух лет.

С 1762 г. служил рядовым гвардейцем в Преображенском полку. В 1767 г. был произведен в сержанты, а с 1772 г. служил уже в полку в офицерской должности, в чине подпоручика.

В 1777 г., по выходе в отставку, началась гражданская служба статского советника Г. Р. Державина в Правительствующем сенате.

Вначале занял должность экзекутора в 1-м департаменте Сената, а затем – в экспедиции о государственных доходах.

В мае 1785 г. Г. Р. Державин был назначен Олонецким, а в декабре – Тамбовским губернатором. Однако административная деятельность при-

ДЕРЖАВИН

Гавриил Романович

носила поэту лишь одни огорчения, а из-за острого конфликта с генерал-губернатором Гудовичем он даже попал под суд. В июне 1789 г. Екатерина II утвердила оправдательный приговор Сената, однако новую должность предоставлять ему не торопилась. Только 12 декабря 1791 г. Г. Р. Державин получил место статс-секретаря императрицы, а в сентябре следующего года стал сенатором и одновременно исполняющим обязанности президента Коммерц-коллегии.

При императоре Павле I Державин вначале оставался сенатором, а в августе 1800 г. вновь возглавил Коммерц-коллегию, затем – Государственное казначейство и стал членом Императорского совета.

12 марта 1801 г. новый император Александр I уволил Г. Р. Державина со всех должностей, оставив лишь сенатором, но уже 8 сентября 1802 г. в связи с преобразованием государственного аппарата назначил его первым в истории России министром юстиции с одновременным выполнением функций генерал-прокурора. В этой должности Г. Р. Державин прослужил один год.

Выйдя в отставку, Г. Р. Державин всецело занялся литературным трудом.

ДМИТРИЕВ Иван Иванович (1760–1837) – генерал-прокурор с 1 января 1810 г. по 30 августа 1814 г.

В 1772 г. был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. В мае 1774 г. был привезен отцом в Петербург, окончил полковую школу, с 1776 г. – унтер-офицер, с 1778 г. – сержант.

В январе 1796 г. И. И. Дмитриев, получив чин капитана гвардии, взял годовой отпуск и 17 декабря вышел в отставку с чином полковника. Однако 25 декабря 1796 г. он и его полковой товарищ Лихачев были неожиданно арестованы. Обоих доставили к императору Павлу I, и тот объявил о поступившем на них доносе, в котором сообщалось, что они «умышляют» на

ДМИТРИЕВ
Иван Иванович

жизнь императора. Вскоре доносчик был найден, и Павел I лично объявил Дмитриеву и Лихачеву об их «совершенной невинности».

В 1797 г. И. И. Дмитриев был приглашен в Москву на коронацию, а вслед за тем получил «хорошее» место – товарища министра уделов. Спустя три месяца его с чином статского советника переводят обер-прокурором 3-го департамента Сената. В декабре 1799 г. И. И. Дмитриев вышел в отставку (с чином тайного советника).

С 1806 г. И. И. Дмитриев вновь на службе – стал сенатором (в Москве). В 1808 г. император направил его в Рязань для следствия о злоупотреблениях по винному откупу, а затем в Кострому для «исследований поступков» губернатора Пасынкова.

1 января 1810 г. И. И. Дмитриев утверждается членом Государственного совета и получает назначение на пост министра юстиции и генерал-прокурора.

Вследствие принципиальной позиции, занятой им по многим вопросам, он нажил себе немало врагов среди членов Комитета министров, которые стали почти открыто ему противодействовать. Когда же и Александр I выразил ему свое «неблаговоление», то И. И. Дмитриев подал в отставку, которая 30 августа 1814 г. была принята.

В 1816 г. он вернулся на некоторое время на службу – председателем Комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на Высочайшее имя от жителей, разоренных неприятелем. В 1818 г. ему был присвоен чин действительного тайного советника. Вскоре после этого Дмитриев отошел от государственных дел и занимался исключительно литературным трудом.

ТРОЩИНСКИЙ Дмитрий Прокофьевич

ТРОЩИНСКИЙ Дмитрий Прокофьевич (1749–1829) – генерал-прокурор с 30 августа 1814 г. по 25 августа 1817 г.

Родители не смогли дать ему какого-либо образования. По его собственному признанию, «русской грамоте» обучался у приходского дьячка. В 16-летнем возрасте он поступил на военную службу – полковым писарем. Юноша много читал, занимался самообразованием, к тому же был от природы умен и сообразителен. Именно благодаря этим своим качествам приглянулся генерал-аншефу князю Н. В. Репнину, который взял его секретарем, а затем сделал правителем своей канцелярии.

В 1781 г. Д. П. Трощинский оставил по болезни военную службу. В 1784 г. становится правителем дипломатической канцелярии. В 1793 г. Екатерина II назначила его своим статс-секретарем и одновременно членом почтового управления.

При императоре Павле I Д. П. Трощинский сохранил за собой пост статс-секретаря, став одновременно председателем главного почтового управления. Ему также поручается присутствовать в Совете. Однако вскоре после этого он попадает в опалу и отправляется в отставку.

Новый взлет карьеры Д. П. Трощинского приходится на царствование Александра I. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. его вызвали во дворец, где он составил манифест о восшествии на престол Александра I. Император вернул ему звание сенатора и должность главного директора почт. Д. П. Трощинский становится одним из членов Государственного совета и главным начальником его канцелярии, сохранив за собой все прежние должности. 15 сентября 1801 г. он получил чин действительного тайного советника.

После образования министерств Д. П. Трощинский занимал довольно скромный пост министра уделов и продолжал руководить почтовым ведомством, а 9 июня 1806 г. вообще оставил службу.

30 августа 1814 г. назначен министром юстиции и генерал-прокурором. 25 августа 1817 г. Д. П. Трощинский вышел в отставку.

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ Дмитрий Иванович

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ Дмитрий Иванович (1758–1838) – генерал-прокурор с 27 августа 1817 г. по 18 октября 1827 г.

В 1772 г. был записан сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Службу начал в 1779 г. прапорщиком гвардии. В 1783 г. переведен в армию подполковником. С 1789 г. состоял шефом Апшеронского мушкетерского полка.

Успешная военная карьера Д. И. Лобанова-Ростовского продолжалась и при императоре Павле I. Государь произвел его в генерал-майоры и назначил командиром Псковского мушкетерского полка, а позднее – военным генерал-губернатором в Архангельске (1797 г.). Вскоре после этого князь вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта и почти восемь лет нигде не служил.

С конца 1806 г. Д. И. Лобанов-Ростовский вновь на военной службе – командует дивизией. В 1808 г. Д. И. Лобанов-Ростовский становится военным генерал-губернатором столицы. 2 февраля 1809 г. по состоянию здоровья князь оставил военную службу, но уже через три месяца возвратился в войска, а в декабре 1810 г. стал военным губернатором Риги и генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

В конце 1813 г. Д. И. Лобанов-Ростовский становится членом Государственного совета, а 27 апреля 1814 г. удостоивается ордена Андрея Первозванного. 27 августа 1817 г. он заступил на должность министра юстиции и генерал-прокурора. С присущим ему трудолюбием Дмитрий Иванович в течение десяти лет выполнял свои обязанности по надзору за Сенатом и судебными местами, руководству обер-прокурорами и прокурорами губерний и провинций. Когда требовалось защитить человека, по его мнению невиновного, князь не считался ни с каким трудом, без боязни говорил правду любому, даже императору.

В 1822 г. Александр I предложил Д. И. Лобанову-Ростовскому пост военного министра, но тот, объективно оценив свои силы, отказался. В 1826 г. он выполнял прокурорские обязанности в Верховном уголовном суде по делу декабристов.

18 октября 1827 г. Дмитрий Иванович получил долгожданную отставку, оставаясь, однако, до конца своей жизни членом Государственного совета.

ДОЛГОРУКОВ Алексей Алексеевич

ДОЛГОРУКОВ Алексей Алексеевич (1767–1834) – генерал-прокурор с 18 октября 1827 г. по 20 сентября 1829 г.

В 1803 г. А. А. Долгоруков оставляет военную службу и переходит на гражданскую с чином действительного статского советника. Первое время занимает весьма скромную должность при департаменте герольдии, а затем становится прокурором в капитуле Мальтийского ордена. Постепенное возвышение А. А. Долгорукова началось только в 1808 г., когда он получил место Симбирского гражданского губернатора.

17 мая 1815 г. Алексей Алексеевич был переведен губернатором в Москву, а в следующем году произведен в тайные советники. 26 мая 1817 г. Александр I назначил его сенатором. В этом звании в июне 1824 г. он ревизовал Вятскую губернию, а в 1826 г. – Воронежскую, Курскую, Пензенскую и Симбирскую.

27 апреля 1827 г. А. А. Долгоруков был назначен товарищем министра юстиции, а через три дня «по случаю тяжелой болезни» князя Д. И. Лобанова-Ростовского временно «вступил в права и обязанности министра юстиции». Впоследствии император утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

При А. А. Долгорукове завершилась подготовка Полного собрания законов Российской империи и систематического Свода законов.

А. А. Долгоруков заботился о независимости прокурорского надзора от местного начальства.

20 сентября 1829 г. А. А. Долгоруков был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора с чином действительного тайного советника. Вскоре он стал членом Государственного совета.

ДАШКОВ Дмитрий Васильевич (1788–1839) – генерал-прокурор со 2 февраля 1832 г. по 14 февраля 1839 г.

Поступил в Московский университетский благородный пансион, в котором за успехи был награжден двумя серебряными медалями и занесением имени на мраморную доску золотыми буквами.

ДАШКОВ Дмитрий Васильевич

В день коронации Александра I получил звание действительного студента Московского университета и в октябре поступил на службу юнкером в Московский архив ведомства Коллегии иностранных дел.

Получив в январе 1810 г. чин коллежского асессора, Д. В. Дашков вышел в отставку, но уже в марте генерал-прокурор И. И. Дмитриев берет его в свое ведомство.

27 сентября 1816 г. Д. В. Дашков вернулся в лоно Коллегии иностранных дел, где получил чин статского советника и был прикреплен к русской миссии в Константинополе (стал вторым советником при русском посольстве).

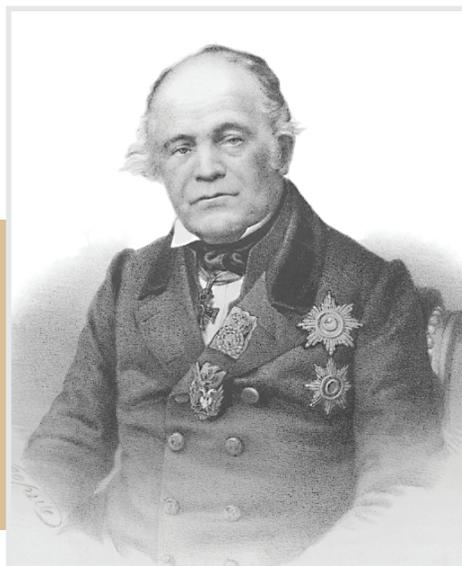
После возвращения в Россию Д. В. Дашков направляется в Комиссию по составлению законов, получает чин действительного статского советника, а 5 декабря 1826 г. становится статс-секретарем императора и одновременно товарищем министра внутренних дел.

26 марта 1829 г. он назначается товарищем министра юстиции и получает чин тайного советника, а 20 сентября вступает в управление министерством.

2 февраля 1832 г. Николай I утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

При Д. В. Дашкове была завершена «монументальная», по выражению Николая I, работа по составлению Свода законов. На посту генерал-прокурора Д. В. Дашков стойко отстаивал идеи законности, даже если ему приходилось идти против воли императора.

14 февраля 1839 г. Д. В. Дашков оставил свой высокий пост и сразу же был назначен членом Государственного совета и председателем департамента законов. Он возглавил и 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (занимавшееся подготовкой законопроектов).

БЛУДОВ
Дмитрий Николаевич

БЛУДОВ Дмитрий Николаевич (1785–1864) – генерал-прокурор с 15 февраля 1839 г. по 31 декабря 1839 г.

Служба Д. Н. Блудова начинается с 3 июля 1800 г. в Москве. Дмитрий Николаевич поступил юнкером в московский архив Министерства иностранных дел.

В 1802 г. Блудов переезжает в Петербург, и здесь начинается его более деятельная служба сперва в коллегии, а затем в Министерстве иностранных дел.

В Лондоне, где Д. Н. Блудов пробыл более двух лет (1817–1820) сначала советником посольства, а потом поверенным в делах, он внимательно следил за политической и литературной жизнью.

По вступлении на престол Николай I назначил Д. Н. Блудова на ответственное место делопроизводителя Верховного суда над декабристами. Составление обвинительного доклада по итогам этого дела снискало Д. Н. Блудову благоволение в глазах монарха и позволило выдвинуться.

По окончании суда Блудов был пожалован в статс-секретари и в том же 1826 г. занял место товарища министра народного просвещения и вместе с тем главноуправляющего делами иностранных исповеданий.

В 1828 г. император пожаловал Дмитрия Николаевича в тайные советники.

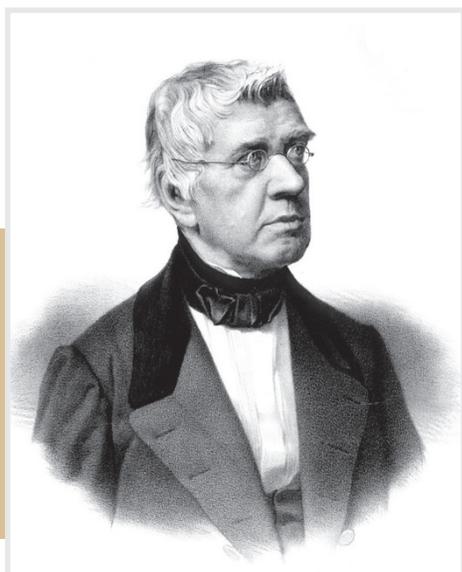
В 1830 г. Блудов несколько месяцев в отсутствие Дашкова управлял Министерством юстиции, с 1832 г. – Министерством внутренних дел, с 1837 г. – Министерством юстиции до декабря 1839 г., когда пожалованный в действительные тайные советники был назначен главноуправляющим 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, членом Государственного совета и председателем департамента законов.

С 1832 по 1838 г. Дмитрий Николаевич Блудов исполнял обязанности председателя Сибирского комитета.

С 1840 г. Блудов присутствовал в департаменте дел царства Польского. Под его редакцией как главноуправляющего 2-м отделением вышли два издания Свода законов (1842 и 1857); он же был главным деятелем при составлении Уложения о наказаниях 1845 г., которое внесло некоторый порядок в систему наказаний.

После начала великих реформ Блудов вспомнил прогрессивные устремления своей молодости и вновь сумел оказаться полезным верховной власти. Он разработал проект судебной реформы, предусматривавший отход от сословной системы и отделение судебной власти от исполнительной.

С 1857 г. состоял членом комитета для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии в России. В царствование Александра II Блудов был назначен президентом Академии наук (1855) и комитетов еврейского (1856) и председателем Комитета главного попечительства детских приютов (1857), председателем Государственного совета и Комитета министров (1862). Был статс-секретарем у Александра II.

ПАНИН
Виктор Никитич

ПАНИН Виктор Никитич (1801–1874) – генерал-прокурор с 16 апреля 1841 г. по 21 октября 1862 г.

Получив дома классическое образование, выдержал экзамен при Московском университете и поступил на службу в коллегия иностранных дел в 1819 г. В 1824 г. назначен секретарем посольства в Мадриде. В турецкую войну 1828–1829 гг. служил в походной канцелярии Министерства иностранных дел; после окончания войны отправлен в Грецию поверенным в делах.

В Россию Виктор Никитич вернулся уже при новом императоре, в феврале 1826 г. стал камер-юнкером. В апреле 1828 г. В. Н. Панин попадает в Военно-походную канцелярию самодержца, отправлявшегося в действующую армию. С 1829 по 1831 г. исправляет обязанности поверенного в де-

лах при греческом правительстве. За успехи на дипломатическом поприще получает чин статского советника и почетное звание камергера Двора Его Величества.

В ноябре 1831 г. В. Н. Панин становится помощником статс-секретаря Государственного совета, а в апреле 1832 г. – товарищем министра юстиции. В том же году В. Н. Панин был одновременно назначен и статс-секретарем государя. Вскоре он получил чин действительного статс-советника. 31 декабря 1839 г. В. Н. Панин вступил в управление Министерством юстиции, а 16 апреля 1841 г. император утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Граф В. Н. Панин отлично знал законы и был умелым руководителем. Он тщательно подбирал чиновников в свой аппарат, а также прокуроров и судей на местах. Однако работать с ним было исключительно тяжело, особенно лицам с независимыми взглядами. Как министр юстиции и генерал-прокурор он безусловно заботился о правильной организации работы суда и прокуратуры, боролся с волокитой.

Ему удалось преобразовать Межевую часть министерства, образовать консультацию, учредить в Москве архив Министерства юстиции. В то же время, отличаясь исключительным консерватизмом взглядов, являлся решительным противником реформ судебной системы. Тем не менее при нем было отделено следствие от полиции и создан институт судебных следователей.

В конце 1850-х гг. В. Н. Панин вошел в комитет, занимавшийся крестьянским вопросом, а в 1860 г. возглавил Редакционную комиссию, вырабатывавшую Положение об освобождении крестьян.

21 октября 1862 г. Панин был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора с оставлением членом Государственного совета.

В феврале 1864 г. он стал главноуправляющим 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и занимал эту должность до 16 апреля 1867 г., пока не был уволен по болезни.

14 мая 1872 г. Виктор Никитич оставил и пост члена Государственного совета.

ЗАМЯТНИН Дмитрий Николаевич (1805–1881) – генерал-прокурор с 1 января 1864 г. по 16 апреля 1867 г.

Учился Замятнин вначале в лицейском пансионе, затем в Царскосельском лицее. Окончив лицей в 1823 г. с серебряной медалью, он по рекомендации директора Царскосельского лицея был принят на службу в Кодификационную комиссию по составлению законов. После преобразования Комиссии в 1826 г. во 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии Дмитрий Николаевич оставался в ней до конца 1840 г. За это время он приобрел репутацию способного, трудолюбивого и честного чиновника. Не было ни одной части разрабатывавшегося тогда обширного свода законов, которая за 17-летнюю службу Замятнина не прошла бы через его руки. Благодаря этой работе Замятнин блестяще освоил российское законодательство.

ЗАМЯТНИН Дмитрий Николаевич

1 января 1841 г. он получил должность герольдмейстера в Министерстве юстиции. Уже в первый год работы на новом поприще Замятнин успел показать себя способным администратором, выявив и искоренив многочисленные злоупотребления.

В 1852 г. он был назначен обер-прокурором 2-го Департамента Сената и сенатором. 9 мая 1858 г. он занял пост товарища министра юстиции, с июня 1859 г. временно управлял министерством; 21 октября 1862 г. стал управляющим министерством, а 1 января 1864 г. был утвержден в должности министра, а также в должности генерал-прокурора, где проявил себя как один из наиболее активных деятелей судебной реформы Александра II.

Д. Н. Замятнин принимал непосредственное участие в подборе судей, лично знакомился с их деятельностью, посещал суды, изучал мнение представителей местного общества о нравственных и интеллектуальных качествах судебных чинов. Еще во время подготовки Судебных уставов он начал работу по привлечению в судебное ведомство как можно большего числа специалистов с высшим юридическим образованием.

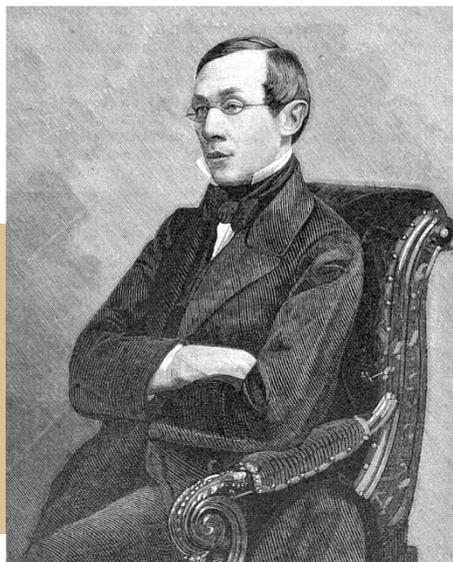
16 апреля 1867 г. был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора и назначен членом Государственного совета. С 1873 г. – действительный член Императорского человеколюбивого общества, с 1874 г. – почетный опекун Опекунского совета. В 1881 г. становится председателем департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

УРУСОВ Сергей Николаевич (1816–1883) – генерал-прокурор с 16 апреля 1867 г. по 15 октября 1867 г.

Получив превосходное домашнее образование, в 1832 г. поступил на службу в канцелярию московского губернатора. Выдержав затем испытания в Московском университете «в науках, составляющих курс учения сло-

УРУСОВ

Сергей Николаевич

весного факультета», получил право на производство в чин по гражданскому ведомству.

Первое время С. Н. Урусов занимался расследованием преступлений, а в 1838 г. перешел на службу во 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Спустя пять лет его причислили к департаменту Министерства юстиции, где он был полностью поглощен делами Московского сенатского архива.

В 1845 г. получил назначение в Правительствующий сенат на должность обер-секретаря департамента.

В феврале 1852 г. С. Н. Урусов становится камер-юнкером Двора Его Императорского Величества, и с этого времени карьера Сергея Николаевича пошла более успешно. Вначале он попал за обер-прокурорский стол, а затем возглавил духовно-учебное управление при Святейшем синоде и стал членом главного управления цензуры духовного ведомства. Вместе с новым назначением ему жалуют чин действительного статского советника и придворное звание камергера.

В 1861–1862 гг. С. Н. Урусов исполнял обязанности товарища обер-прокурора Синода и статс-секретаря императора.

В 1864 г. он был утвержден в должности и произведен в тайные советники, а позднее стал сенатором и государственным секретарем. Одновременно Сергей Николаевич успешно трудился в целом ряде обществ и комитетов.

В начале 1867 г. С. Н. Урусов был назначен главноуправляющим 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а 16 апреля без освобождения от этой должности и управляющим Министерством юстиции. Князь С. Н. Урусов руководил судебными и прокурорскими органами до 15 октября 1867 г.

В 1872 г. С. Н. Урусов производится в действительные тайные советники и, продолжая оставаться главноуправляющим 2-м отделением, становит-

ся председателем департамента законов Государственного совета. В этом ранге он председательствовал в Верховном уголовном суде, учрежденном для рассмотрения дела А. К. Соловьева, покушавшегося на жизнь государя. В 1881 г. С. Н. Урусов по состоянию здоровья оставил пост главноуправляющего 2-м отделением, сохраняя за собой должность председателя департамента законов Государственного совета.

ПАЛЕН
Константин Иванович

ПАЛЕН Константин Иванович (1833–1912) – генерал-прокурор с 31 марта 1868 г. по 30 мая 1878 г.

В 1853 г. К. И. Пален окончил курс Санкт-Петербургского университета по юридическому факультету со степенью кандидата прав.

С 1855 г. состоял на службе в канцелярии Государственного совета.

В 1860 г. он продолжил службу в Государственной канцелярии в должности экспедитора, а затем стал вице-директором полиции исполнительной, а в 1864 г. – Псковским губернатором.

1 января 1867 г. Константин Иванович Пален сменил Н. И. Стояновского на посту товарища министра юстиции. 15 октября 1867 г. К. И. Пален вступил в управление Министерством юстиции и одновременно был назначен статс-секретарем государя.

31 марта 1868 г. он утверждается в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Первое время К. И. Пален еще придерживался либерального направления, взятого Д. Н. Замятниным, но затем все более явственно и откровенно вставал на сторону наиболее консервативных сил из окружения императора.

30 мая 1878 г. К. И. Пален был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора. Главной причиной отставки стало оправдание Санкт-Петербургским окружным судом В. И. Засулич, стрелявшей в градоначальника Ф. Ф. Трепова. Тем не менее Константин Иванович про-

должал оставаться членом Государственного совета и статс-секретарем и вскоре получил чин действительного тайного советника. Впоследствии стал обер-камергером Двора Его Императорского Величества.

НАБОКОВ Дмитрий Николаевич

НАБОКОВ Дмитрий Николаевич (1827–1904) – генерал-прокурор с 30 мая 1878 г. по 6 ноября 1885 г.

В 1845 г. Дмитрий Николаевич окончил Императорское училище правоведения с чином коллежского секретаря и поступил на службу во 2-е отделение 6-го департамента Сената.

В 1846 г. был причислен к департаменту Министерства юстиции и назначен и. д. Симбирского уездного казенных дел стряпчего.

В 1848 г. занял должность товарища председателя Симбирской судебной палаты гражданского суда.

В 1850 г. Д. Н. Набоков был назначен чиновником особых поручений при департаменте Министерства юстиции, продолжая исполнять должность товарища председателя судебной палаты. Затем был редактором 3-го (гражданского) отделения департамента Министерства юстиции (1851) и заведующим 6-м отделением этого департамента (1852).

В 1853 г. утвержден в должности управляющего 6-м отделением, а в декабре того же года переведен в Комиссариатский департамент Морского министерства исполняющим должность вице-директора.

В 1855 г. утвержден в должности вице-директора департамента, участвовал в работе Комиссии для усовершенствования хозяйственной части морских госпиталей.

В 1858 г. временно управлял делами канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

В 1860 г. Д. Н. Набоков возглавил комиссариатский департамент, а через

два года великий князь Константин Николаевич, назначенный наместником царства Польского, взял его с собой в Варшаву. Одновременно с этим Д. Н. Набоков становится гофмейстером Двора Его Императорского Величества. С 1864 по 1867 г. Дмитрий Николаевич – сенатор, а затем главным управляющим Собственной Его Императорского Величества канцелярией по делам царства Польского и статс-секретарь государя.

В 1867 г. он утверждается членом Государственного совета и производится в действительные тайные советники.

30 мая 1878 г. Д. Н. Набоков назначается министром юстиции и генерал-прокурором. Он был истинным приверженцем судебных преобразований в России и одним из лучших знатоков Судебных уставов. Про него говорили, что это «не человек, а ходячий свод законов». Поэтому не без оснований считался «законником в полном смысле слова», хотя признавал не столько букву закона, сколько его дух и внутренний смысл. От Д. Н. Набокова ждали многого. В высших правительственных сферах надеялись, что он сумеет придать суду присяжных «желательную окраску». Другие, напротив, ожидали от него защиты основных начал Судебных уставов.

Дмитрий Николаевич внимательно относился к лицам судебного ведомства. Он «трогательно гордился», когда встречался с талантливыми судьями и прокурорами, охотно прислушивался к их мнению по самым сложным вопросам.

25 мая 1879 г. он лично поддерживал обвинение в Верховном уголовном суде по делу А. К. Соловьева.

После убийства 1 марта 1881 г. Александра II Д. Н. Набоков, вопреки ожиданиям, сохранил за собой прежний пост.

При Набокове под влиянием обстоятельств вносились некоторые изменения в только что введенные Судебные уставы. Из судов постепенно «изгонялась» гласность, расширялась компетенция военных судов. Под эгидой Сената было образовано Высшее дисциплинарное присутствие для рассмотрения дел об увольнении от должности судей, что многие расценили как покушение на их несменяемость.

6 ноября 1885 г. Д. Н. Набоков оставил пост министра юстиции и генерал-прокурора, но сохранил за собой обязанности статс-секретаря, члена Государственного совета и сенатора.

МАНАСЕИН Николай Авксентьевич (1834–1895) – генерал-прокурор с 6 ноября 1885 г. по 1 января 1894 г.

Родился в слободе Успенская Бирюченского уезда Воронежской губернии.

В 1854 г. по окончании Училища правоведения служил в Сенате (1854–1860). В течение почти четырех лет был в отставке, затем исполнял должность мирового посредника 1-го участка Мещовского уезда Калужской губернии.

В 1865 г. Н. А. Манасеин был причислен к Министерству юстиции; в 1866–1867 гг. – прокурор Калужского окружного суда.

МАНАСЕИН Николай Авксентьевич

С 1867 г. – товарищ прокурора Псковской судебной палаты. В 1870–1877 гг. – прокурор Московской судебной палаты; с 9 декабря 1871 г. – действительный статский советник.

В декабре 1877 г. Н. А. Манасеин становится директором департамента Министерства юстиции, а 8 сентября 1880 г. – сенатором.

6 ноября 1885 г. Н. А. Манасеин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. Этот пост он занимал более восьми лет, многое сделав для укрепления судебных и прокурорских органов. Его деятельность, пришедшаяся на период острой классовой борьбы, вызывала много нареканий. Одни считали его слишком либеральным, другие, наоборот, консервативным.

Н. А. Манасеин организовал проведение судебной реформы в Прибалтике и в ряде губерний России. Однако при нем значительно меньше дел стало рассматриваться с участием присяжных заседателей, а также в публичных заседаниях, по существу, была ликвидирована мировая юстиция. Он значительно реорганизовал центральный аппарат Министерства юстиции.

1 января 1894 г. Н. А. Манасеин в чине действительного тайного советника покинул пост министра юстиции и генерал-прокурора в связи с болезнью. Но был назначен членом Государственного совета.

МУРАВЬЕВ Николай Валерианович (1850–1908) – генерал-прокурор с 14 апреля 1894 г. по 14 января 1905 г.

В 1868 г. поступил на юридический факультет Московского университета, однако ушел со 2-го курса и отправился за границу, где занимался юридическими науками. В 1870 г. в возрасте 19 лет выдержал экзамен на степень кандидата прав на юридическом факультете Санкт-Петербургского

МУРАВЬЕВ
Николай Валерианович

университета и в том же году вступил на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московской судебной палаты.

В 1871 г. Н. В. Муравьев назначен на должность товарища прокурора Владимирского окружного суда и в том же году был назначен товарищем прокурора Рязанского окружного суда. В начале 1873 г. был переведен на ту же должность в Москву. В 1874 г. выдержал экзамен на степень магистра уголовного права и был приглашен в Московский университет читать курс уголовного судопроизводства.

В 1878 г. был назначен прокурором Ярославского окружного суда, а в январе 1879 г. – товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

В 1884 г. Н. В. Муравьев назначается прокурором Московской судебной палаты. В июне 1891 г. он становится обер-прокурором Сената, а в следующем году – государственным секретарем.

1 января 1894 г. Н. В. Муравьев вступил в управление Министерством юстиции, а 17 апреля был утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Желая придать единообразие и стройность прокурорской системе, он издал в 1896 г. Наказ чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. При Н. В. Муравьеве завершилось введение Судебных уставов на территории России.

Николай Валерианович часто лично ревизовал судебные установления: в царстве Польском, на Кавказе, в Прибалтике и других местах. Пост министра юстиции и генерал-прокурора он занимал десять лет – до января 1905 г., после чего был направлен послом в Италию.

МАНУХИН Сергей Сергеевич

МАНУХИН Сергей Сергеевич (1856–1922) – генерал-прокурор с 17 апреля 1905 г. по 16 декабря 1905 г.

После окончания гимназии Петришуле (1868–1874) поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в январе 1879 г. со степенью кандидата прав. С. С. Манухин служил кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда, затем – секретарем при прокуроре Орловского окружного суда.

С 1880 г. – заведующий библиотекой департамента, столоначальник в Министерстве юстиции (Петербург). С 1884 г. – чиновник особых поручений при директоре департамента, затем вице-директор департамента; одновременно – обер-прокурор в Первом департаменте Сената. С 1888 г. – юрисконсульт Министерства юстиции, одновременно – управляющий законодательным отделением департамента. С 1890 г. – товарищ обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента Сената, а через несколько месяцев – директор Первого департамента.

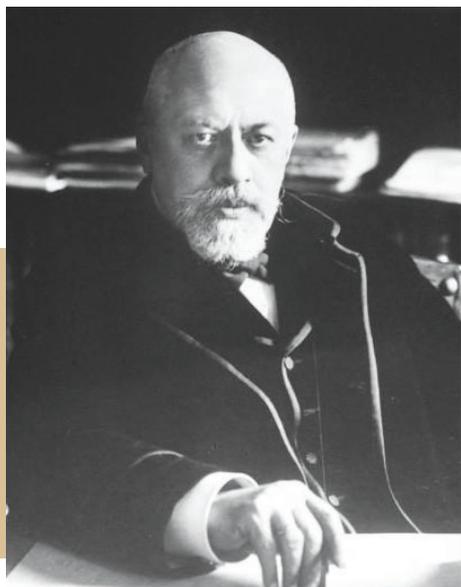
Сергей Сергеевич становится одним из ближайших сотрудников министра юстиции Н. В. Муравьева; руководит делопроизводством Особой комиссии по пересмотру законоположений по судебной части, сопровождает министра в его поездках по России, активно занимается кадровыми вопросами. За свои труды производится в тайные советники.

1 января 1901 г. С. С. Манухин назначается товарищем министра юстиции, а затем одновременно и сенатором. 21 января 1905 г. он вступает в управление Министерством юстиции и 17 апреля того же года утверждается в должности министра юстиции и генерал-прокурора с оставлением в звании сенатора. 16 декабря 1905 г. император подписал указ об освобождении от должности С. С. Манухина. Однако он был оставлен в звании сенатора и назначен членом Государственного совета.

В 1910 г. Сергей Сергеевич стал председателем Комиссии законодатель-

ных предположений Совета. 27 апреля 1912 г. на него было возложено расследование всех обстоятельств забастовки на Ленских приисках и расстрела рабочих. В конце года за представленный императору обстоятельный доклад ему была объявлена высочайшая благодарность.

После Февральской революции 1917 г. С. С. Манухин приказом Временного правительства был назначен сенатором.

АКИМОВ

Михаил Григорьевич

АКИМОВ Михаил Григорьевич (1847–1914) – генерал-прокурор с 16 декабря 1905 г. по 23 апреля 1906 г.

В 1869 г. окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав и поступил на службу в Министерство юстиции.

С 23 февраля 1871 по 8 марта 1872 г. М. Г. Акимов был товарищем прокурора Московского окружного суда.

В марте 1872 г. он был назначен товарищем прокурора Владимирского окружного суда. Через три года в чине коллежского асессора его перевели на аналогичную должность в Москву.

В начале 1879 г. М. Г. Акимов стал Киевским губернским прокурором, а в 1880 г. – прокурором Владимирского окружного суда. В 1880-е гг. Михаил Григорьевич уже уверенно поднимается по ступеням служебной иерархии, последовательно занимая должности товарища прокурора Киевской судебной палаты, председателя Одесского и Пензенского окружных судов, прокурора Одесской судебной палаты.

18 декабря 1891 г. М. Г. Акимов возглавил прокуратуру Московской судебной палаты. К этому времени он имел уже чин действительного статского советника. Спустя немногим более двух лет М. Г. Акимов становится старшим председателем Одесской судебной палаты, а 3 февраля 1899 г. – сенатором уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и производится в тайные советники.

16 декабря 1905 г. Михаил Григорьевич назначается министром юстиции и генерал-прокурором.

23 апреля 1906 г. М. Г. Акимов стал членом Государственного совета с оставлением в звании сенатора, а на следующий год – председателем Государственного совета. Он был произведен в действительные тайные советники.

ЩЕГЛОВИТОВ
Иван Григорьевич

ЩЕГЛОВИТОВ Иван Григорьевич (1861–1918) – генерал-прокурор с 24 апреля 1906 г. по 6 июля 1915 г.

В 20-летнем возрасте, закончив с золотой медалью Императорское училище правоведения, начал службу при прокуроре Петербургского окружного суда. Вскоре стал секретарем при прокуроре судебной палаты.

В 1885 г. И. Г. Щегловитов занял должность товарища прокурора Нижегородского окружного суда, а весной 1887 г. – аналогичную должность в столице, став к тому же надворным советником. Он не только выполнял многочисленные прокурорские обязанности, но и активно сотрудничал в газетах и журналах, помещая в них статьи на правовые темы.

В начале 1890-х гг. он уже за обер-прокурорским столом в Сенате, затем заведует отделением в Министерстве юстиции и в 1893 г. становится юрисконсультom. В 1894 г. его переводят прокурором Петербургского окружного суда, а в следующем – на должность товарища прокурора судебной палаты. И. Г. Щегловитов часто выступает в судах в качестве обвинителя и по-прежнему много и плодотворно сотрудничает в периодических изданиях.

В 1897 г. он назначается товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, через три года – вице-директором 1-го департамента Министерства юстиции.

6 апреля 1903 г. Иван Григорьевич занял высокий пост обер-прокурора Сената. Его заключения по уголовным делам всегда отличались профес-

сионализмом, основательностью и глубиной. В 1905 г. на него возложили выполнение прокурорских обязанностей в Особом присутствии Правительствующего сената по делу И. Каляева, убившего великого князя Сергея Александровича.

С 1903 г. И. Г. Щегловитов в качестве профессора стал читать лекции по уголовному судоустройству и судопроизводству в Императорском училище правоведения, активно участвовал также в работе Петербургского юридического общества.

22 апреля 1905 г. И. Г. Щегловитов назначается директором 1-го департамента Министерства юстиции, а в феврале 1906 г. – товарищем министра юстиции.

24 апреля 1906 г. Иван Григорьевич стал министром юстиции и генерал-прокурором. На этой должности оставался более девяти лет. Вскоре он был одновременно произведен в должности статс-секретаря императора, члена Государственного совета и сенатора, получил чин действительного тайного советника. За это время существенно изменились и его взгляды. Если в молодости он активно отстаивал судебную независимость, приветствовал проведение демократических преобразований, то теперь «круто повернул вправо». И. Г. Щегловитов перестал считаться с принципом незыблемости судей и судебных следователей, негодных ему судей и прокуроров изгонял со своих мест. На руководящие должности старался подбирать людей «более твердых, более монархически настроенных».

В июле 1915 г., вследствие давления со стороны демократических кругов император вынужден был отправить И. Г. Щегловитова в отставку. Однако уже 1 января 1917 г. он стал председателем Государственного совета.

В феврале 1917 г. И. Г. Щегловитов одним из первых был арестован «революционным народом». Он содержался в Петропавловской крепости. Чрезвычайная следственная комиссия предъявила ему обвинения в злоупотреблении служебным положением, превышении власти и других преступлениях. После Октябрьской революции его перевезли в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму.

5 сентября 1918 г. по приговору Верховного революционного трибунала И. Г. Щегловитов был расстрелян.

ХВОСТОВ Александр Алексеевич (1857–1922) – генерал-прокурор с 6 июля 1915 г. по 7 июля 1916 г.

В 1878 г. окончил Александровский лицей, после чего начал службу при прокуратуре Саратовского окружного суда. В 1884 г. стал товарищем прокурора суда, а в следующем году был назначен вначале редактором департамента Министерства юстиции, а затем – управляющим законодательным отделением и юрисконсультom.

В 1894 г. перевелся на службу в Министерство внутренних дел, где занял пост правителя канцелярии, а позднее – директора хозяйственного департамента. В 1901 г. вернулся в Министерство юстиции на должность директора 1-го департамента.

ХВОСТОВ Александр Алексеевич

21 января 1905 г. А. А. Хвостов становится товарищем министра юстиции, а в конце года «пожалован» в сенаторы. Он слыл человеком независимым и «убежденным законником». 1 января 1912 г. его назначили членом Государственного совета.

6 июля 1915 г. Александр Алексеевич назначается на пост министра юстиции и генерал-прокурора. Ему пришлось руководить судебными и прокурорскими органами в трудное время – в условиях войны. Он сразу же предпринял попытки «почистить ведомство». При обсуждении в Совете министров наиболее важных государственных вопросов часто занимал принципиальную и твердую позицию, что не всегда нравилось приближенным к императору сановникам.

На посту генерал-прокурора А. А. Хвостов был для правительства очень неудобной и несговорчивой фигурой, что в конце концов стоило ему места. Честный, правдивый и прямой, он умел отстаивать свою точку зрения перед любым, в том числе и перед императором.

7 июля 1916 г. А. А. Хвостов был освобожден от занимаемой должности и назначен министром внутренних дел. Однако уже 16 сентября оставил и этот пост, сохранив за собой должности сенатора и члена Государственного совета. 1 января 1917 г. он был произведен в действительные тайные советники.

После Октябрьской революции он счастливо избежал участи многих царских сановников, расстрелянных по приговорам революционных трибуналов.

МАКАРОВ Александр Александрович (1857–1919) – генерал-прокурор с 7 июля 1916 г. по 20 декабря 1916 г.

В 1878 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со званием кандидата прав. Служил на разных должностях в Санкт-Петербургском окружном суде.

МАКАРОВ

Александр Александрович

В 1887 г. он уже стал почетным мировым судьей. В 1889 г. А. А. Макаров стал первым прокурором Ревельского окружного суда. В этой должности он оставался пять лет, зарекомендовав себя хорошим профессионалом, строгим, но внимательным руководителем, получив чин коллежского советника.

В апреле 1894 г. он возглавил Нижегородскую прокуратуру, а в 1897 г. – прокуратуру Московского окружного суда. С 1901 г. – прокурор Саратовской судебной палаты. С 7 апреля 1906 г. – старший председатель Харьковской судебной палаты.

18 мая 1906 г. был назначен товарищем министра внутренних дел. Макаров руководил полицейской частью Министерства и вел борьбу с революционным движением. Был назначен 22 сентября 1907 г. сенатором с производством в тайные советники, а 1 января 1909 г. стал и государственным секретарем.

В 1911 г. А. А. Макаров был назначен министром внутренних дел.

16 декабря 1912 г. император освободил его от должности министра внутренних дел. В течение нескольких лет он оставался членом Государственного совета и сенатором.

7 июля 1916 г. А. А. Макаров стал министром юстиции и генерал-прокурором, но занимал эту должность всего пять месяцев. За это время ему все же удалось «проявить характер»: несмотря на прямое указание императора, отказался прекратить уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего военного министра Сухомлинова. 20 декабря 1916 г. Николай I отправил его в отставку. 1 января Макаров получил чин действительного тайного советника.

После Февральской революции А. А. Макаров был арестован и посажен в Петропавловскую крепость и в 1919 г. расстрелян.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Николай Александрович

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Николай Александрович (1853–1918) – генерал-прокурор с 20 декабря 1916 г. по 28 февраля 1917 г.

В 1876 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Кавалергардский полк. Уволился в запас в 1878 г.

Служил по судебному ведомству. Был судебным следователем в Петербурге. В апреле 1879 г. назначен товарищем Волынского губернского прокурора, а в 1880 г. товарищем прокурора Житомирского окружного суда.

С 23 мая 1882 г. Н. А. Добровольский в течение четырех лет служил товарищем прокурора Киевского окружного суда, а затем был переведен на аналогичную должность в Петербург. С сентября 1891 г. – прокурор Митавского окружного суда, а впоследствии Рижского окружного суда.

В 1897 г. Н. А. Добровольский круто меняет свою карьеру. Он переходит в систему Министерства внутренних дел и назначается Гродненским вице-губернатором. В феврале 1900 г. занимает должность Гродненского губернатора. В апреле 1899 г. он без освобождения от основных обязанностей избирается почетным мировым судьей Гродненского округа и после еще дважды занимает это престижное место.

В сентябре 1900 г. Николай Александрович утверждается в должности обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего сената, а с 18 октября 1906 г. одновременно становится и сенатором. 1 января 1914 г. император наградил его орденом Белого Орла, а затем и чином тайного советника. 20 декабря 1916 г. Н. А. Добровольский вступил в управление Министерством юстиции, став последним царским руководителем органов прокуратуры. На этом посту он пробыл чуть более двух месяцев, до Февральской революции 1917 г.

21 октября 1918 г. был расстрелян (по другим данным, зарублен шашкой).

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА

Прокуратура Верховного Суда СССР. Прокуратура СССР. Генеральная прокуратура СССР

В 1923 г. была учреждена Прокуратура Верховного Суда СССР¹, просуществовавшая десять лет – в декабре 1933 г. была упразднена. Вместо нее была образована Прокуратура СССР², которой с 1946 г. присвоено наименование – Генеральная прокуратура СССР³.

КРАСИКОВ
Петр Ананьевич

КРАСИКОВ Петр Ананьевич (1870–1939) – прокурор Верховного Суда СССР с 21 марта 1924 г. по 1933 г.

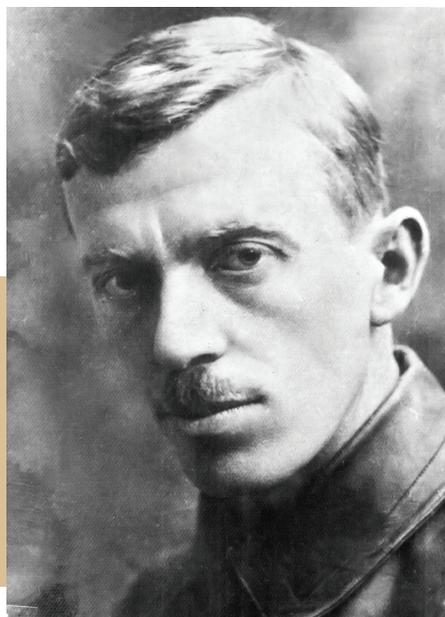
В 1891 г. по окончании Красноярской гимназии обучался в Петербургском университете. В то же время начал активно интересоваться полити-

¹ Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

² Положение о прокуратуре Союза ССР : постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. // Собр. законодательства СССР. 1934. № 1. Ст. 26.

³ О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР : закон СССР от 19 марта 1946 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 113–114.

ческой жизнью. Член РСДРП с 1892 г. В 1903 г. на II съезде РСДРП вошел в состав бюро съезда. С 1905 г. заведовал агитационным отделом Петербургского комитета партии. Участник трех российских революций. Во время Февральской революции 1917 г. Красиков принимал участие в организации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С 1917 г. – член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, председатель кассационного трибунала. С 1918 г. – заместитель наркома юстиции. С 1924 г. – прокурор Верховного Суда СССР. С 1933 г. – заместитель председателя Верховного Суда СССР. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Принимал участие в разработке Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 и 1936 гг.

АКУЛОВ
Иван Алексеевич

АКУЛОВ Иван Алексеевич (1888–1937) – Прокурор СССР с 21 июня 1933 г. по март 1935 г.

Обучался в Петербургской торгово-промышленной школе, которую окончил в 1905 г. Член РСДРП с 1907 г. В 1913 г. был избран членом Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП. Участник Октябрьской революции. В 1917–1918 гг. являлся секретарем Екатеринбургского комитета РКП(б). В 1918–1922 гг. – секретарь, председатель губернских, областных партийных комитетов (Урал, Вятка, Оренбург, Киргизия, Крым). С 1923 по 1925 г. – член Центральной контрольной комиссии РКП(б), член Центральной контрольной комиссии КП(б) Украины. С 1927 по 1929 г. – председатель Всеукраинского совета профсоюзов, член Организационного бюро ЦК КП(б) Украины. В 1929 г. назначен на должность 2-го секретаря ВЦСПС. В 1930–1934 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1930–1931 гг. – заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР; одновременно в 1930–1932 гг. – член Организационного бюро ЦК

ВКП(б). С 1931 г. – первый заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. В 1932–1933 гг. – член ЦК, Политбюро, Оргбюро и секретарь ЦК КП(б)У по Донбассу. В июне 1933 г. возглавил Прокуратуру СССР. С 1935 г. был утвержден секретарем ЦИК СССР, полномочия исполнял до июля 1937 г. В том же году был расстрелян по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре. Реабилитирован в 1954 г.

ВЫШИНСКИЙ
Андрей Януарьевич

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – Прокурор СССР с 3 марта 1935 г. по 31 мая 1939 г.

Окончил классическую гимназию в Баку и юридический факультет Киевского университета. Участник революционного движения с 1902 г. С 1920 г. – член РКП(б). В 1920–1921 гг. – преподаватель Московского университета и декан экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. В 1923–1925 гг. – прокурор уголовно-следственной коллегии Верховного Суда СССР. В 1925–1928 гг. – ректор Московского университета. В 1928–1930 гг. возглавлял Главное управление профессионального образования. В 1928–1931 гг. – член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. Заведовал учебно-методическим сектором Наркомпроса и замещал председателя Государственного ученого совета. С 1931 г. – прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР. С 1933 г. – заместитель прокурора, а с 1935 по 1939 г. – прокурор СССР. В 1939–1944 гг. – заместитель председателя Совнаркома. В 1940–1953 гг. – на руководящих постах в МИД СССР, с 1949 г. – министр иностранных дел. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г. В 1937–1950 гг. – депутат Верховного Совета СССР. После смерти Сталина – представитель СССР в ООН. Награжден шестью орденами Ленина.

ПАНКРАТЬЕВ
Михаил Иванович

ПАНКРАТЬЕВ Михаил Иванович (1901–1974) – Прокурор СССР с 31 мая 1939 г. по 7 августа 1940 г.

В 1917–1921 гг. работал грузчиком Московской Виндаво-Рыбинской железной дороги, затем – делопроизводитель Бежецкого уездного продовольственного комитета, заведующий учетом и орготделом Бежецкого укома РКП(б). С 1921 г. – инструктор и начальник организационной части политотдела 27-й дивизии, комиссар 81-го стрелкового полка, а с сентября 1923 г. – комиссар штаба 8-й стрелковой дивизии. С января по ноябрь 1925 г. – комиссар 22-го полка 8-й дивизии. С ноября 1925 г. по ноябрь 1926 г. – комиссар полка бронепоездов. С декабря 1925 г. по ноябрь 1929 г. – комиссар 110-го стрелкового полка. В 1929 г. начал работать в прокуратуре: помощником военного прокурора Азербайджанской дивизии, помощником военного прокурора корпуса, военным прокурором управления бригады железнодорожных войск. С 1933 г. – прокурор отдела, помощник главного военного прокурора, начальник отдела в Главной военной прокуратуре РККА. В мае 1938 г. назначен на должность Прокурора РСФСР, а в мае 1939 г. – Прокурор СССР. В 1940–1942 гг. – заместитель начальника управления военных трибуналов наркомата юстиции СССР. По октябрь 1950 г. возглавлял военный трибунал Брянского фронта, военный трибунал 2-го Прибалтийского фронта, военный трибунал Прибалтийского военного округа.

БОЧКОВ Виктор Михайлович (1900–1981) – Прокурор СССР с 7 августа 1940 г. по 13 ноября 1943 г.

С 1919 г. на службе в РККА: в отдельном эскадроне конной разведки Особой кавалерийской бригады 15-й армии, в составе отдельного кавалерийского эскадрона 6-й стрелковой дивизии. Был направлен командовани-

БОЧКОВ
Виктор Михайлович

ем Западного фронта на 43-и Полоцкие командные курсы Западного военного округа, после окончания которых в 1922 г. получил звание краскома. В феврале 1923 г. направлен на охрану государственной границы. С 1932 по 1935 г. командовал дивизионом 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ. В 1935–1938 гг. обучался в Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1938–1940 гг. – начальник Главного тюремного управления НКВД, начальник 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД. В августе 1940 г. назначен на должность Прокурора СССР. В начале Великой Отечественной войны был назначен членом Военного совета Северо-Западного фронта и непосредственно возглавил Особый отдел фронта. В 1940–1941 гг. входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, в компетенцию которой входило утверждение смертных приговоров. Был инициатором введения классных чинов и форменной одежды сотрудников прокуратуры. В 1943 г. вернулся на службу в наркомат внутренних дел, где занимал должности начальника Управления конвойных войск НКВД (МВД) СССР, заместителя начальника ГУЛаг МВД СССР. В 1955–1957 гг. – начальник отдела конвойной охраны, с 1957 г. до ухода в отставку в 1959 г. – зам. начальника ГУИТК МВД СССР, начальник отдела охраны. В 1961–1969 гг. – начальник сектора Всесоюзного проектно-технологического института «Стройдормаш» Московского СНХ, заместитель начальника отдела Проектно-конструкторского технологического института машиностроения Московского СНХ.

ГОРШЕНИН Константин Петрович (1907–1978) – Прокурор СССР с 13 ноября 1943 г. по 19 марта 1946 г., Генеральный прокурор СССР с 19 марта 1946 г. по 4 февраля 1948 г.

С 1929 по 1932 г. обучался на юридическом факультете Казанского университета, а затем Московского института советского права. В 1932–1935 гг.

ГОРШЕНИН
Константин Петрович

обучался в аспирантуре Московского института советского права, после чего до 1937 г. занимал должность заместителя директора Казанского института советского права по учебной части. С 1937 по 1940 г. – начальник управления учебных заведений и член коллегии наркомата юстиции СССР, затем до 1943 г. – народный комиссар юстиции РСФСР. В 1943–1948 гг. занимал должность прокурора (Генерального прокурора) СССР. Занимая пост Генерального прокурора СССР и министра юстиции СССР, участвовал в репрессиях. В 1943–1947 гг. входил в состав секретной комиссии политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, в компетенцию которой входило утверждение приговоров к смертной казни в СССР. С 1948 по 1956 г. – министр юстиции СССР. С 1948 г. возглавлял Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза; принимал участие в организации процессов над немецкими и японскими военными преступниками. С 1956 г. был директором Всесоюзного института юридических наук, затем с 1963 г. до ухода на пенсию в 1967 г. – заведующим сектором законодательства о труде и социальном обеспечении Всесоюзного НИИ советского законодательства юридической комиссии при Совмине СССР.

САФОНОВ Григорий Николаевич (1904–1972) – Генеральный прокурор СССР с 4 февраля 1948 г. по 30 июня 1953 г.

В 1922–1925 гг. обучался на юридическом факультете Ленинградского государственного университета. По окончании работал помощником юриста-консультанта машиностроительного треста в г. Ленинграде. С конца 1926 г. слу-

САФОНОВ
Григорий Николаевич

жил в 48-м стрелковом полку. В 1928 г. поступил на должность юриста ремонтно-механического завода и экспортной базы наркомата путей сообщения в Ленинграде. С 1929 г. – заведующий юридическим бюро Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина в г. Ленинграде. В это же время преподавал в Институте советского права, а затем в Ленинградском университете. С 1935 г. – на службе в органах прокуратуры в должностях прокурора Окуловского района Ленинградской области, прокурора Кировского района г. Ленинграда, начальника отдела в Прокуратуре СССР, заместителя, Первого заместителя прокурора, Генерального прокурора СССР. С февраля 1948 г. до отстранения от должности в июне 1953 г. – Генеральный прокурор СССР. В 1955 г. назначен на должность заместителя Московского окружного транспортного прокурора. С мая 1957 г. – заместитель начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры РСФСР, затем прокурор. Депутат Верховного Совета РСФСР.

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – Генеральный прокурор СССР с 1 июля 1953 г. по 23 января 1981 г.

Член ВКП(б)–КПСС с 1926 г. На следственной работе в Черниговской окружной прокуратуре с 1929 г. в должности следователя, старшего следователя. В 1937–1938 гг. занимал должность прокурора Донецкой области, входил в состав особой тройки, созданной по приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447, принимал активное участие в сталинских репрессиях. С 1938 г. – прокурор Сталинской области. В это же время избирался делегатом XVIII съезда ВКП(б) с правом совещательного голоса. В 1941–1942 гг. – начальник отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами РКМ. С 1942 г. был заместителем прокурора, а затем прокурором

РУДЕНКО
Роман Андреевич

УССР. Выступал в качестве главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе в 1945–1946 гг., входил в состав суда на «процессе шестнадцати» (1945 г.). С 1943 г. – Генеральный прокурор СССР. Одновременно был депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС, членом ЦК КПСС. В 1972 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда за выдающиеся достижения в деле укрепления правопорядка, социалистической законности.

РЕКУНКОВ Александр Михайлович (1920–1996) – Генеральный прокурор СССР с 9 февраля 1981 г. по 26 мая 1988 г.

Обучался в Тбилисском горно-артиллерийском училище имени 26 Бакинских комиссаров. С октября 1941 г. был инструктором Верхнедонского военного комиссариата. В 1944 г. во время Великой Отечественной войны воевал в 336-м гвардейском стрелковом полку 120-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 3-й армии 2-го Белорусского фронта. Командовал взводом, ротой, батальоном. В конце 1945 г. был направлен на работу в прокуратуру Верхнедонского района Ростовской области в должности помощника прокурора. Одновременно поступил в Ростовскую юридическую школу в г. Таганроге, обучался во Всесоюзном юридическом заочном институте. С 1946 г. – помощник прокурора Целинского района Ростовской области, прокурор Константиновского района Ростовской области, прокурор Азовского района Ростовской области, первый заместитель прокурора, прокурор Брянской области, прокурор Воронежской области. В 1971–1976 гг. – первый заместитель Прокурора РСФСР. В 1976–1981 гг. – первый заместитель Генерального прокурора СССР, с 1981 г. – Генеральный прокурор СССР. В 1981–1989 гг. – член ЦК КПСС. В 1988 г. ушел на пенсию по

возрасту, однако продолжил работать в прокуратуре, занимая должность прокурора отдела в Прокуратуре Союза ССР, затем стал советником Генерального прокурора РФ.

РЕКУНКОВ
Александр Михайлович

СУХАРЕВ Александр Яковлевич (1923–2021) – Генеральный прокурор СССР с 26 мая 1988 г. по 15 октября 1990 г.

В 1939–1941 гг. работал слесарем на авиационном заводе № 18 г. Воронежа, с февраля по 5 июня 1941 г. – на военном заводе № 16, одновременно учился в вечерней школе. В июле 1941 г. был направлен в Воронежское военное училище связи, которое окончил в декабре в Самарканде, куда было эвакуировано училище. В декабре 1942 г. вступил в Коммунистическую партию. После чего по сентябрь 1944 г. в составе 237-го стрелкового полка 69-й дивизии был командиром взвода связи, командиром роты связи, начальником связи полка, и. о. начальника штаба полка последние три месяца перед ранением. С сентября 1945 г. работал в Воронеже начальником отдела военного окружного управления связи. После демобилизации в июле 1946 г. занимался воспитательной работой среди молодежи. С февраля 1947 г. по декабрь 1959 г. – на комсомольской работе: секретарь Железнодорожного райкома ВЛКСМ, заведующий отделом Воронежского обкома ВЛКСМ (1946–1950 гг.), инструктор, заведующий международным отделом ЦК ВЛКСМ (1950–1959 гг.). В сентябре 1950 г. переведен в Москву в ЦК ВЛКСМ. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт. С апреля 1958 г. – заведующий международным отделом ЦК ВЛКСМ. С декабря 1959 г. по сентябрь 1970 г. – на партийной работе в аппарате ЦК КПСС, дослужился до заведующего сектором органов прокуратуры, суда и юстиции отдела административных органов ЦК КПСС: заведующий сектором,

СУХАРЕВ

Александр Яковлевич

заместитель заведующего отделом ЦК КПСС (1960– 1970 гг.). С сентября 1970 г. – работал в органах юстиции. В 1970 г. назначен первым замминистра и членом коллегии воссозданного Министерства юстиции СССР. С марта 1984 г. по февраль 1988 г. – министр юстиции РСФСР. В 1984 г. избран депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1988–1990 гг. – Генеральный прокурор СССР. С 1991 г. работал заместителем директора НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре СССР. Доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных трудов и публикаций, посвященных различным аспектам права, в том числе книг «Наш народный суд», «Формирование правовой культуры общества». Под его редакцией опубликованы основополагающие труды: «Юридический энциклопедический словарь», «Большой энциклопедический юридический словарь» и «Российская юридическая энциклопедия». Награжден орденами Отечественной войны I, II степеней, Красной Звезды, Красного Знамени, Октябрьской Революции, «Знак Почета», присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Он удостоен государственных наград Йемена, Болгарии, Вьетнама, Монголии, Чехословакии. Возглавлял общественный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Указом губернатора Воронежской области 29 августа 2013 г. присвоено почетное звание «Почетный гражданин Воронежской области».

ТРУБИН Николай Семенович (р. 1931) – Генеральный прокурор СССР с 27 декабря 1990 г. по 29 января 1992 г.

Обучался в Свердловском юридическом институте, который окончил в 1953 г. До 1960 г. работал помощником прокурора Печорского испра-

ТРУБИН
Николай Семенович

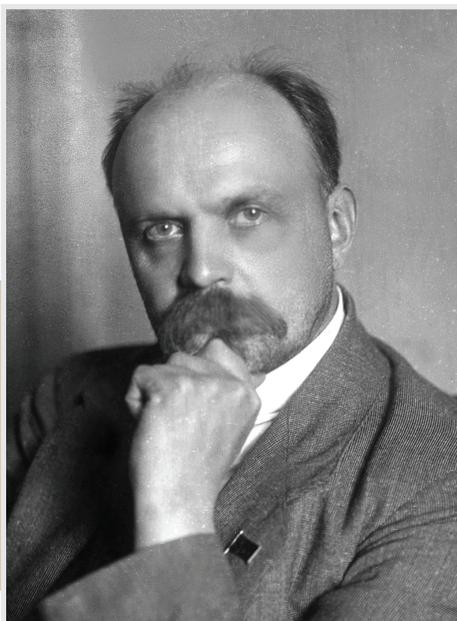
вительно-трудового лагеря Коми АССР, прокурор Усть-Цилемского района Коми АССР. В 1960–1972 гг. – следователь прокуратуры, прокурор Новотитаровского района Краснодарского края, старший помощник прокурора Краснодарского края по кадрам, начальник следственного отдела прокуратуры Краснодарского края. С 1972 по 1978 г. работал в Прокуратуре СССР в должности прокурора отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД Прокуратуры СССР, заместителя начальника отдела, помощника Генерального прокурора СССР. В 1976–1978 гг. – советник Генерального прокурора Республики Куба. В 1978–1990 гг. – заместитель, затем первый заместитель Прокурора РСФСР, а с мая 1990 г. – Прокурор РСФСР. С декабря 1990 г. по август 1991 г. – Генеральный прокурор СССР. 29 августа Верховным Советом СССР был отправлен в отставку, однако ему было поручено исполнение обязанностей Генерального прокурора СССР до решения Съезда народных депутатов СССР. Обязанности исполнял по январь 1992 г. В 1992–2005 гг. занимал должность начальника управления правовой работы корпорации «Росагропромстрой». С 2005 г. – советник генерального директора по правовым вопросам ОСАО «Ингосстрах». Входит в состав научно-консультативного совета Генеральной прокуратуры РФ.

Прокуратура РСФСР

В составе Народного комиссариата юстиции РСФСР в 1922 г. была учреждена Государственная прокуратура на основании постановления ВЦИК¹. С 1931 г. Прокуратура РСФСР функционировала как самостоятельный орган республиканского значения.

КУРСКИЙ Дмитрий Иванович (1874–1932) – Прокурор РСФСР с 28 мая 1922 г. по 16 января 1928 г.

Обучался на юридическом факультете Московского университета. В 1904 г. вступил в ряды РСДРП. В 1905 г. был членом Бутырского райкома РСДРП(б). В том же году принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве. С 1906 г. – член Московского областного бюро

КУРСКИЙ
Дмитрий Иванович

РСДРП(б). В 1909 г. был арестован, но вскоре освобожден. В 1914 г. призван в армию, принимал участие в Первой мировой войне. Во время службы в армии продолжал революционную деятельность. Участник Октябрьской революции 1917 г. – был членом Военно-революционного комитета в Одессе. С 1918 г. – нарком юстиции РСФСР, первый советский прокурор. Одновременно в 1918–1920 гг. был комиссаром Всероглавштаба и Полевого штаба Реввоенсовета республики. Председатель ЦРК ВКП(б) в 1924–1927 гг. Член ЦКК ВКП(б) в 1927–1930 гг. Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. В конце 1920-х гг. возглавлял Институт советского права; принимал участие в разработке первых советских законов, в том числе кодифицированных. С 1928 г. являлся полпредом в Италии. До 1994 г. его имя носил Саратовский юридический институт.

¹ Положение о прокурорском надзоре : постановление ВЦИК от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

ЯНСОН
Николай Михайлович

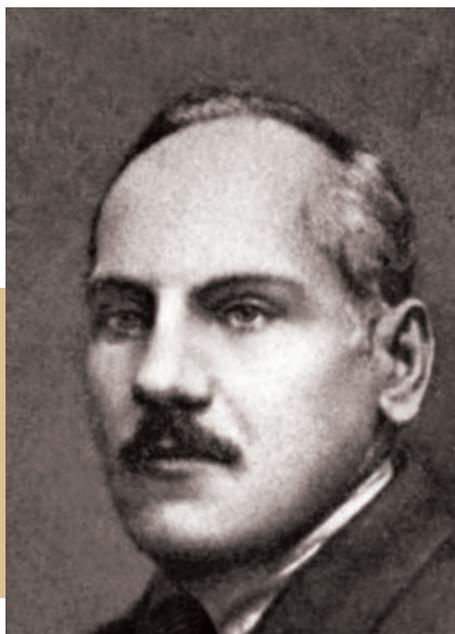
ЯНСОН Николай Михайлович (1882–1938) – Прокурор РСФСР с 16 января 1928 г. по май 1929 г.

Обучался в церковно-приходской и Кронштадтской портовой школе. С 1911 г. работал рабочим-металлургом. Член КПСС с 1905 г. Участник борьбы за советскую власть в Эстонии; был членом Ревельского комитета РСДРП(б), затем председателем Ревельского совета рабочих депутатов. В 1918–1923 гг. – директор завода, председатель Самарского губернского профсовета, председатель Московского райотдела и секретарь ЦК союза металлистов. С 1925 г. – заместитель наркома РКИ СССР. В 1928–1930 гг. – нарком юстиции РСФСР. Одновременно с 1930 г. – заместитель председателя СНК РСФСР. С 1931 г. – нарком водного транспорта СССР. С 1934 г. – заместитель начальника Управления Севморпути при СНК СССР. Член Президиума ЦКК партии в 1923–1934 гг., член ЦРК с 1934 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 г. арестован по обвинению в участии в антисоветской эстонской шпионско-диверсионной организации, которое признал в ходе следствия. В 1938 г. расстрелян по приговору ВКВС.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938) – Прокурор РСФСР с мая 1929 г. по 5 мая 1931 г.

Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета с 1903 г.; участвовал в студенческих собраниях и уличных демонстрациях. С декабря 1904 г. – член партии большевиков. После Октябрьской революции 1917 г. – Верховный главнокомандующий российской армии. Был кандидатом в члены ЦИК СССР 1–4-го созывов. С 1927 по 1934 г. – член ЦКК ВКП(б). Считается одним из организаторов массовых репрессий. С марта 1918 г. входил в состав коллегии наркомата юстиции РСФСР. С мая того же года занимал должность председателя Революци-

КРЫЛЕНКО
Николай Васильевич

онного (Верховного) трибунала. С декабря 1922 по 1929 г. – заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР. Автор курса лекций «Беседы о праве и государстве»¹, где проводил параллель между принуждением, которое осуществляется со стороны государства, и эксплуатацией, в связи с чем, по его мнению, советское право, как и буржуазное, является эксплуататорским, а следовательно, задачей социалистического строительства является свертывание правовой формы Советского государства. С 1929 по 1931 г. занимал пост прокурора РСФСР. С 5 мая 1931 г. по 1936 г. – народный комиссар юстиции РСФСР, а с 20 июля 1936 г. по 15 января 1938 г. – народный комиссар юстиции СССР. Был арестован 31 января 1938 г. по обвинению в связях с антисоветской организацией правых, в создании в органах юстиции вредительской организации и осуществлении подрывной деятельности. Расстрелян 29 июля 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в рамках дела о «контрреволюционной фашистско-террористической организации альпинистов и туристов». В 1956 г. приговор был отменен с полной реабилитацией Н. В. Крыленко.

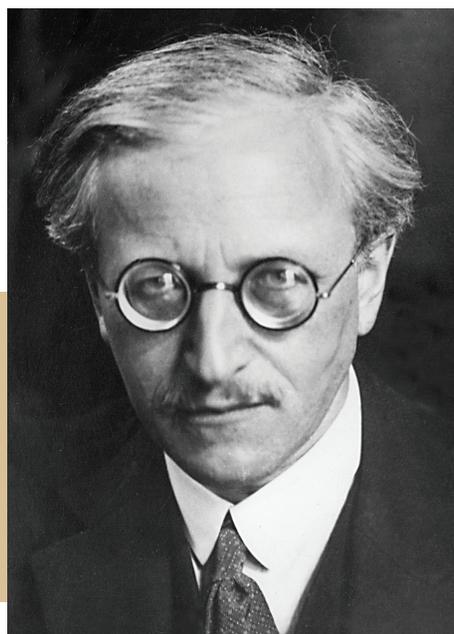
ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – Прокурор РСФСР с 11 мая 1931 г. по 22 июня 1933 г.

АНТОНОВ-ОВСЕНКО Владимир Александрович (1883–1938) – Прокурор РСФСР с 25 мая 1934 г. по 25 сентября 1936 г.

В революционном движении с 1901 г. Член КПСС с 1917 г. Во время Октябрьской революции исполнял функции секретаря Петроградского РВК,

¹ Беседы о праве и государстве : лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
Владимир Александрович

руководил штурмом Зимнего дворца. В 1917–1919 гг. был одним из организаторов Красной армии, командовал советскими войсками Юга России. В августе–сентябре 1919 г. был уполномоченным ВЦИК по подразверстке в Витебской губернии, с ноября 1919 г. – уполномоченным ВЦИК в Тамбовской губернии, затем – председателем Тамбовского губкома и губисполкома. С апреля 1920 г. – зампред Главкомтруда, член коллегии Наркомтруда, с ноября 1920 г. по январь 1921 г. – член коллегии Наркомвнудел и зампред Малого совнаркома, с середины января по начало февраля 1921 г. – уполномоченный ВЦИК в Пермской губернии. В середине февраля 1921 г. Антонов-Овсенко был назначен председателем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. В 1922–1924 гг. – начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 г. – полпред в Чехословакии, Литве, Польше. С 1924 г. – прокурор РСФСР. С 1936 г. – генеральный консул в Барселоне. В сентябре–октябре 1937 г. занимал должность наркома юстиции РСФСР. Входил в состав ЦИК СССР. В конце 1937 г. был отозван из Испании, после чего арестован НКВД в ходе кампании Большого террора в СССР. В феврале 1938 г. расстрелян по приговору ВКВС СССР за принадлежность к троцкистской террористической и шпионской организации. В 1956 г. реабилитирован.

РЫЧКОВ Николай Михайлович (1897–1959) – Прокурор РСФСР с августа 1937 г. по январь 1938 г.

В органах ВЧК на Урале с 1918 г. С 1921 по 1922 г. занимал должность председателя военного трибунала 5-й армии в г. Иркутске. С 1922 по 1927 г. – прокурор Сибирского военного округа, а затем по 1931 г. – заместитель прокурора РККА. В 1931–1937 гг. – член военной коллегии Верховного Суда СССР, диввоенюрист. В 1937–1938 гг. – прокурор РСФСР, с 1938 г. по январь 1948 г.

РЫЧКОВ
Николай Михайлович

занимал пост народного комиссара, а затем министра юстиции СССР. В этот период неоднократно издавал приказы, регламентирующие процедуру рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях и акцентировал внимание судов на их обязанности строго соблюдать процессуальные нормы при рассмотрении любых дел. Принимал активное участие в массовых кампаниях по делам о трудовых преступлениях (Указ ПВС СССР от 26.06.1940), по делам о мелком хулиганстве и мелких хищениях на предприятиях (Указ ПВС СССР от 10.08.1940), по делам о трудовых преступлениях, совершенных на военных предприятиях (Указ ПВС СССР от 26.12.1941) и др. В 1947–1948 гг. возглавлял Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. Был снят со своего поста с признанием его работы неудовлетворительной, после чего находился в резерве Главного управления кадров Министерства вооруженных сил СССР. Далее в 1948–1951 гг. являлся заместителем военного прокурора сухопутных войск, а с 1951 по 1955 г. – заместителем Главного военного прокурора. В мае 1955 г. ушел в отставку.

ГОЛЯКОВ Иван Терентьевич (1888–1961) – Прокурор РСФСР с 31 января 1938 г. по 14 апреля 1938 г.

С 1910 г. проходил службу в армии, принимал участие в Первой мировой войне. С 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию. Служба в армии проходила преимущественно по политической и судебной части. Работал в Военной коллегии Верховного Суда СССР. В 1921–1925 гг. – член коллегии военного трибунала Северо-Кавказского военного округа. С 1925 по 1938 г.

ГОЛЯКОВ
Иван Терентьевич

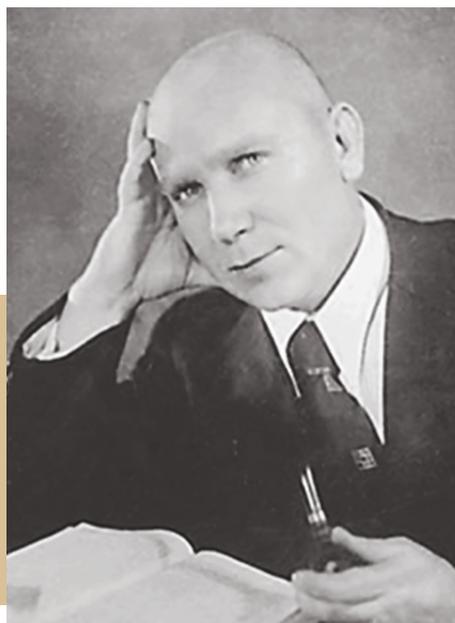

был заместителем председателя реввоен трибунала Белорусского военного округа, затем вновь входил в состав Военной коллегии Верховного Суда СССР. В январе-апреле 1938 г. занимал должность Прокурора РСФСР. С августа 1938 г. – Председатель Верховного Суда СССР. В том же году был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, а с 1946 г. – депутат Верховного Совета СССР. В 1948 г. снят с должности Председателя Верховного Суда СССР за недостатки в работе – за «факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного Суда СССР и работниками его аппарата». В 1932–1959 гг. – заместитель директора по научной части, а затем директор Всесоюзного института юридических наук. Автор более 70 научных работ.

ПАНКРАТЬЕВ Михаил Иванович (1901–1974) – Прокурор РСФСР с 20 мая 1938 г. по 31 мая 1939 г.

ВОЛИН Анатолий Антонович (1903–2007) – Прокурор РСФСР с 25 июля 1939 г. по 25 августа 1948 г.

В 1920–1921 гг. работал на рыбозаводе в г. Темрюк. С 1921 г. назначен начальником секретной части штаба одной из частей РККА. Принимал участие в Гражданской войне. Член РКП(б) с октября 1925 г. В 1923–1926 гг. обучался на рабфаке в г. Краснодаре, затем в 1926–1930 гг. – на юридическом факультете Ленинградского университета. Окончил аспирантуру Коммунистической академии в г. Ленинграде. В 1931–1932 гг. заведовал кафедрой в Ленинградском университете. С 1932 г. – заведующий сектором культуры и народного образования в Автономной Карельской ССР. Возглавлял кафедру в Петрозаводском университете. В 1933–1935 гг. – прокурор г. Петрозаводска. С 1935 г. – помощник прокурора, прокурор Сокольнического района г. Ленинграда. В 1937 г. назначен на должность заместите-

ВОЛИН
Анатолий Антонович

ля прокурора РСФСР, а с 1939 г. занимал пост Прокурора РСФСР. С 1948 по 1957 г. – Председатель Верховного Суда СССР. В это время принимал участие в «чистках органов юстиции», в рассмотрении преступлений, совершенных судьями. С 1957 г. до ухода на пенсию в 1969 г. – заместитель Главного арбитра Госарбитража при Совете министров СССР.

БАРАНОВ Павел Владимирович (1905–1988) – Прокурор РСФСР с 31 декабря 1948 г. по 13 апреля 1954 г.

Обучался в 1920 г. в фабрично-заводском училище в г. Ленинграде. Тогда же вступил в комсомол. С 1927 г. занимал должности заведующего отделом Северо-Западного бюро ЦК ВЛКСМ, Ленинградского обкома комсомола. В январе 1931 г. был направлен на работу в органы прокуратуры в должности прокурора Дновского района Ленинградской области, а через некоторое время стал помощником областного прокурора. В 1934 г. был назначен прокурором Кировского района. В 1937 г. занял должность прокурора Свердловской области. 23 июня 1941 г., в самом начале Великой Отечественной войны, был направлен в действующую армию. В этот период проходил службу в должностях прокуратуры армии и фронта, закончил войну военным прокурором Северной группы войск. С 1948 г. – заместитель Прокурора РСФСР по общим вопросам, а затем Прокурор РСФСР. В марте 1954 г. был утвержден в должности первого заместителя Генерального прокурора СССР. С 1957 г. до выхода в отставку в апреле 1961 г. – первый заместитель председателя юридической комиссии при Совмине СССР.

БАРАНОВ
Павел Владимирович

КРУГЛОВ Алексей Андреевич (1907–1974) – Прокурор РСФСР с 13 апреля 1954 г. по 19 августа 1963 г.

В 1924–1929 гг. работал грузчиком на железной дороге в Серпухове, рабочим на заготовке дров в леспромхозе. В 1927 г. вступил в комсомол. С 1930 г. начал работать в рядах рабоче-крестьянской милиции младшим милиционером, затем участковым уполномоченным милиции. С 1931 г. – начальник Угодского районного отделения исправительно-трудовых работ. С 1932 по 1939 г. работал народным следователем Угодско-Заводского, Воловского, Михневского, Детчинского и Красногорского районов. Обу-

КРУГЛОВ
Алексей Андреевич

чался на Московских областных юридических курсах Наркомюста РСФСР. С 1939 г. – прокурор уголовно-судебного отдела, затем следственного отдела прокуратуры Московской области. В период Великой Отечественной войны был бойцом добровольной пожарной охраны, принимал участие в защите столичных объектов от налетов фашистской авиации, принимал участие в строительстве оборонительных рубежей Московского обвода. С августа 1942 г. – начальник судебно-следственного отдела прокуратуры Московской области. В декабре 1944 г. назначен заместителем прокурора Московской области по общим вопросам, курировал группу по делам несовершеннолетних и гражданско-судебный отдел. С 1947 г. занимал должность заместителя начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР. В августе 1949 г. назначен прокурором Московской области. Окончил в 1952 г. Всесоюзный юридический заочный институт. В 1954–1963 гг. занимал должность Прокурора РСФСР. С 1963 по 1970 г. возглавлял Юридическую комиссию при Совете министров РСФСР, выполнявшую функции упраздненного Министерства юстиции РСФСР.

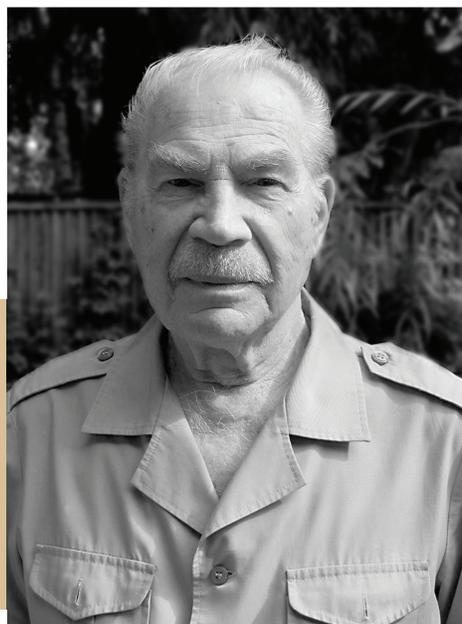

БЛИНОВ
Владимир Михайлович

БЛИНОВ Владимир Михайлович (1918–1990) – Прокурор РСФСР с 29 ноября 1963 г. по сентябрь 1970 г.

Обучался в школе-семилетке, после окончания которой в 1933 г. поступил в Ивановский энергетический техникум. В 1937 г. ЦК ВЛКСМ направил его на учебу в Ленинград, в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, которое он окончил весной 1941 г. С начала Великой Отечественной войны находился на фронте, командуя подразделением в частях Краснознаменного Балтийского флота и ротой морской пехоты на Северо-Западном фронте. В 1945 г. был направлен на комсомольскую работу в Молдавию. С 1949 г., вернувшись в Иваново, руководил отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинского райкома партии города, затем Ивановского обкома. В 1953–1958 гг. обучался во Всесоюз-

ном юридическом заочном институте. С 1959 г. – заведующий сектором отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС РСФСР, заместитель заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС РСФСР, 1-й заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС РСФСР. В 1963–1970 гг. – прокурор РСФСР. С сентября 1970 г. при возобновлении деятельности Министерства юстиции РСФСР занимал пост министра юстиции РСФСР до ухода на пенсию в феврале 1984 г.

КРАВЦОВ
Борис Васильевич

КРАВЦОВ Борис Васильевич (р. 1922) – Прокурор РСФСР с 21 января 1971 г. по 12 апреля 1984 г.

С 1941 г. служил в Красной армии. В 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Член КПСС с 1943 г. После увольнения из армии в связи с ранением в 1945 г. обучался в Московской юридической школе, а затем во Всесоюзном юридическом заочном институте. С 1947 г., еще в период учебы, начал работать в органах суда – судьей в линейном суде Москвитско-Окского бассейна. С 1950 г. занимал должность старшего инспектора-ревизора в аппарате Министерства юстиции СССР. С 1956 г. работал в аппарате ЦК КПСС инструктором отдела административных органов, избирался секретарем парткома Министерства юстиции СССР. С 1960 г. – первый заместитель прокурора РСФСР, с 1971 г. – прокурор РСФСР. Одновременно был депутатом Верховного Совета РСФСР 8–10-го созывов. С 1984 по 1989 г. занимал пост министра юстиции СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1986 г. Депутат Верховного Совета СССР с 1985 г. В 1990 г. вошел в правление Клуба героев Советского Союза, героев России и полных кавалеров ордена Славы. С 1993 г. – советник по вопросам законности в Гильдии российских адвокатов и вице-президент Российской ассоциации героев. Является автором/соавтором более 100 публикаций, в числе которых монография «Советская

прокуратура»¹, сборник нормативных актов «Правовая работа в народном хозяйстве»².

ЕМЕЛЬЯНОВ
Сергей Андреевич

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Андреевич (1936–1995) – Прокурор РСФСР с 26 июня 1984 г. по 28 мая 1990 г.

В 1954 г. поступил на юридический факультет МГУ. С 1959 г. стажировался в Вяземской межрайонной прокуратуре, занимался в основном следствием. В сентябре 1960 г. принят на работу в органы прокуратуры г. Москвы, назначен следователем, затем старшим следователем прокуратуры Октябрьского района. В августе 1963 г. переведен на работу в аппарат прокуратуры г. Москвы, где стал прокурором отдела по надзору за следствием в органах охраны общественного порядка (внутренних дел). В сентябре 1964 г. занял должность прокурора отдела кадров. В июле 1965 г. назначен прокурором г. Зеленограда. С июня 1968 г. – начальник отдела общего надзора прокуратуры г. Москвы. С июля 1971 г. – заместитель прокурора г. Москвы. В сентябре 1973 г. назначен на вновь образованную должность заместителя прокурора г. Москвы – начальника отдела кадров. В мае 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1978–1980 гг. занимал должность 1-го заместителя прокурора г. Москвы. В сентябре 1980 г. перешел на работу в ЦК КПСС, где стал инструктором Отдела административных органов. В 1983 г. назначен прокурором г. Москвы, а 26 июня 1984 г. стал Прокурором РСФСР. Входил в состав коллегии Прокуратуры СССР. С мая 1990 г. стал работать научным сотрудником Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР. Автор ряда публикаций в научных юридических и иных журналах и газетах, выпустил несколько монографий.

ТРУБИН Николай Семенович (р. 1931) – Прокурор РСФСР с 28 мая 1990 г. по 11 декабря 1990 г.

¹ См.: Советская прокуратура / В. И. Аринин [и др.] ; отв. ред. А. М. Рекунков. М., 1982.

² См.: *Кравцов Б. В.* Правовая работа в народном хозяйстве : сб. нормативных актов. М., 1986.

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТЕПАНКОВ
Валентин Георгиевич

СТЕПАНКОВ Валентин Георгиевич (р. 1951) – Генеральный прокурор РСФСР с 28 февраля 1991 г. по 22 сентября 1993 г., Генеральный прокурор Российской Федерации с 22 сентября 1993 г. по 5 октября 1993 г.

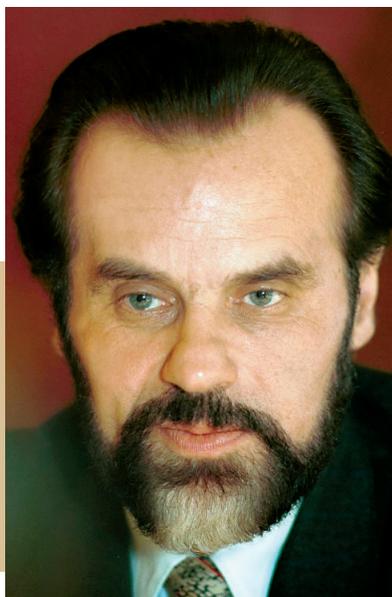
После окончания юридического факультета Пермского университета работал в органах прокуратуры Пермской области. Стажер, следователь районной прокуратуры Пермской области, прокурор отдела общего надзора прокуратуры области, прокурор г. Губахи Пермской области, инструктор отдела административных органов Пермского обкома КЦСС (1981–1983 гг.), прокурор г. Перми (1983–1987 гг.), заместитель начальника Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР, помощник Генерального прокурора СССР, прокурор Хабаровского края, первый заместитель прокурора РСФСР.

28 февраля 1991 г. постановлением Верховного Совета РСФСР назначен Генеральным прокурором РСФСР.

22 сентября 1993 г. указом Президента РФ назначен Генеральным прокурором Российской Федерации.

5 октября 1993 г. указом Президента РФ освобожден от должности Генерального прокурора Российской Федерации.

Впоследствии работал в администрации Пермской области, избирался депутатом Государственной думы II созыва (1995–1999). В конце 1990-х гг. возглавлял советы директоров ряда предприятий, в том числе Пермского моторного завода. Был заместителем полпреда президента России в Приволжском федеральном округе (2000–2003), заместителем секретаря Совета безопасности РФ (2003–2004), заместителем министра природных ресурсов РФ (2004–2006). После ухода с государственной службы возглавил консалтинговую компанию.

КАЗАННИК
Алексей Иванович

КАЗАННИК Алексей Иванович (1941–2019) – Генеральный прокурор Российской Федерации с 5 октября 1993 г. по 25 апреля 1994 г.

В 1967 г. окончил юридический факультет Иркутского университета. После окончания юрфака – преподаватель, старший преподаватель, заведующий кафедрой юридического факультета Иркутского университета. Доктор юридических наук, профессор.

В 1990 г. – депутат Верховного Совета СССР.

5 октября 1993 г. назначен Генеральным прокурором Российской Федерации.

Подал в отставку с должности 26 февраля 1994 г. 25 апреля 1994 г. постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации освобожден от должности Генерального прокурора Российской Федерации.

После ухода из генпрокуратуры в 1996–2003 гг. занимал пост вице-губернатора Омской области, затем был первым проректором Омского юридического института, занимался преподавательской деятельностью.

ИЛЬЮШЕНКО
Алексей Николаевич

ИЛЬЮШЕНКО Алексей Николаевич (1957–2021) – исполняющий обязанности Генерального прокурора Российской Федерации с 26 февраля 1994 г. по 8 октября 1995 г.

Окончил юридический факультет Красноярского госуниверситета, с 1979 г. работал в органах прокуратуры Красноярска, в 1989 г. был переведен в Генеральную прокуратуру в Москве. В 1993 г. он был назначен руководителем Контрольного управления Администрации Президента РФ, вошел в Межведомственную комиссию по борьбе с коррупцией.

С 26 февраля 1994 г. – и. о. Генерального прокурора Российской Федерации.

8 октября 1995 г. освобожден от исполнения обязанностей Генерального прокурора Российской Федерации.

С августа 2001 г. Ильюшенко занимал должность заместителя руководителя Департамента природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы, затем был назначен первым заместителем руководителя Департамента имущественных и земельных отношений г. Москвы. В 2011 г. был освобожден от должности.

ГАЙДАНОВ Олег Иванович (р. 1945) – временный исполняющий обязанности Генерального прокурора Российской Федерации с 8 октября 1995 г. по 24 октября 1995 г.

В 1973 г. окончил Оренбургский филиал Всесоюзного юридического заочного института. В 1971 г. О. И. Гайданов был назначен помощником районного прокурора, а в 1973 г. его переводят помощником областного прокурора. В 1974 г. в связи с организацией в Актюбинске нового Пролетарского района О. И. Гайданов назначен прокурором этого района. В 1978 г. Олегу Ивановичу был досрочно присвоен чин советника юстиции, и он был

ГАЙДАНОВ
Олег Иванович

назначен первым заместителем прокурора Гурьевской области. В 1981 г. О. И. Гайданов был назначен заместителем начальника следственного управления Прокуратуры Казахской ССР. Более четырех лет был заместителем прокурора Узбекской ССР. В 1993 г. назначен заместителем прокурора войсковой части № 95006, а в 1994 г. – начальником следственного управления Генеральной прокуратуры РФ.

13 мая 1994 г. назначен заместителем Генерального прокурора РФ, а с 8 по 24 октября 1995 г. был временно исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ.

16 ноября 1995 г. ушел в отставку, в январе 1996 г. уволен из органов прокуратуры в связи с уходом на пенсию.

СКУРАТОВ Юрий Ильич (р. 1952) – Генеральный прокурор Российской Федерации с 24 октября 1995 г. по 19 апреля 2000 г.

Выпускник и преподаватель Свердловского юридического института, доктор юридических наук (1987). В 1989 г. перешел на работу в аппарат ЦК КПСС, был заместителем заведующего отделом по законодательным инициативам и правовым вопросам. Затем работал старшим консультантом у министра безопасности РФ Виктора Баранникова, в 1993 г. был назначен директором НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

24 октября 1995 г. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначен Генеральным прокурором Российской Федерации.

19 апреля 2000 г. постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации освобожден от должности Генерального прокурора Российской Федерации.

СКУРАТОВ
Юрий Ильич

УСТИНОВ Владимир Васильевич (р. 1953) – Генеральный прокурор Российской Федерации с 17 мая 2000 г. по 2 июня 2006 г.

В 1974 г. поступил в Харьковский юридический институт. В 1978 г., став дипломированным специалистом, был принят стажером в органы прокуратуры, затем занимал должности помощника прокурора, старшего помощника прокурора, заместителя прокурора, прокурора ряда районов Краснодарского края.

В 1994 г. он стал первым заместителем прокурора Краснодарского края – прокурором г. Сочи.

В 1997 г. назначен на пост заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

УСТИНОВ
Владимир Васильевич

17 мая 2000 г. постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. В. Устинов назначен Генеральным прокурором Российской Федерации.

2 июня 2006 г. постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации освобожден от должности Генерального прокурора Российской Федерации.

В 2006–2008 гг. Владимир Устинов занимал должность министра юстиции. В 2008 г. был назначен полномочным представителем Президента РФ в Южном федеральном округе.

ЧАЙКА Юрий Яковлевич

ЧАЙКА Юрий Яковлевич (р. 1951) – Генеральный прокурор Российской Федерации с 23 июня 2006 г. по 22 января 2020 г.

В 1972 г. поступил в Свердловский юридический институт. В 1976 г., став дипломированным специалистом, Ю. Я. Чайка был принят стажером в органы прокуратуры, затем работал следователем, заместителем районного прокурора в Иркутской области, Тайшетским транспортным прокурором Иркутской области. В 1983 г. возглавил следственный отдел Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры.

С 1984 по 1992 г. работал инструктором отдела административных органов Иркутского обкома КПСС, первым заместителем прокурора Иркутской области, заведующим отделом Иркутского обкома КПСС, Восточно-Сибирским транспортным прокурором.

В 1992 г. он стал прокурором Иркутской области.

В 1995 г. Ю. Я. Чайка назначен на должность первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

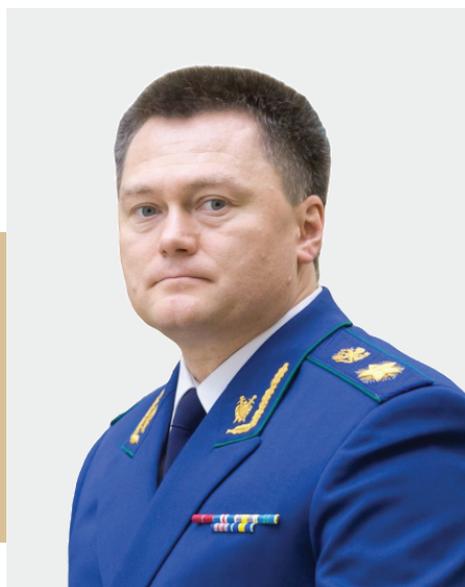
С 1999 по 2006 г. возглавлял Министерство юстиции Российской Федерации.

23 июня 2006 г. постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Ю. Я. Чайка назначен Генеральным прокурором Российской Федерации.

20 января 2020 г. подал в отставку в связи с переходом на должность полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе.

22 января 2020 г. был назначен полномочным представителем Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе.

КРАСНОВ
Игорь Викторович

КРАСНОВ Игорь Викторович (р. 1975) – Генеральный прокурор Российской Федерации с 22 января 2020 г. по настоящее время.

В 1998 г. окончил юридический факультет Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

С 1997 г. работал в органах прокуратуры.

С 2006 по 2007 г. – следователь центрального аппарата Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В 2007 г. начал работать в Следственном комитете Российской Федерации. Являлся старшим следователем по особо важным делам при Председателе Следственного комитета РФ.

В апреле 2016 г. назначен заместителем Председателя Следственного комитета Российской Федерации.

22 января 2020 г. по представлению Президента РФ утвержден Советом Федерации на должность Генерального прокурора РФ.

3 февраля 2020 г. введен в состав Совета безопасности Российской Федерации.

УДК 342.9

Д. В. Уткин

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОКУРОРА: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Рассмотрены проблемные аспекты понимания административно-процессуального статуса прокурора, исследованы особенности процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прокурор, административно-процессуальный статус, административное судопроизводство.

ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL STATUS OF THE PROSECUTOR: MODERN UNDERSTANDING AND FEATURES

The article deals with the problematic aspects of understanding the administrative procedural status of the prosecutor, investigated the features of the procedural status of the prosecutor in administrative proceedings.

К e y w o r d s: prosecutor, administrative procedural status, administrative proceedings.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

В качестве участников административного судопроизводства в широком смысле можно выделить субъектов, которые привлечены к процессу. В их числе судьи, административный истец, административный ответчик, взыскатель и должник по административным делам о вынесении судебного приказа, заинтересованные лица, органы, организации и лица, обращающиеся в суд для защиты интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу, и прокурор.

Термин «статус» в переводе с латинского означает положение, состояние кого-либо или чего-либо. В толковом словаре русского языка слово «статус» понимается как определенное состояние (положение) чего-либо¹. В юридическом словаре под статусом понимается правовое положение субъекта права – гражданина или юридического лица, характеризующее или определяемое организационно-правовой формой, уставом, свидетельством о регистрации, правами и обязанностями, ответственностью, полномочиями, вытекающими из законодательных и иных нормативных актов². Следует заметить, что терми-

¹ См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1. С. 1263.

² См.: Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2006. С. 601.

ны «статус» и «положение» совпадают, это слова-синонимы³. Тем не менее, в литературе были высказаны предложения о разграничении понятий правового статуса и правового положения. Думается, что в таком разделении нет особой необходимости, поскольку смысловое удвоение термина не способствует четкому восприятию и анализу одной из ключевых категорий правоведения.

В юридической энциклопедии под «правовым статусом» понимается совокупность общих прав, определяющих правоспособность, и основных прав и обязанностей, неотделимых от лиц, органов, организаций, юридических лиц⁴. Большой юридический словарь рассматривает «правовой статус» как установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей⁵, а «процессуальный» – как относящийся к судебному или административному процессу⁶.

Таким образом, все участники, вступая в административный процесс, приобретают соответствующий процессуальный статус в рамках осуществления административного судопроизводства, другим словами, административно-процессуальный статус. Данные лица наделяются процессуальными правами и обязанностями, которые закреплены в административно-процессуальном законодательстве.

Основным нормативным актом, определяющим административно-процессуальный статус прокурора, является Кодекс административного судопроизводства РФ. Эффективность осуществления административного правосудия зависит от уровня правового регулирования прав и обязанностей участников административного судопроизводства, а также обеспечения соотношения интересов гражданина и государства.

Важное значение в защите прав и свобод граждан в административном судопроизводстве приобретает деятельность органов прокуратуры. Административно-процессуальные полномочия прокурора закреплены в ст. 39 КАС РФ. Так, прокурор может участвовать в административном деле, обратившись в суд с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Однако такая возможность обращения прокурора с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, допускается только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд⁷.

К процессуальным полномочиям прокурора в административном судопроизводстве относятся также вступление в судебный процесс и дача заключения

³ См.: Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 264.

⁴ См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 1042.

⁵ См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1999. С. 655.

⁶ См.: Там же. С. 567.

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391 ; 2021. № 18. Ст. 3059.

по административному делу в случаях, предусмотренных законами. Так, прокурор вступает в судебный процесс по делам:

- об оспаривании нормативных правовых актов;
- о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ;
- о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар или о продлении срока принудительной госпитализации гражданина, страдающего психическим расстройством;
- о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке;
- о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении;
- об административном надзоре.

Анализ административно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о закреплении следующих форм участия прокурора в административном судопроизводстве: 1) обращение в суд с административным иском; 2) вступление в судебный процесс с заключением по административному делу, а также для обеспечения законности.

Кроме того, КАС РФ также урегулировал вопрос о порядке обращения прокуроров в суды. Так, Генеральный прокурор РФ и заместитель Генерального прокурора РФ вправе обратиться в Верховный Суд РФ, верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, военный суд, районный суд. Прокурор субъекта РФ, заместитель прокурора субъекта РФ и приравненные к ним прокуроры и их заместители – в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, окружной (флотский) военный суд, гарнизонный военный суд, районный суд. Прокурор города, района и приравненные к ним прокуроры – в гарнизонный военный суд, районный суд.

В целях надлежащего обеспечения законности и исполнения прокуратурой своих полномочий Приказом Генеральной прокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» закреплены обязанности прокуроров в административном судопроизводстве. К ним относятся:

- участие в рассмотрении судами дел, возбужденных по административным исковым заявлениям прокуроров, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений и актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам;
- вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений по делам, предусмотренным ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ, и в иных случаях, установленных федеральными законами;
- апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по делам, в рассмотрении которых участвовал или вправе был участвовать прокурор;

– рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных постановлений по административным делам⁸.

При этом основными задачами участвующего в административном судопроизводстве прокурора являются: защита и восстановление нарушенных прав, законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также обеспечение законности на всех стадиях административного судопроизводства.

Особенность административно-процессуального статуса прокурора заключается в том, что он одновременно может быть стороной в деле. При этом можно выделить две формы участия прокурора в административном судопроизводстве: активную и пассивную. Активная форма участия прокурора проявляется в виде возбуждения административного дела при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций. В соответствии со ст. 38 КАС РФ под административным истцом понимается лицо, которое обратилось в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов, либо лицо, в интересах которого подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом или гражданином, либо прокурор, орган, осуществляющий публичные полномочия, или должностное лицо, обратившиеся в суд для реализации возложенных на них контрольных или иных публичных функций.

Другой активной формой участия прокурора в административном судопроизводстве является возбуждение административного дела посредством обращения с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также вступление в процесс для дачи заключения по делу. Выделение такой формы участия прокурора, как обращение с административным иском в интересах иных субъектов права, связано с тем, что в соответствии с законом прокурор, выступая в защиту чужих интересов, не может выступать в качестве административного истца. Следует согласиться с мнением О. С. Рогачевой, полагающей, что «не совсем точной является формулировка законодателя рассматривать прокурора в качестве административного истца, обратившегося в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, поскольку по данной категории дел административным истцом будет непосредственно сам гражданин, в защиту которого обращается прокурор в рамках административного судопроизводства»⁹. Часть 2 ст. 38 КАС РФ указывает, что административным истцом при подаче заявления прокурором считается лицо, в интересах которого подано заявление. Следовательно, вопрос о правовом статусе прокурора в этом случае остается открытым¹⁰.

Пассивной же формой участия прокурора в административном судопроизводстве можно назвать его участие в качестве административного ответчика,

⁸ Законность. 2021. № 2.

⁹ Рогачева О. С. Участие прокурора при рассмотрении отдельных категорий административных дел : формы участия и особенности процессуального положения // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 2. С. 16.

¹⁰ См.: Карпова А. И. Формы участия прокурора в рассмотрении судами общей юрисдикции административных дел в порядке административного судопроизводства // Российское право : образование, практика, наука. 2017. С. 19–20.

так как административными ответчиками являются органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, избирательные комиссии, комиссии референдума, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностные лица, государственные и муниципальные служащие.

Помимо Кодекса административного судопроизводства РФ и Приказа Генеральной прокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹¹ разъяснил права и обязанности лиц, участвующих в деле, в том числе и прокурора. Так, общие положения об участии прокурора в административном деле закреплены в ст. 39 КАС РФ, которая предусматривает обращение прокурора в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод, законных интересов других лиц, а также вступление прокурора в процесс и дачу им заключения по административным делам, указанным в Кодексе и других федеральных законах. Административное исковое заявление прокурора и прилагаемые к нему документы должны соответствовать специальным требованиям, предъявляемым к ним ч. 6–7 ст. 125, п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ. В частности, к административному исковому заявлению прокурора прилагаются уведомления о вручении или иные документы, подтверждающие вручение другим лицам, участвующим в деле, направленных в соответствии с ч. 7 ст. 125 Кодекса копий административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют.

Вместе с тем особое значение имеет нормативное закрепление такого полномочия прокурора, как отказ от административного иска и последствия его отказа. Такие последствия зависят от того, в чьих интересах было подано административное исковое заявление. В случае отказа прокурора от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, являющихся субъектами административных и иных публичных правоотношений, рассмотрение дела по существу продолжается. В случае, если отказ прокурора от административного иска связан с удовлетворением административным ответчиком заявленных требований, суд принимает такой отказ и прекращает производство по делу. Если же прокурор отказывается от административного иска, поданного в защиту прав гражданина, суд оставляет его без рассмотрения до тех пор, пока гражданин не заявит об отказе от административного иска.

Также по смыслу ч. 6 ст. 39, ч. 7 ст. 40 КАС РФ в случаях, когда при отказе прокурора, органов, организаций и граждан от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, данный гражданин, обладающий административной процессуальной дееспособностью, его представитель или законный представитель гражданина, не обладающего административной процессуальной дееспособностью, заявляет о том, что он поддерживает административный иск, суду следует рассмотреть принятый к производству административный иск по существу.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.

Как уже было отмечено выше, законодатель предусмотрел две формы участия прокурора в административном судопроизводстве. Однако необходимо выделить третью форму участия прокурора в административном процессе, такую как подача апелляционных, кассационных, надзорных представлений на решения судов.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации не только участвуют в рассмотрении дел судами, но и опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов. Так, в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ прокуроры обязаны своевременно реагировать на незаконные и необоснованные судебные постановления принесением апелляционных, кассационных и надзорных представлений.

В соответствии со ст. 295 и 318 КАС РФ прокурору, участвующему в деле, предоставлено право принесения апелляционного представления, полномочиями же по принесению кассационного представления наделены Генеральный прокурор РФ и его заместители, прокуроры субъектов РФ и приравненные к ним военные и специализированные прокуроры. Необходимо отметить, что к полномочиям прокурора отнесено также право подачи кассационного представления в интересах лиц, указанных в ч. 1 ст. 39 КАС РФ, не привлеченных к участию в деле, в случае нарушения их права судебным постановлением.

Приказом Генеральной прокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» установлена также обязанность прокурора по подготовке и направлению возражений на апелляционную и кассационную жалобу в случае ее подачи иными участниками административного судопроизводства, даже при отсутствии оснований для принесения апелляционного представления¹².

Оценивая роль прокуратуры в административном судопроизводстве, необходимо отметить, что Кодексом административного судопроизводства РФ на прокурора возлагаются задачи по защите прав и законных интересов граждан, а также общественных и государственных интересов. При этом данный процессуальный акт, являясь важным этапом в развитии судебной системы страны, модернизации процессуального законодательства, внес определенные новшества в правовое регулирование административно-процессуального статуса прокурора.

¹² Законность. 2021. № 2.

Воронежский государственный университет

Уткин Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

*Utkin D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: dut@mail.ru*

ОБ ЭТИЧЕСКОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА

В статье исследуются отдельные вопросы этической и дисциплинарной ответственности прокурорского работника. На основе проведенного анализа законодательства, регламентирующего правовой статус прокурорского работника, порядка привлечения его к дисциплинарной ответственности и материалов дисциплинарной практики автором выявлено несовершенство действующего законодательства в исследуемой области. Сформулировано определение проступка, порочащего честь прокурорского работника.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная этика прокурорского работника, честь прокурорского работника, проступок, порочащий честь прокурорского работника, этическая и дисциплинарная ответственность прокурорского работника.

ON THE ISSUE OF ETHICAL AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF A PROSECUTOR'S EMPLOYEE

The article examines certain issues of ethical and disciplinary responsibility of a prosecutor's employee. Based on the analysis of the legislation regulating the legal status of a prosecutor's employee, the procedure for bringing him to disciplinary responsibility and the materials of disciplinary practice, the author revealed the imperfection of the current legislation in the area under study. The definition of a misdemeanor discrediting the honor of a prosecutor's employee is formulated.

К е у w o r d s: professional ethics of a prosecutor's employee, honor of a prosecutor's employee, misconduct discrediting the honor of a prosecutor's employee, ethical and disciplinary responsibility of a prosecutor's employee.

Поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

Успешная реализация стоящих перед прокуратурой задач по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства возможна только на основе высокого профессионализма, честности и неподкупности прокурорских работников, их независимости и беспристрастности, способности противостоять любым попыткам неправомерного воздействия на результаты служебной деятельности.

В связи с этим приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 утвержден Кодекс этики прокурорского работника, которым с учетом высокого звания, особенностей несения службы в органах и организациях прокуратуры и ограничений, связанных с прокурорской деятельностью, установлены правила поведения и нормы служебной этики в профессиональной и во внеслужебной деятельности. Тем самым «сделана

попытка урегулировать нормы морали и нравственности методами управления»¹.

Анализ положений Кодекса этики прокурорского работника, а также правовых норм, регулирующих особенности несения службы в органах и организациях отечественной прокуратуры, позволил прийти к выводу, что за нарушение норм этики прокурорский работник может быть привлечен к этической и дисциплинарной ответственности.

К сожалению, на практике возникают некоторые сложности при определении фактических оснований привлечения прокурорских работников к дисциплинарной ответственности.

Поэтому представляется целесообразным разграничить фактические основания этической и дисциплинарной ответственности.

Однако этому разграничению препятствует отсутствие в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», а также Кодексе этики прокурорского работника дефиниций неэтичного поведения и проступка, порочащего честь прокурорского работника. Кодекс этики прокурорского работника содержит лишь отдельные характеристики должного и неправомерного поведения со стороны прокурорского работника.

Чтобы правильно квалифицировать нарушения норм этики, следует ответить на вопрос, что означают данные понятия. Для ответа на поставленный вопрос необходимо дать определение дисциплинарного проступка, поскольку под ним помимо прочего понимается проступок, порочащий честь прокурорского работника. Так, согласно ч. 1 ст. 47.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение работниками своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника.

Не разрешают поставленного вопроса и нормативно оформленные признаки дисциплинарного проступка, среди которых выделяются: нарушение Присяги прокурора; совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника, в том числе связанного с нарушением норм Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации; нарушение трудовой дисциплины; неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей; обнаружение недостачи дел, материалов, оружия, патронов к нему, специальных средств, а также имущества; утрата служебного удостоверения; распространение сведений, порочащих честь и достоинство прокурорского работника².

По имеющимся в свободном доступе материалам дисциплинарной практики³ к специфическим признакам проступка, порочащего честь прокурор-

¹ Анисимов Г. Г. Теоретические проблемы реализации положений Кодекса этики прокурорского работника // Законность. 2013. № 3. С. 10–12.

² Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора РФ от 28 апреля 2016 г. № 255 // Законность. 2016. № 7.

³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2020 г. № 88-16235/2020 ; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 20 июня 2016 г. по делу № 33-7960/2016 ; Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 13 мая 2015 г. по делу № 33-1614/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ского работника, условно можно отнести следующие: виновное действие или бездействие, повлекшее нарушение норм профессиональной этики и причинившее негативные последствия, которые невозможно устранить мерами воздействия, установленными Кодексом этики прокурорского работника; неэтичное поведение, выражающееся в грубом нарушении требований Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации; несоблюдение ограничений, запретов и обязанностей, связанных с работой в органах и учреждениях прокуратуры, которое порождает сомнения в высоком профессионализме, честности, порядочности, неподкупности, независимости, беспристрастности, способности противостоять любым попыткам неправомерного воздействия на результаты служебной деятельности, а также наносит ущерб личной репутации прокурорского работника и авторитету всей системе органов прокуратуры Российской Федерации.

Обозначенные признаки позволяют разграничить проступок, порочащий честь прокурорского работника, от неэтичного поведения, выражающегося в совершении виновного действия (бездействия), но не причинившего вреда (ущерба) правам и свободам человека и гражданина, авторитету органам и организациям прокуратуры и государственной власти в целом, влекущего применение к прокурорскому работнику мер взыскания, предусмотренных Кодексом этики прокурорского работника (устное замечание; предупреждение о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении).

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется возможным определить проступок, порочащий честь прокурорского работника, как виновное действие (бездействие), выразившееся в грубом нарушении правил поведения и норм служебной этики в профессиональной и во внеслужебной деятельности, несоблюдении ограничений, запретов и обязанностей, связанных с работой в органах и учреждениях прокуратуры, а также порождающий сомнения в высоком профессионализме, честности, порядочности, неподкупности, независимости, беспристрастности, способности противостоять любым попыткам неправомерного воздействия на результаты служебной деятельности, повлекший ущерб личному достоинству прокурорского работника, авторитету органам и организациям прокуратуры и государственной власти в целом.

Воронежский государственный университет
Куницина О. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной власти
и правоохранительной деятельности

Voronezh State University
Kunicina O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement
Activity Department
E-mail: 89507663716@mail.ru

ОБ ИСТОРИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ

Рассматриваются вопросы возникновения и развития стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе. Проведен исторический анализ основных этапов развития первоначальной стадии уголовного судопроизводства с древних времен по настоящее время. Анализируются некоторые проблемы указанной стадии и предлагаются варианты их разрешения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, история развития, уголовный процесс, Русская Правда, устав уголовного судопроизводства, Российская империя, РСФСР, СССР, УПК.

ON THE HISTORY OF THE STAGE OF EXCITATION OF A CRIMINAL CASE: PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND PROPOSALS FOR DEVELOPMENT

The article deals with the issues of the emergence and development of the stage of initiating a criminal case in the domestic criminal process. A historical analysis of the main stages in the development of the initial stage of criminal proceedings from ancient times to our time has been carried out. The author provides an analysis of some of the problems of the stage at the current stage and suggests some options for resolving.

К е у в о р д s: stage of initiation of a criminal case, verification of a crime report, history of development, criminal process, Russian truth, charter of criminal proceedings, Russian empire, RSFSR, USSR, Code of Criminal Procedure.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Стадия возбуждения уголовного дела прошла долгий путь. Данный институт В. Н. Махов называет элементом «советской эксклюзивности»¹. Л. М. Володина характеризует его как помеху для быстрого реагирования на преступления в силу запретов проведения следственных действий»². О реликте социалистической законности пишут Ю. В. Деришев и К. М. Смагин³. Схожие проблемы и предложения к дискуссии можно найти в трудах В. П. Лаврова

¹ Махов В. Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. № 3(25). С. 183.

² Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 8.

³ См.: Деришев Ю. В., Смагин К. М. Полицейское дознание как самостоятельный институт полицейского права // Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 73.

и А. В. Победкина⁴, Б. Я. Гаврилова⁵, Л. Н. Масленниковой⁶, О. В. Логунова, С. П. Умнова, Э. К. Кутуева⁷ и др.

Тем не менее стадия возбуждения уголовного дела остается в отечественном Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК РФ), находя поддержку ученых, воспринимающих стадию в качестве неотъемлемого, обязательного элемента процесса как «фильтра»⁸.

В настоящей статье хотелось бы обратиться к истории стадии возбуждения уголовного дела в аспекте причин ее происхождения, развития в отечественном уголовном судопроизводстве и дальнейших перспектив.

Необходимо подчеркнуть, что стадии возбуждения уголовного дела не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г.⁹, ни Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 и 1923 гг.¹⁰, где заявление о преступлении уже служило началом производства по уголовному делу. Об этом же указывает Д. А. Варнавский, отметивший, что изменение подхода имело место относительно недавно – в 1960-х гг., что нашло отражение в содержании УПК РСФСР 1960 г., когда фактически стадия возбуждения уголовного дела заменила стадию дознания¹¹. С принятием же Конституции РФ, а затем и УПК РФ 2001 г.¹² эта стадия оказалась в определенном смысле «инородным телом», малоэффективным, тормозящим быстрое раскрытие преступлений «по горячим следам», что, как видится, было обусловлено падением социалистического строя и возвратом к рыночной экономике, в результате которых была разрушена существующая в советский период система сдержек и противовесов, партийная дисциплина, обеспечивавшие в достаточной степени эффективную деятельность органов дознания (милиции) в стадии возбуждения уголовного дела.

⁴ См.: Лавров В. П., Победкин А. В. Проверка сообщения о преступлении : условия конституционности // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской акад. МВД России. 2018. № 2 (42). С. 197.

⁵ См.: Гаврилов Б. Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : вопросы теории и практики : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 8–9 апреля 2021 г.). Красноярск, 2021. С. 174.

⁶ См.: Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 140.

⁷ См.: Логунов О. В., Умнов С. П., Кутуев Э. К. О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 1 (55). С. 9.

⁸ См., например: Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела : цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 83 ; Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 49.

⁹ См.: Русский уголовный процесс : учеб. пособие. М., 1997. С. 238.

¹⁰ Об Уголовно-процессуальном кодексе : постановление ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2022) ; Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК РСФСР от 15 февраля 1923 г. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 04.04.2022).

¹¹ См.: Варнавский Д. А. Историко-правовой анализ института проверки сообщения о преступлении в 1917–1923 годах // Российский следователь. 2016. № 9. С. 47.

¹² Об уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Эволюция данного института в России прошла через несколько этапов, из которых следует выделить три этапа нормативного регулирования данного института: 1) дореволюционный или досоветский этап; 2) советский этап; 3) постсоветский этап.

Обращаясь к первому этапу, следует начать с того, что до формирования института возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса его правовое регулирование единого оформления не имело.

В древнерусском своде законов времен Ярослава Мудрого – «Русской Правде»¹³, датированной различными годами, начиная с 1016 г. содержались нормы, предусматривавшие наказание за отдельные виды преступлений, и нормы, регулировавшие процессуальный порядок по привлечению к ответственности за их совершение. То есть уже имел место прообраз «стадии возбуждения уголовного дела», однако в большей степени процессуальные нормы были направлены на выявление оснований для возбуждения уголовного дела.

Например, указывалось, что судопроизводство об убийстве могло начаться по следующим основаниям: по заявлению родственников убитого при наличии трупа; по заявлению родственников убитого при отсутствии трупа, но при наличии достаточных оснований (следов преступления и косвенных показаний); по инициативе судебных органов при наличии трупа. Судопроизводство по делам о нанесении увечий, ран или побоев могло начаться по следующим основаниям: наличие определенных следов от преступления или по клевету; подтвержденному показаниями «видоков». Однако свод не содержал норм, определявших лиц, начинающих процесс (хотя и встречались упоминания о том, что князь ведет процесс и решает судьбу людей, но более детально порядок не был описан, отсутствовали какие-либо документы, выносимые на данном этапе)¹⁴.

Подобное состояние сохраняется и в последующих судебныхниках¹⁵, что обосновывается тем, что на ранних этапах российской государственности при решении вопросов преобладала именно воля князя, которая не должна быть писанной и излишне отрегулированной, поскольку фактически ограничивала бы его суверен и противоречила бы преобладающей в те времена философии происхождения государства от монарха (патриархальная теория).

Первые прообразы современных норм о возбуждении уголовного дела появляются лишь в Российской империи в XIX в.

В частности, в 1860 г. был учрежден институт судебных следователей, на которых была возложена функция возбуждения уголовного дела, среди поводов к возбуждению которого назывались такие, как извещение или простое донесение о признаках преступления и др.¹⁶

Однако определенные нормы, касающиеся начала уголовного производства, находят свое упоминание еще ранее – в Своде законов Российской империи 1832 г. (содержавшем ряд документов, включая Соборное уложение

¹³ Русская Правда. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html> (дата обращения: 04.04.2022).

¹⁴ См.: Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. С. 11–12.

¹⁵ См.: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 205–230.

¹⁶ См.: Курс уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб., 1996. Т. 1. С. 35.

1649 г., Воинские артикулы Петра Первого и др.¹⁷⁾, принятие которого принято связывать с возникновением отечественного уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли права.

Так, 31 января (12 февраля) 1833 г. Николай I издал манифест о введении в действие с 1 (13) января 1835 г. «Свода законов Российской империи» (15 томов) (далее – Свод законов). Сменивший устаревшее Уложение 1649 г. Свод был подготовлен известным государственным деятелем того времени М. М. Сперанским¹⁸.

Как справедливо отмечают Д. А. Варнавский, Ю. Г. Торбин, А. А. Усачев, согласно Закону «О судопроизводстве по преступлениям», входившему в т. 15 «Законы уголовные» Свода законов, производство по уголовным делам включало в себя: следствие, суд и исполнение. В свою очередь, следствие подразделялось на предварительное (*inquisitio generalis*) и формальное (*inquisitio specialis*). Первое имело своей задачей «изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление», второе – «собрание доказательств к открытию и обличению виновного» (ст. 882 Свода законов уголовных).

Необходимо подчеркнуть, что Свод законов уголовных не предусматривал самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. Следствие являлось первой, безусловно необходимой, частью уголовного судопроизводства, «которая объемлет в себе все действия, необходимые для того, чтобы убедиться в действительности какого-либо преступления и привести все обстоятельства его в возможно полную известность»¹⁹.

Следствие по уголовному делу открывалось с момента появления одного из поводов, закрепленных в ст. 912 Свода законов уголовных. К ним относились: извещение; жалоба; донос, под которым понималось явное обвинение определенного лица в преступлении (при этом согласно ст. 928 Свода законов уголовных анонимные доносы не являлись поводом к началу следствия); доношения прокуроров и стряпчих; явка с повинной. Ст. 913 Свода законов уголовных в качестве самостоятельного повода выделяла собственное усмотрение полиции, приступающей к следствию по всякому к ней дошедшему сведению (как о явном, так и о неявном преступлении). Свод законов уголовных не требовал вынесения специального процессуального акта о начале производства по уголовному делу²⁰.

Однако, несмотря на отдельные появившиеся элементы, зарождение института возбуждения уголовного дела принято все же связывать именно с принятием Судебных уставов 1864 г., в качестве ч. 2 содержащих Устав уголов-

¹⁷ См.: Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах : учеб. пособие. СПб., 1995. С. 736.

¹⁸ Свод законов Российской империи. URL: <https://www.prlib.ru/history/619022> (дата обращения: 06.04.2022).

¹⁹ Варнавский Д. А., Торбин Ю. Г., Усачев А. А. Поводы для возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе : понятие, история становления и развития // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2. С. 13.

²⁰ См.: Там же.

ного судопроизводства (далее – УУС), которым была заимствована континентальная система права (где преобладающая роль отнесена законодательству), а за основу взят наполеоновский Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г. – Code d'instruction criminelle 1808²¹.

В частности, считается, что сам термин «уголовное преследование» (определение которого закреплено в п. 55 ст. 5 действующего УПК РФ) впервые появился в отечественном законодательстве в УУС (например, в ст. 540) и, как принято считать, восходит к французскому *l'action publique*²².

В тексте УУС массово встречаются также следующие формулировки: «право возбуждения уголовного иска» (ст. 5), «возбуждение уголовного дела прокурором» (ст. 297), «прокурор и его товарищи могут возбуждать дела» (ст. 311)²³. Однако важно отметить, что УУС регламентировал именно поводы к начатию следствия и порядок проведения такого следствия, не выделяя их в отдельную стадию.

Поводами к началу следствия (ст. 297 УУС), например, относились явка с повинной, жалоба частного лица, сообщения полиции и других органов управления, решение прокурора или судебного следователя²⁴, что, безусловно, находит сходство с действующими нормами УПК РФ, определяющими поводы для возбуждения уголовного дела. В частности, явка с повинной, жалоба частного лица полностью соответствуют действующим п. 1 и 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, а применительно к такому поводу, как решение прокурора, Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» в УПК РФ соответствующая ч. 1 ст. 140 УПК РФ была дополнена таким поводом для возбуждения уголовного дела, как «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании» (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Действующий ныне п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, определяющий в качестве повода сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, и раскрывающая данный повод ст. 143 УПК РФ в полной мере соответствуют такому содержащемуся в УУС поводу, как «сообщения полиции и других органов управления» (п. 2 ст. 297 УУС). Как и в действующем УПК РФ (ч. 7 ст. 141 УПК РФ), УУС не относил анонимные заявления о преступлении к поводам для начала следствия (ст. 300 УУС).

Согласно УУС полномочия по возбуждению уголовного дела всецело были переданы судебным следователям. Органам полиции было запрещено проводить расследования по сообщениям, содержащим признаки состава пре-

²¹ См.: Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах : учеб. пособие. СПб., 1995. С. 761.

²² См.: Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11, 17.

²³ Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000_009_003547035?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.04.2022).

²⁴ Там же.

ступления. Однако в исключительных случаях за полицией сохранялось право проводить предварительную проверку по сообщению о совершенном преступлении, что в последующем положило основу для формирования института дознания²⁵. В исключительных случаях дела могли возбуждаться прокурором и «его товарищами» (ст. 311 УУС).

Важно обратить внимание, что УУС в целях определения достаточности для начала следствия определяет критерий того, был ли заявитель очевидцем преступления. В частности, в соответствии со ст. 298 УУС, даже при отсутствии других улик, если «объявитель» являлся очевидцем преступления, то соответствующее его заявление считалось достаточным поводом для следствия. В ином случае (ст. 299 УУС) одного заявления недостаточно, подлежат предоставлению доказательства достоверности заявленного обвинения. УУС в ст. 303 также определял, что лицу, потерпевшему от преступления, не может быть отказано от начала следствия по его жалобе.

В целом в результате принятия УУС был сформирован новый порядок производства предварительного расследования, определен круг субъектов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела, определен исчерпывающий перечень поводов к возбуждению уголовного дела и впервые был сформулирован термин «возбуждение уголовного дела». Правовые средства, используемые при возбуждении уголовного дела по действовавшему УПК РФ (ст. 144), и методы и формы дореволюционного «полицейского дознания» во многом совпадают. Приведем несколько примеров такой схожести.

Так, ст. 254 УУС определяла, что «при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласными наблюдениями, не производя ни обысков, ни выемок в домах», т. е. если пользоваться современной терминологией, в рамках оперативно-розыскной (административной, полицейской) деятельности. Сущность полицейского дознания в основном определялась как «меры, принимаемые указанными в законе органами, для установления по «горячим следам» события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника». Полицейское дознание отличается от предварительного следствия «юридическим характером, качеством, глубиной и обширностью собираемых им данных и, с другой стороны, органами его производства, поводом, порядком и объемом мер, представленных законом органам дознания».

Согласно ст. 250 УУС полиция немедленно или «никак не позднее суток» обязана была сообщить судебному следователю или прокурору о всяком проступке или преступлении. Если же этих должностных лиц не оказывалось на месте, полиция заменяла следователя и имела право произвести судебное дознание, не терпящее отлагательства: осмотр, обыск, выемку и др. Аналогичное право полиция имела и при условии неотложности своих действий: когда обнаруживала только что совершившееся или совершающееся преступление, а также когда следы обнаруженного преступления могли быть утрачены до прибытия на место происшествия следователя (ст. 252–258 УУС).

²⁵ Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела : учеб. пособие. Омск, 1990. С. 7.

В соответствии со ст. 255 УУС «произведенное дознание полиция передает судебному следователю, которому впоследствии сообщает и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету. Передавая дознание следователю, полиция доносит о том прокурору или его товарищу»²⁶.

Необходимость закрепления принятия особого уголовно-процессуального решения и вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в УУС отсутствовала, на что ссылается А. Ф. Лубин, цитируя своего коллегу А. С. Лыкошина, отмечавшего, что согласно УУС «следственные органы начинают свою деятельность по долгу службы, не дожидаясь жалобы потерпевшего, как только узнают каким бы то ни было путем о совершении преступления; кончают свою деятельность они только тогда, когда найдут, что достигли материальной истины, достаточной для постановления приговора, или когда сделали все, что могли, для ее достижения. Результаты следствия передаются в суд, который постановляет приговор, оценивая добытые следствием данные или путем ознакомления с письменными документами следственного производства, или путем непосредственной проверки их через допрос свидетелей, осмотр вещественных доказательств и т. п.»²⁷.

Однако, несмотря на наличие указанной доследственной проверки, сложно говорить о том, что присутствовала какая-либо самостоятельная стадия возбуждения уголовного дела, поскольку отсутствовали такие элементы, как сроки стадии, процессуальный акт, принимаемый по результатам, регламентация средств доказывания, круг участников и многое другое. То есть стадия возбуждения уголовного дела по своей сути все же отсутствует, хотя были сделаны важные шаги для ее формирования. Как указывают, например, Р. Г. Непранов, М. П. Перякина, И. И. Короленко, согласно УУС в XIX в. «первой стадией являлось не возбуждение уголовного дела, а именно предварительное следствие»²⁸.

Сейчас можно говорить, что результаты полицейского дознания, введенные УУС, которые можно определить как результаты оперативно-розыскной деятельности, признавались в УУС в качестве доказательств. Данное положение является еще одним доводом к тому, что на законодательном уровне еще не появилась потребность в дифференцированном рассмотрении результатов непроцессуальной и процессуальной деятельности.

На протяжении всего оставшегося периода существования Российской империи УУС продолжал действовать (до 1917 г.), и по своей сути он никак не изменился.

Радикальное изменение процессуальных норм было вызвано серьезными идеологическими изменениями в России, повлекшими за собой смену государственного строя и установление советской власти. И в этом смысле первые годы советской власти характеризуются ломкой старого понимания о праве как явлении, что выражалось и в полном отрицании старой уголовно-процес-

²⁶ Дерюшев Ю. В., Смагин К. М. Полицейское дознание как самостоятельный институт полицейского права // Полицейское право. 2005. № 2 (2). С. 70.

²⁷ Лубин А. Ф. Доказывание и принятие решений на стадии возбуждения уголовных дел об экономических преступлениях // Юридическая наука и практика. 2020. № 1. С. 72.

²⁸ Непранов Р. Г., Перякина М. П., Короленко И. И. К вопросу об истории становления института возбуждения уголовного дела в России // Юрист-Правоведь. 2016. № 6(79). С. 23.

суальной модели, сказавшись на формировании и развитии института возбуждения уголовного дела.

Так, 27 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был принят Декрет «Об учреждении Совета народных комиссаров»²⁹, к полномочиям которого отнесены организация и функционирование системы правосудия.

Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 «О суде» (далее – Декрет № 1)³⁰ была упразднена дореволюционная судебная система и созданы новые органы и структуры в сфере российского уголовного судопроизводства³¹. Например, образован новый орган государственной власти – «местный суд», на который были возложены функции предварительного следствия, в результате чего досудебный и судебный процессы были соединены. Статьи 3 и 8 указанного декрета раскрывали, какие органы имеют право начать уголовное судопроизводство и вести по нему расследование. Дела, которые были подсудны революционным трибуналам, возбуждали и расследовали особые следственные комиссии, учрежденные при местных Советах. Производство по остальным делам осуществлялось единолично местными судьями.

Хотя указанный Декрет № 1 и ликвидировал существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры, возложив, например, «до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам» на местных судей единолично, однако прежние нормы, касающиеся порядка возбуждения уголовного дела, данным Декретом № 1 были еще сохранены.

Важно также отметить и принятое 16 декабря 1917 г. постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений»³², дополнившее Декрет № 1. В соответствии с требованиями данного постановления следственные действия могут производиться только после возбуждения производства по уголовному делу и только по ордерам следственных и судебных учреждений. Данная норма на многие годы, вплоть до настоящего времени, закрепила правило исключительности проведения только отдельных видов следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела, хотя в современной России существенно расширен их перечень.

Следующими важными документами на данном этапе были постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати»³³ и Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его засе-

²⁹ URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

³⁰ URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/> (дата обращения: 06.04.2022).

³¹ См.: История государства и права России : учеб. пособие. М., 2003. С. 206.

³² URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

³³ URL: <http://www.istmat.info> (дата обращения: 06.04.2022).

даний»³⁴, дополнившие содержащийся в УСС перечень поводов к возбуждению уголовного дела. В частности, в указанном постановлении к поводам возбуждения уголовного дела отнесены: сообщения судебных лиц; сообщения административных мест; сообщения общественных организаций; сообщения частных лиц. Инструкцией поводы были дополнены такими элементами, как сообщения должностных лиц, сообщения профессиональных лиц, сообщения партийных организаций. Видится, что подобными элементами уголовно-процессуального регулирования пришедшая власть пыталась укрепить позиции, относя к поводу фактически любое сообщение от вышеперечисленных лиц или организаций, которое должно было влечь за собой возбуждение уголовного дела.

Указанная инструкция регламентировала органы и порядок возбуждения уголовного дела. Следственная комиссия из шести человек, учреждаемая при революционных трибуналах, возбуждала уголовные дела, подсудные этим трибуналам. Комиссия в течение 48 часов была обязана проверить первичные сведения о преступлении, установить наличие или отсутствие состава преступления и принять решение, облекаемое в форму постановления. Революционный трибунал имел право проверить законность вынесенного постановления при наличии жалобы заинтересованной стороны³⁵.

Таким образом, институт возбуждения уголовного дела в основном сложился в середине XIX в. и закрепился к началу 1918 г.

Позднее новым Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 13 июля 1918 г. № 2 «О суде» (далее – Декрет № 2)³⁶ был изменен процессуальный порядок возбуждения уголовного дела. В зависимости от подсудности и сложности уголовных дел правом возбуждать были наделены: местный народный судья единолично, следственная комиссия или местный народный суд (ст. 21 Декрета № 2). В качестве же поводов (ст. 14, 15 Декрета № 2) признавались: просьбы граждан; собственное усмотрение суда, если кто-либо из его членов лично наблюдал нарушения закона; предложения Советов и должностных лиц. В остальном судопроизводство по уголовным делам было определено производить по правилам УУС «постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета народных комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов» (ст. 8 Декрета № 2).

Впоследствии процессуальные вопросы возбуждения уголовного дела были вновь урегулированы уже в Инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов»³⁷, в которой определялись поводы и порядок начала производства расследования.

³⁴ URL: <http://www.istmat.info> (дата обращения: 06.04.2022).

³⁵ См.: Непранов Р. Г., Песякина М. П., Короленко И. И. К вопросу об истории становления института возбуждения уголовного дела в России // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6(79). С. 25.

³⁶ URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/> (дата обращения: 06.04.2022).

³⁷ URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 06.04.2022).

Постановление НКЮ и НКВД от 13 октября 1918 г., утверждавшее инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», наделило созданные органы милиции процессуальными полномочиями по принятию и проверке сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел и их расследованию. Милиция имела право «составлять акты и протоколы о нарушениях порядка, преступлениях, проступках и происшествиях, как обнаруженных самой милицией, так и сделавшихся ей известными по заявлениям учреждений и лиц». По указанию членов следственных комиссий или народных судей сотрудники милиции наделялись правом задерживать подозреваемых, производить обыск, выемку и осмотр. Если работник милиции сам выступал организатором производства одного из этих действий, он был обязан немедленно известить об этом следственную комиссию или ближайший народный суд.

Процедура возбуждения уголовного дела была также урегулирована Положением ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР»³⁸, которым функция возбуждения уголовного дела была полностью возложена на следственные комиссии (ст. 28 Положения). Итого к числу поводов возбуждения уголовного дела следственной комиссией были отнесены: заявления граждан, сообщения милиции, должностных лиц и учреждений, постановление народного суда и усмотрение самой комиссии. В период гражданской войны функцию возбуждения уголовного дела также исполняли революционные трибуналы (ст. 32 Положения).

Обозначенный период развития института возбуждения уголовного дела пришелся на тяжелый исторический период – гражданскую войну и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в связи с чем о качественном и едином уголовном процессе речь идти не может, характеризуясь активным участием в правотворчестве революционно настроенных масс на местах.

Например, право на возбуждение и расследование уголовных дел предоставлялось также чрезвычайным органам, которые создавались для борьбы с контрреволюцией, к которым относились ВЧК и ее особые отделы. Кроме того, возбуждать уголовные дела имели право и некоторые исполнительно-распорядительные органы: представители инспекции труда, Народный комиссариат продовольствия, народный комиссар юстиции, губернские исполнительные комитеты и т. п. Революционные массы получили право отстранять от работы, арестовывать и предавать суду лиц, которые дезорганизовывали их деятельность.

Кроме того, важно, что местные органы и работники юстиции принимали нормативные акты и инструкции, которые регламентировали в том числе их деятельность по приему сообщений о преступлениях и возбуждению уголовного дела.

Например, совещание ответственных деятелей юстиции Юрьевоцкого уезда Ивано-Вознесенской губернии 10 мая 1918 г. постановило, что оперуполномоченные уголовного розыска имели право самостоятельно проводить только оперативно-разыскные мероприятия, не возбуждая уголовного дела,

³⁸ О народном суде РСФСР : положение, утвержденное декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 06.04.2022).

«уголовно-следственные комиссии в деле возбуждения судебного преследования имеют право и обязанность широкой инициативы». Инструкция следственной комиссии, принятая Комиссариатом юстиции в Казанской губернии, говорит, что «следственная комиссия возбуждает следствие в полном составе. В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, каждый член имеет такое право. Причем о каждом предпринятом единолично действии доводит до следственной комиссии в течение 24 часов». Иначе этот вопрос решался в Положении о расследовании преступлений, принятом съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана 25 мая 1918 г. Согласно указанному документу члены следственной комиссии немедленно приступают к производству дознания в случаях обнаружения преступления, о чем оповещают председателя комиссии. При этом особо подчеркивалось, что уголовное дело может быть начато лишь при несомненности совершенного преступления.

Вышеуказанные примеры приводят Р. Г. Непранов, М. П. Перякина, И. И. Короленко, указывая также на несогласованность процессуальных форм (в отсутствие регламентации большинство местных судебно-следственных учреждений с начала своей деятельности оформляло акты возбуждения уголовного дела постановлениями, а устные сообщения о преступлениях оформлялись работниками рабоче-крестьянской милиции уже протоколами)³⁹.

Таким образом, в указанный период единый порядок возбуждения уголовного дела фактически отсутствовал. Орган, который имел право возбуждать уголовное дело, определялся в зависимости от подсудности, порядок принятия заявлений и сообщений о преступлениях не регулировался, нормы о возбуждении уголовного дела были рассредоточены и содержались в различных процессуальных актах, не имея единой процессуальной формы, а в судопроизводстве в качестве руководства допускалась возможность использования «социалистического правосознания».

Вероятно, что именно по этой причине уже в 1922 г. после окончания активной фазы проходивших на территории России военных событий, установления стабильного государственного строя и начала реформирования законодательства РСФСР произошли радикальные изменения уголовного процесса.

В частности, в ходе проводимой судебной реформы в 1922 г. был принят первый, единый для всех органов расследования и судов, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1922 г.), в котором нормы о возбуждении уголовного дела впервые были объединены в отдельную главу – главу VII⁴⁰, содержащую указания на основания и поводы к возбуждению, процессуальный порядок возбуждения и перечень органов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела. Данный закон можно считать тем началом, которое закрепило первую модель стадии возбуждения уголовного дела. В отличие от всех ранее изданных актов УПК РСФСР 1922 г. регламентировал основания возбуждения уголовного дела, а именно в ст. 101 УПК таким основанием являлось «наличие в заявлении указаний на состав преступления».

³⁹ См.: Непранов Р. Г., Перякина М. П., Короленко И. И. Указ. соч. С. 25.

⁴⁰ Об Уголовно-процессуальном кодексе : постановление ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

Возбуждение уголовного дела (возбуждение производства по уголовному делу) в отдельную стадию (в современном понимании) уголовного судопроизводства в УПК РСФСР 1922 г. не было выделено, поскольку вынесения обязательного специального постановления о возбуждении уголовного дела не требовалось. Так, при наличии указанного в законе повода, содержащего сведения о преступлении, орган дознания приступал к производству дознания, а следователь – к производству предварительного следствия. Кодекс обязывал прокурора направлять дело для производства дознания или предварительного следствия, в необходимых случаях – непосредственно в суд. Суд обязан был направлять дело для производства предварительного расследования или начать рассмотрение дела по существу. Статья 100 УПК РСФСР 1922 г. лишь указывала, что, усмотрев из самого заявления или сообщения отсутствие в деле признаков преступления, органы дознания, прокурор или следователь имели право отказать в производстве дознания или предварительного следствия и объявляли об этом заинтересованным лицам или учреждениям.

Таким образом, УПК РСФСР 1922 г. иначе по сравнению с нынешним законодательством определял процессуальную форму рассматриваемой стадии уголовного процесса. Правоохранительные органы не были связаны формальными требованиями по срокам проверки сообщения о преступлении, ее способам и надлежащим субъектам, что предоставляло определенную свободу действий прокурору, следователю, органу дознания и суду на начальном этапе уголовного процесса как по времени их производства, так и по возможностям осуществления проверочных мероприятий.

В УПК РСФСР 1922 г., так же как и в УУС, законодатель отразил свое негативное отношение к анонимным заявлениям о совершении преступлений, в частности этому была посвящена ст. 98 УПК РСФСР, в которой указывалось, что анонимные заявления становятся поводом к возбуждению уголовного дела лишь после негласной предварительной проверки органами дознания.

В ст. 110 данного закона впервые закреплялось положение о том, что в заявлении должно быть указание на состав преступления, что также продолжило общую линию развития УУС, более того, означало полноценное закрепление всех уголовно-правовых составляющих в виде объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Впервые конкретно и последовательно были закреплены органы, обладавшие правом по возбуждению уголовного дела, к таковым относились: органы дознания, суд, прокурор, следователь. Важным является момент о том, что у данных органов и должностных лиц появилась обязанность по принятию заявлений.

Логично предположить, что если новый кодекс так хорошо закреплял все предыдущие положения, то и саму процедуру возбуждения уголовного дела он должен урегулировать на том же уровне, однако УПК РСФСР 1922 г. в этом плане остался на уровне УУС.

Закрепляя подробный перечень поводов к возбуждению уголовного дела, законодатель не подумал, что данные поводы будут нуждаться в проверке, а потому заявление о начале расследования принималось без предварительной

проверки и в большей степени зависело от наличия или отсутствия признаков состава преступления.

Представляется, что подобное упущение было обусловлено тем, что вопрос о доказательственном значении данных, полученных на стадии предварительной проверки и их недопустимости для дальнейшего использования, не возникал в данный советский период, поэтому стадия возбуждения уголовного дела в полной мере не служила тем разделом между оперативно-розыскной деятельностью, доследственной проверкой и собственно предварительным расследованием.

Несмотря на то что законодательно отсутствовала регламентация доследственной проверки поступившего повода, это не означало, что она фактически не проводилась. На практике использовались такие методы, как истребование материалов и документов, опросы, беседы с лицами, обладающими нужной информацией, проверки заявлений и жалоб через представителей общественности, производство розыскных действий и разработок⁴¹.

Все данные методы в результате приносили доказательства, которые использовались в дальнейшем по делу, и вопрос о недопустимости их использования не возникал. Еще одним упущением УПК РСФСР 1922 г. является отсутствие требования процессуального оформления решения о возбуждении уголовного дела или об отказе.

Закон, по сути, предписывал органам дознания и следствия совершать определенные действия при поступлении заявления о совершении преступления.

Указанная глава УПК РСФСР 1922 г. существенных изменений в части разрешения вопросов порядка возбуждения уголовного дела не имела, а менее чем через год в соответствии с постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 11.11.1922⁴², утвердившим положение «О судоустройстве РСФСР», был принят новый уголовно-процессуальный закон – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1923 г.)⁴³, введенный в действие с 15 февраля 1923 г. Положения главы УПК РСФСР 1923 г., регламентирующей возбуждение производства по уголовному делу, остались прежними.

Регламентация положений УПК РСФСР 1923 г., касающихся рассмотрения сообщения о преступлении, фактически также оставалась неизменной еще более тридцати лет, что было обусловлено рядом потрясений (в первую очередь связанных с Великой Отечественной войной), с которыми столкнулось Советское государство, и соответственно отсутствием необходимости демократизации уголовного процесса.

Необходимо выделить событие, которым стало принятие циркуляра НКЮ от 5 июля 1929 г. № 93 «Об упрощении уголовного процесса»⁴⁴, который допускал возможность несоблюдения органами предварительного расследования целого ряда требований УПК РСФСР 1923 г. при составлении отдельных

⁴¹ См.: *Власова Н. А.* Первоначальный этап уголовного процесса по законодательству дореволюционной России и зарубежных стран // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. трудов. М., 2001. С. 49.

⁴² О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР : постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. URL: <http://libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴³ Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК РСФСР от 15 февраля 1923 г. URL: <http://libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴⁴ URL: <http://libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

процессуальных документов. Тем самым фактически была узаконена практика по оформлению вместо процессуальных документов решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела путем наложения соответствующих резолюций на сообщения о преступлении. По сути, доследственная проверка слилась с расследованием, а все результаты, полученные в данной стадии, приравнялись с доказательствами, полученными с помощью следственных действий. Безусловно, что подобное слияние оказало исключительно негативное воздействие в защите прав и свобод человека и гражданина.

Второе и более значимое событие, которое стоит выделить, – мнение о необходимости принятия самостоятельного процессуального решения о возбуждении уголовного дела, официально прозвучавшее в выступлении 23 апреля 1934 г. на первом Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников. В п. 13 Резолюции по итогам указанного совещания было сказано, что «возбуждение уголовного дела и начало предварительного расследования возможно лишь при вынесении мотивированного постановления соответствующим органом, утвержденным прокурором». Затем циркуляром Прокуратуры СССР № 41/26 от 5 июня 1937 г. впервые была введена правовая норма об обязательном вынесении уполномоченными на то органами постановления о возбуждении уголовного дела.

Значимость резолюции и указанных циркуляров для того времени сложно переоценить. Об этом же говорит и Л. В. Головкин⁴⁵, обращая внимание на важность данных решений для регламентации процедуры возбуждения производства по уголовному делу и указывая, что в терминологии выступлений и резолюциях совещания уже применялся термин «возбуждение дела и начало расследования», а не «возбуждение производства по уголовному делу». Как отмечает автор, на практике это приводило к систематическим нарушениям, связанным с необоснованным возбуждением уголовного дела, что в дальнейшем явилось причиной зарождения института доследственной проверки, проводимой в целях установления достаточных оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Важным также было вновь произошедшее уже в период Великой Отечественной войны упрощение уголовно-процессуальной формы, коснувшееся и стадии возбуждения уголовного дела. В частности, 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении»⁴⁶ и утвердил Положение о военных трибуналах и местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий⁴⁷. Согласно этим нормативным актам в полномочия по возбуждению уголовных дел военных трибуналов входило возбуждение уголовных дел, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности. Тем самым военные трибуналы стали выполнять роль органов уголовного преследования.

⁴⁵ См.: Курс уголовного процесса. М., 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁶ О военном положении : указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. (с изм. от 07.07.1943). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴⁷ Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

Подводя итог первым советским УПК, стоит процитировать В. А. Лазареву и Л. А. Ярыгину, указавших, что кодексы, «возложив обязанность принятия сообщений о преступлениях не только на органы дознания, но и на органы следствия, прокуратуры и суда, не предусматривали какой-либо проверки этих сообщений, фактически решение начать следствие или дознание должно было приниматься исключительно на основании информации, содержащейся в самом заявлении или сообщении»⁴⁸.

В связи со стабилизацией ситуации в СССР, началом «оттепели» и необходимостью устранения правовых пробелов, позволивших в 30–50-е гг. прошлого столетия использовать инструменты уголовного судопроизводства для развертывания массовых репрессий, а также ввиду потребности в создании новых правовых норм в условиях изменившихся общественных отношений, 25 декабря 1958 г. законом СССР⁴⁹ были утверждены «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Принятие данного закона являлось началом модернизации уголовного процесса в России. Было установлено, что «суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию» (ст. 3).

Продолжение модернизации произошло в виде принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.)⁵⁰, который вступил в действие с 1 января 1961 г. Глава восьмая регламентировала не только поводы к возбуждению уголовного дела, но и установила процедуру рассмотрения, что *завершило процесс возникновения стадии возбуждения уголовного дела*.

Основанием для возбуждения уголовного дела по УПК РСФСР 1960 г. являлись достаточные данные, указывающие на признаки преступления, что полностью соответствует ч. 2 ст. 140 УПК РФ 2001 г., излагающей основания аналогичным образом. Поводами возбуждения уголовного дела (ст. 108 УПК РСФСР 1960 г.) были определены: заявления граждан; сообщения организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц; сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; сообщения, опубликованные в печати; явка с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом признаков преступления. Отличительно, что по сравнению с УПК РСФСР 1923 г. УПК РСФСР 1960 г. не регулировал процессуальные последствия анонимного

⁴⁸ Лазарева В. А., Ярыгина Л. А. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства // Уголовное право. 2016. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁹ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

⁵⁰ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

сообщения, порождая соответствующую проблематику. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» 1988 г. данный пробел был устранен, предписав не рассматривать анонимные сообщения.

УПК РСФСР 1960 г. закреплялось положение (ст. 3) об обязанности в пределах своей компетенции возбуждения уголовного дела судом, прокурором, следователем и органом дознания в каждом случае обнаружения признаков преступления, чего не знали УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.

Впервые законодательно была закреплена возможность проверки заявления и сообщения о преступлении, а способами проверки были определены: истребование необходимых материалов и получение объяснений (ст. 109). В УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. и иных более ранних указанных источниках уголовно-процессуального права устанавливалась лишь обязанность компетентных органов принимать все заявления о преступлениях.

Как указывает Б. Я. Гаврилов, появление в советском уголовном процессе и соответственно в уголовно-процессуальной науке данной самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было вызвано именно репрессиями граждан в 1934–1937 гг.⁵¹

Положения УПК РСФСР 1960 г., в том числе требования главы восьмой, регламентирующие поводы к возбуждению уголовного дела и порядок принятия процессуального решения по поступившему сообщению о совершенном преступлении, утратили юридическую силу лишь с 1 июля 2001 г. в связи с принятием Федерального закона РФ № 177-ФЗ от 18.12.2001 «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁵².

За время своего действия УПК РСФСР внес определенную положительную роль в части предупреждения фактов необоснованного уголовного преследования. Однако следует отметить, что *начиная с 90-х гг. XX в. институт возбуждения уголовного дела превратился* в непреодолимый для миллионов граждан, пострадавших от противоправных деяний, барьер в реализации их права на доступ к правосудию и породил неисчислимы нарушения законности в практике деятельности правоохранительных органов. Ежегодно в 2013–2020 гг. 1,2–1,5 млн (без повторных) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела признавались незаконными или необоснованными и отменялись, а более 500 тыс. из них отменялись два и более раза. И еще не менее чем по 2,5 млн заявлений, сообщений о преступлениях, в том числе 1,2 млн заявлений о кражах и еще порядка 1,3 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах в возбуждении уголовного дела было отказано, однако лица, совершившие эти противоправные деяния, не были установлены и, соответственно, в силу положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ законность и обоснованность данных процессуальных решений вызывает сомнения⁵³.

⁵¹ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 176.

⁵² О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (в ред. от 23.06.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵³ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 176.

Подтверждает эти данные опубликованная в том числе Генеральной прокуратурой РФ статистика нарушений, совершаемых при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Например, за январь-декабрь 2020 г. при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении прокурорами выявлено 3 млн 491 тыс. 902 нарушения, что близко к показателям предыдущего периода (лишь на 3,7 % меньше). В частности, отменено 1 809 511 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и лишь 11 870 постановлений о возбуждении уголовного дела⁵⁴.

Чем обусловлены данные показатели? Как полагают А. П. Резван и А. Ю. Федюкина, ссылаясь на историческую составляющую рассматриваемой стадии, в России исторически сложилось, что в ходе проверки сообщений о преступлении берет свое начало совместная деятельность следственных и оперативных служб, которая продолжается вплоть до окончания предварительного расследования⁵⁵. На проблему размывания граней стадии возбуждения уголовного дела, о стирании рубежа, отделяющего доследственную проверку от предварительного расследования, указывают многие авторы, в том числе, например, Н. С. Манова, указывающая, что подобная проблематика неизбежно порождает нигилистическое отношение к акту возбуждения уголовного дела как к пустой, изживающей себя формальности и ведет к эрозии досудебного производства в уголовном процессе⁵⁶.

Действительно, до сих пор надлежало закон не разграничивает процессуальную и непроцессуальную деятельность таких служб. Более того, положения главы 19 УПК РФ, определяющей процессуальный порядок проверки сообщений о преступлении, систематически продолжали дополняться новыми действиями, которые также являются следственными действиями. Например, разграничив все действия, перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следует, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе проводить достаточно обширный круг следственных действий, в частности: получать образцы для сравнительного исследования; назначать судебную экспертизу; производить осмотры места происшествия, предметов и документов, трупов; освидетельствование.

Совокупность указанных полномочий, по мнению Е. В. Егоровой, хотя и производит впечатление, достаточное для того, чтобы в установленный законом срок провести объективную проверку и принять обоснованное процессуальное решение, однако возможность их непосредственной реализации на практике в ряде случаев оказывается под сомнением в результате несогласованности отдельных положений уголовно-процессуального законодательства.

⁵⁴ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь-декабрь 2020 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2022).

⁵⁵ См.: Резван А. П., Федюкина А. Ю. О некоторых вопросах уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской акад. МВД России. 2017. № 4(40). С. 202.

⁵⁶ См.: Манова Н. С. Проблемы правовой регламентации и практики осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1 (16). С. 27.

В первую очередь это касается тех следственных действий, производство которых разрешено на стадии возбуждения уголовного дела⁵⁷.

Развивая мысль, возникает резонный вопрос – является ли необходимым назначение судебной экспертизы для вывода о признаках преступления? Видится, что нет, поскольку сведения о преступлении могут содержаться в иных материалах.

А как быть правоприменителю в случаях, когда законом обязанность выявления признаков правонарушения уже возложена на иных субъектов?

Например, постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 утверждены Правила проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (далее – Правила)⁵⁸. Соответствующие Правила определяют не только порядок проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, но и обязывают арбитражных управляющих в случае выявления соответствующих признаков фиктивного или преднамеренного банкротства обращаться в органы предварительного расследования (при наличии крупного ущерба).

Правила предусматривают, что одновременно с заключением о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства арбитражный управляющий представляет в указанные органы результаты финансового анализа, проводимого в соответствии с правилами проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утвержденными Правительством РФ, а также копии документов, на основании которых сделан вывод о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в ст. 20 определяет арбитражных управляющих как независимых субъектов профессиональной деятельности, предъявляет к ним квалификационные и иные требования, в том числе устанавливая обязательность высшего образования, наличия определенного стажа трудовой деятельности на руководящих должностях (или стажировки), сдачи теоретического экзамена по программе подготовки арбитражных управляющих и пр.⁵⁹

Возникает вопрос, является ли, в частности, крайне необходимым для возбуждения уголовного дела по признакам преступлений, установленных ст. 196, 197 УК РФ, назначение и проведение экономической экспертизы, если признаки соответствующих преступлений уже установлены ранее независимым профессиональным субъектом, которому соответствующие полномочия по анализу финансовой деятельности хозяйствующих субъектов предоставлены законом? Вопрос вновь риторический и, очевидно, что в данной части УПК РФ мог бы предусматривать какие-либо сдерживающие механизмы от необоснованного назначения таких экспертиз, производство которых носит крайне сложный, а значит, затратный и продолжительный характер.

⁵⁷ См.: *Егорова Е. В.* О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2016. № 2. С. 55.

⁵⁸ Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аналогичным образом, УПК РФ мог бы определять в целом стандарт следственной проверки, например, раскрывая категорию «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» в ч. 2 ст. 140 УПК РФ.

Видится обоснованным дополнение нормы путем изложения ее в редакции: «Основанием для возбуждения уголовного дела служит наличие достаточных (в минимально необходимом количестве) данных, указывающих на признаки преступления и позволяющих сделать обоснованное предположение о совершенном или готовящемся преступлении. Достаточность разумно и добросовестно определяется субъектом возбуждения уголовного дела, исходя из фактической ситуации».

Вместе с тем обозначенные выше проблемы носят частный характер, поскольку остаются неразрешенными и нередко противоречивыми такие базовые вопросы, как статус и полномочия в стадии возбуждения уголовного дела прокурора, суда, заявителя, заподозренного лица, защитника и иных лиц, а также вопросы порядка извещения о вынесении процессуальных документов, на что неоднократно обращалось внимание учеными⁶⁰.

Решение спектра существующих проблем скорее требует комплексного подхода, чем точечное изменение УПК РФ. В связи с этим, принимая во внимание обозначенную выше ретроспективу, допустимо рассмотрение вопроса о необходимости стадии возбуждения уголовного дела как таковой.

Возможна ли, например, трансформация стадии возбуждения уголовного дела в стадию ранее существовавшего досудебного производства как единой фазы уголовного процесса? Вопрос дискуссионный. Представляется, что современное досудебное производство могло бы открываться по результатам полицейского дознания по проверке сообщений о противоправных действиях и установлению оснований для начала предварительного расследования по уголовному делу, осуществляемого в рамках уголовно-процессуального и административного законодательства, без необходимости вынесения какого-либо правоустанавливающего акта, с разумным снижением стандартов доказывания в целях определения оснований для возбуждения уголовного дела.

⁶⁰ См., например: *Зайцева Е. А.* Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Юридические науки. 2014. № 2(17). С. 51 ; *Машинская Н. В.* Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении // Правовая парадигма. 2018. № 1. С. 147 ; *Обидина Л. Б.* Участники проверки сообщения о преступлении : проблемы правового статуса // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5(5). С. 128 ; *Ряполова Я. П.* Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела. Курск, 2016. С. 22.

Санкт-Петербургский государственный университет

Сасыкин К. Ю.

Saint Petersburg State University

Sasykin K. Yu.

E-mail: sasykin-delo@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные со стадией возбуждения уголовного дела частного обвинения. Авторы останавливаются на проблеме разграничения порядка возбуждения уголовных дел частного обвинения путем подачи заявления непосредственно в суд и случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ, когда дело уже переходит в категорию публичного обвинения и возбуждается в обычном порядке. Затрагивается также вопрос о содержании заявления по делу частного обвинения, в том числе о необходимости квалифицировать деяние.

К л ю ч е в ы е с л о в а: потерпевший, дела частного обвинения, возбуждение уголовного дела.

SOME ISSUES ARISING AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL CASES OF PRIVATE PROSECUTION

The article deals with issues related to the stage of initiating a criminal case of private prosecution. The author dwells on the problem of distinguishing between the procedure for initiating criminal cases of private prosecution by filing an application directly with the court and the cases provided for in Part 4 of Art. 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, when the case already goes into the category of public prosecution and is initiated in the usual manner. The author also touches upon the issue of the content of the statement in the case of private prosecution, including the need to qualify the act.

К e y w o r d s: victim, cases of private prosecution, initiation of criminal proceedings.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Частное обвинение характеризуется процессуальными особенностями, несвойственными публичному уголовному преследованию: возбуждением уголовного дела судом, обязательностью заявления потерпевшего для начала уголовного преследования, выдвижением обвинения частным обвинителем, возможностью рассмотрения встречного заявления совместно с первоначальным и одновременным приобретением лицом статусов потерпевшего и обвиняемого, обязательностью прекращения уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого.

Законодатель в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ в частном порядке осуществляет преследование лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату

общей трудоспособности); ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние)¹; ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета, т. е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию).

Следует иметь в виду, что составы преступлений, предусмотренные ст. 115 и 116.1 УК РФ, наряду с истязанием, угрозой убийства, относят к профилактическим, т. е. своевременное привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших эти преступления, способствует предотвращению более тяжких посягательств, включая убийства. Поэтому сегодня рассматривается вопрос об упразднении процедуры частного обвинения и отнесении уголовных дел о нанесении побоев, умышленном причинении легкого вреда здоровью и клевете к категории уголовных дел частно-публичного обвинения, по которым будет проводиться дознание, но предполагается сохранить возможность прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон².

Производство по уголовным делам частного обвинения урегулировано главой 41 «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье» УПК РФ. До внесения изменений в УПК РФ в части подсудности уголовных дел все дела частного обвинения рассматривались мировыми судьями.

Анализ стадии возбуждения уголовного дела частного обвинения позволяет свидетельствовать, что данная стадия является самостоятельной и обязательной формой стадии возбуждения уголовного дела с присущими ей признаками: специфичными целями и задачами, особым методом решения этих задач, сроками и определенным кругом субъектов.

По общему правилу уголовное дело возбуждается при наличии законного повода; при наличии оснований; при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу (ст. 24 УПК РФ).

Так, возбуждение уголовных дел частного обвинения о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, в соответствии со ст. 318 УПК РФ осуществляется путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем. В случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близкими родственниками, перечень которых содержится в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Уголовное дело возбуждается при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Такие данные излагаются частным обвинителем в подаваемом им заявлении частного обвинения³.

Заявление по делам частного обвинения рассматривается в качестве повода к возбуждению уголовного дела. По поступившему делу мировой судья устанавливает законность повода и отсутствие обстоятельств, исключающих

¹ См.: Аристархов А. Л., Зяблина М. В. Производство в суде по уголовным делам о побоях : проблемы новелл и пути их разрешения // Мировой судья. 2019. № 7. С. 22–26.

² См.: Лебедев В. Осуждению не подлежит // Рос. газета. 2020. 13 окт. URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaemvnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 16.05.2022).

³ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2007. С. 32.

производство по делу. Вместе с тем очевидно, что принятию заявления к производству должно предшествовать и изучение информации, указывающей на признаки преступления. Именно установление основания возбуждения дела позволяет правильно определить подсудность и установить факт наличия состава преступления, подпадающего под категорию дел частного обвинения.

Перечень оснований отказа в возбуждении уголовного дела предусмотрен ст. 24 УПК РФ. В ходе принятия заявления частного обвинителя и возбуждения уголовного дела частного обвинения подлежит проверке соответствие сроков давности уголовного преследования по указанным в заявлении фактам. Проверка оснований отказа в возбуждении уголовного дела, изложенных в п. 1, 2, 4 и 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в ходе принятия заявления в ряде случаев представляется невозможной. Установить отсутствие события преступления или отсутствие состава преступления судья может только в ходе рассмотрения уголовного дела. В связи с этим основания прекращения уголовного дела судьей не изучаются в процессе возбуждения уголовного дела. Их исследование переходит в стадию рассмотрения уголовного дела и в том случае, если такие основания найдут подтверждение в указанной стадии, дело должно быть прекращено постановлением оправдательного приговора. Установление оснований, изложенных в п. 4 и 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, также входит в круг задач судьи в стадии судебного рассмотрения. При их наличии дело прекращается по соответствующим пунктам ч. 1 ст. 24 УПК РФ⁴.

Уголовное дело считается возбужденным с момента вынесения соответствующего процессуального документа – постановления, содержащего указывающую на признаки совершенного преступления информацию и являющегося поводом к возбуждению дела. Однако вынесению такого постановления предшествует получение судьей необходимой информации о преступлении.

В силу ст. 318 УПК РФ возбуждение уголовного дела частного обвинения осуществляется посредством подачи мировому судье лицом, пострадавшим от преступления, или его законным представителем заявления, которое одновременно является обвинительным актом, содержащим сущность обвинения. Исключение составляют случаи, предусмотренные п. 2 ч. 1 и ч. 4 ст. 147 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 318 УПК РФ в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или следователем, а также с согласия прокурора – дознавателем в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Из содержания норм, изложенных в ст. 318 УПК РФ, не представляется возможным точно установить момент начала стадии возбуждения уголовного дела. Таковым можно считать и момент подачи заявления частным обвинителем, и момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Важно отметить, что эти два действия неодномоментны, при этом срок для вынесения постановления о принятии заявления частного

⁴ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросам подсудности уголовных дел) : пояснительная записка к проекту федерального закона № 346533-7. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

обвинения к производству кодексом не указан. Закон содержит лишь положения о сроках начала судебного разбирательства.

Ранее рекомендации судам в части возбуждения уголовных дел по жалобам частного обвинения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 сентября 1979 г. № 4, содержали подробные разъяснения: «Поскольку ст. 48 УК РСФСР связывает течение срока давности с привлечением лица к уголовной ответственности, судам следует иметь в виду, что по делам частного обвинения моментом привлечения к уголовной ответственности следует считать вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и назначении судебного заседания»⁵.

Вместе с тем стоило бы считать уголовное дело возбужденным с момента вынесения мировым судьей постановления о принятии заявления к своему производству. Конкретизация указанного нюанса в ст. 318 УПК РФ исключала бы двусмысленность и предполагала бы наличие как повода, так и оснований к возбуждению уголовного дела.

Одним из характерных признаков стадии возбуждения уголовного дела является перечень обязательных процессуальных документов, сопровождающих данную стадию. К таковым относятся постановление мирового судьи о принятии заявления частного обвинения к производству и заявление частного обвинения.

Заявление потерпевшего по уголовному делу частного обвинения одновременно является обвинительным актом, в котором формулируется сущность обвинения⁶.

Требования к заявлению потерпевшего по делу частного обвинения изложены в ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Положение ч. 2 ст. 140 УПК РФ применимы и по делам частного обвинения. Достаточность данных, содержащихся в заявлении, означает такую их совокупность и качество, которые позволяют сделать обоснованное предположение о совершении преступления при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу. В случае отсутствия в заявлении сведений, приведенных в ч. 5 ст. 318 УПК РФ, мировой судья выносит постановление о возвращении его заявителю, руководствуясь положениями ч. 1 ст. 319 УПК РФ, а не ст. 148 УПК РФ, регламентирующей порядок отказа в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления. В подобных случаях мировой судья вправе вернуть заявление лицу, его подавшему, отказав в принятии заявления к своему производству в связи с отсутствием в нем описания события преступления.

Системный анализ содержания ст. 318 и 319 УПК РФ позволяет сделать вывод, что если заявление не содержит подписи заявителя, описания преступного деяния или места его совершения, то законный повод для принятия заявления к производству мирового судьи отсутствует. В такой ситуации

⁵ О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР : постановление Пленума Верховного Совета РФ от 25 сентября 1979 г. № 4 (в ред. от 21.12.1993). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Кокорев Л. Д.* Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964. С. 138.

закон обязывает мирового судью предложить заявителю привести заявление в соответствие с указанными требованиями закона в определенный им срок. В случае невыполнения данного указания мировой судья отказывает в принятии заявления к производству соответствующим постановлением со ссылкой на ч. 1 ст. 319 УПК РФ. О принятом решении мировой судья уведомляет лицо, подавшее заявление, поскольку оно вправе обжаловать постановление мирового судьи в вышестоящую судебную инстанцию. При этом непринятие заявления не препятствует повторному обращению в суд потерпевшего или его законного представителя, если к этому времени не истекли сроки давности привлечения виновных к ответственности и не возникли иные обстоятельства, препятствующие судопроизводству по делу.

Следует отметить, что Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ регламентируются действия мирового судьи при поступлении заявления, в котором не указаны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. При возникновении таких обстоятельств судья отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет заявление руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, уведомив об этом лицо, подавшее заявление. Указанное положение гарантирует реализацию права на защиту нарушенных преступлением конституционных прав граждан.

В ходе рассмотрения уголовных дел указанных категорий у мировых судей возникал вопрос, когда следует предупреждать заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ, ч. 6 ст. 318 УПК РФ была дополнена предложениями следующего содержания: «Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Одновременно мировой судья разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление». В ч. 7 ст. 318 УПК РФ по-прежнему остался неразрешенным вопрос о том, когда следует разъяснять заявителю его права, в том числе право на примирение, и обязанности.

Таким образом, заявление частного обвинения является обязательным процессуальным документом, без которого возбуждение уголовного дела частного обвинения не представляется возможным. Требования к составлению заявления частного обвинения, изложенные в ст. 318 УПК РФ, позволяют мировому судье получить необходимую информацию для принятия заявления к производству или отказа в таковом. Изменения в указанную статью, касающиеся исключений из общих требований к формулированию заявления, направлены на усиление процессуальных мер по обеспечению потерпевшему доступа к правосудию посредством применения публичных начал уголовного судопроизводства⁷.

⁷ См.: *Василенко Л. А.* Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 80.

Характерным признаком стадии возбуждения уголовного дела является наличие определенного круга субъектов и правовая регламентация отношений, возникающих между ними.

Состав участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела частного обвинения определен ст. 147 и 318 УПК РФ и зависит от способа возбуждения уголовного дела частного обвинения. Таких способов исходя из содержания ст. 318 УПК РФ усматривается три: судом по заявлению потерпевшего или его законного представителя (ч. 1 ст. 318 УПК РФ) либо близкого родственника (ч. 2 ст. 318 УПК РФ); следователем, дознавателем с согласия прокурора (ч. 3 ст. 318 УПК РФ); в порядке ст. 448 УПК РФ – в отношении лица, обладающего определенными процессуальными иммунитетами (ст. 447 УПК РФ).

Исходя из смысла ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются по заявлению потерпевшего, его законного представителя. Кроме того, законодатель уточняет процессуальное положение потерпевшего в ст. 43 УПК РФ: это – частный обвинитель, т. е. «лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, и поддерживающее обвинение в суде». Однако стоит отметить, что когда речь идет о начале уголовного процесса, предусмотренного ст. 318 и 319 УПК РФ, до принятия заявления мировым судьей, уголовного дела еще нет. Уголовные дела частного обвинения возбуждаются «путем подачи в суд заявления потерпевшим» или иным уполномоченным на то субъектом (ч. 1, 2 ст. 147, ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Таким образом, указанное полномочие суда возбуждать уголовные дела частного обвинения, по существу, означает лишь его право и обязанность принимать к своему рассмотрению заявление потерпевшего (его законного представителя и др.). Уголовное дело частного обвинения в порядке, предусмотренном главой 41 УПК РФ, появляется в уголовном процессе одновременно с обретением лицом статуса «частный обвинитель» лишь после принятия мировым судьей соответствующего заявления к своему производству (ч. 7 ст. 318 УПК РФ).

Кроме того, в силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридического лица в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Представляется, что до признания лица потерпевшим в установленном законом порядке лицо, подающее заявление, должно именоваться «пострадавший».

Уголовное дело частного обвинения возбуждается по заявлению не каждого физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а лишь дееспособного, достигшего 16-летнего возраста. Такие же требования предъявляются к законным представителям несовершеннолетнего потерпевшего, о которых говорится в ч. 2 ст. 45 УПК РФ (супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки).

В практике часто фигурируют случаи, когда в суд обращаются несколько частных обвинителей с заявлениями о привлечении одного и того же лица,

совершившего в отношении каждого из них преступление, преследуемое в порядке частного обвинения. Закон (п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК РФ) предоставляет судье право соединить эти дела в одно производство. Если одним лицом совершены преступные деяния в отношении нескольких лиц, то прекращение производства по делу в отношении обидчика за примирением с одним потерпевшим не препятствует дальнейшему производству по заявлению других потерпевших.

В случае совершения преступления несколькими лицами в отношении одного пострадавшего, последний сам определяет, кого следует привлечь к уголовной ответственности за содеянное. Такими же правами наделяется представитель недееспособного в силу возраста или психического состояния потерпевшего⁸.

В случае смерти пострадавшего до подачи им в суд заявления частного обвинения его родственники в силу ч. 2 ст. 318 УПК РФ обретают правопреемственность в уголовном преследовании. Кроме того, ч. 2 ст. 318 УПК РФ говорит, что в таких случаях уголовное дело также возбуждается в порядке, установленном ч. 3 ст. 318 УПК РФ. Однако данная статья отсылает к ч. 4 ст. 20 УПК РФ, которая в числе оснований для производства расследования не называет случаи смерти потерпевшего. В указанном случае законодатель имел в виду право близких родственников на подачу заявления частного обвинения в правоохранительные органы по основаниям, изложенным в ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Следовательно, в случае смерти потерпевшего уголовное дело частного обвинения возбуждается близким родственником потерпевшего путем подачи заявления либо в суд, либо при наличии оснований, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, – следователю или дознавателю, о чем следовало бы указать в ч. 2 ст. 318 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 318 УПК РФ возбуждение уголовного дела о любом преступлении, указанном в ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ (дела частного и частно-публичного обвинения), может осуществляться следователем, дознавателем с согласия прокурора и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (к иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны). Проверка сообщения о преступлении осуществляется в соответствии с общими правилами, установленными ст. 144 УПК РФ.

Говоря о таких терминах, как «беспомощное или зависимое состояние» и «иные причины неспособности пострадавших защитить свои права и законные интересы или воспользоваться принадлежащими правами», следует отметить, что судебная практика не выработала четких признаков, отражающих сущность этих терминов. Состояние потерпевшего может признаваться беспомощным как вследствие психических, так и физических недостатков. Беспомощным может быть признано состояние лиц, признанных судом в порядке гражданского судопроизводства ограниченно дееспособными либо страда-

⁸ См.: Николаев М. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 80.

ющих тяжелыми психическими заболеваниями и состоящих на учете в медицинских учреждениях, оказывающих психиатрическую помощь. Кроме того, неспособность потерпевшего защитить свои права и законные интересы в силу зависимости от обвиняемого может носить материальный, моральный, служебный и иной характер⁹.

Заслуживающим одобрения дополнением в УПК РФ является предписание, что к иным причинам, позволяющим компетентным представителям правоохранительных органов осуществлять возбуждение уголовного дела частного обвинения и без заявления потерпевшего, относится совершение преступления лицом, данные о котором потерпевшему неизвестны. Конкретизация термина «иные причины» в ч. 4 ст. 20 УПК РФ обеспечила гражданам доступность правосудия и устранила противоречия уголовно-процессуального закона и обязательных установок Конституционного Суда РФ, установила обязанность для следователя и дознавателя с согласия прокурора возбуждать уголовное дело о любом преступлении частного и частно-публичного обвинения и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. В результате принятых законодателем изменений стадия возбуждения уголовного дела частного обвинения пополнилась новыми субъектами: следователем, дознавателем, прокурором.

Необходимо обратить внимание на то, что определенными особенностями отличается и процедура привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц. Мировой судья, установив, что заявление подано в отношении лица, указанного в п. 2 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет его соответствующим компетентным органам для решения вопроса о возбуждении уголовного дела согласно порядку, установленному ст. 448 УПК РФ, уведомив о принятом решении заявителя. Более того, если после принятия заявления к производству установлено, что субъект, в отношении которого оно подано, относится к категории лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, мировой судья выносит постановление об отмене своего же постановления о принятии заявления потерпевшего или его законного представителя к своему производству и направляет материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ. Одновременно судье, как и в предыдущих случаях, предписано уведомить об этом потерпевшего или его законного представителя.

Отдельные аспекты деятельности мирового судьи при производстве по уголовным делам частного обвинения характеризуются определенной спецификой.

Роль судьи на стадии возбуждения уголовного дела частного обвинения выражается в проверке поступившего заявления на предмет соответствия требованиям ч. 1 ст. 31, ст. 32, 33, 147 и ч. 5 ст. 318 УПК РФ¹⁰. Судья должен устано-

⁹ См.: Кузнецова А. Д. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. 2015. № 2. С. 122–125.

¹⁰ См.: Головинская И. В. Мировая юстиция : проблемы становления и перспективы развития уголовного судопроизводства. Владимир, 2008. С. 151–182.

вить наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также отсутствие оснований для отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения. Кроме того, роль мирового судьи в данной стадии производства видится в обязательной проверке им по поступившему заявлению субъектного состава лиц – потенциальных участников процесса по уголовному делу.

Законодателем мировому судье предоставлены определенные полномочия по признанию обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора. Данное предписание касается лишь тех случаев, когда после принятия заявления к производству установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защитить свои права и законные интересы. Тем самым данная норма наделяет потерпевшего дополнительными гарантиями в процессе осуществления судебной защиты нарушенных преступлением прав.

С учетом того что по уголовным делам частного обвинения по общему правилу предварительное расследование не производится, закон обязывает мирового судью оказывать содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Несмотря на императивный характер такого предписания, свою обязанность мировой судья может выполнить только при наличии соответствующих ходатайств сторон¹¹.

Уголовно-процессуальный закон подробно регламентирует действия мирового судьи при наличии оснований для назначения судебного заседания. Так, мировой судья в течение семи суток со дня поступления заявления в суд вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в судебном заседании, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, и выясняет, кого, по мнению данного лица, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем у него берется подписка.

В зависимости от содержащихся в поданном заявлении частного обвинения сведений мировой судья вправе: принять заявление частного обвинения к производству; вынести постановление о возвращении заявления частного обвинения для приведения его в соответствие с законными требованиями; отказать в принятии заявления частного обвинения к своему производству и уведомить об этом заявителя; отказать в принятии заявления частного обвинения к своему производству и направить заявление руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ, уведомив об этом заявителя; отказать в принятии заявления частного обвинения к своему производству и направить заявление для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 448 УПК РФ, уведомив об этом заявителя; отменить свое постановление о принятии заявления частного обвинения к производству в случае, если после принятия заявления

¹¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выяснится, что оно подано в отношении лица, отнесенного к категории лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, и направить заявление для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 448 УПК РФ, уведомив об этом потерпевшего или его законного представителя.

При этом законодатель не придерживался строгой последовательности в регламентации ч. 1, 1.1, 1.2 и 4.1 ст. 319 УПК РФ. В первых трех названных частях говорится об обязанности в случае отказа мирового судьи в принятии заявления частного обвинения к производству уведомить заявителя, в то время как в ч. 4.1 названной статьи предусмотрено уведомление потерпевшего или его законного представителя. Представляется, что данные нормы во избежание разночтения должны быть скорректированы¹².

Кроме перечисленных процессуальных полномочий закон ориентирует мирового судью на выполнение других, не менее значимых действий. Так, одним из направлений деятельности, производных от общей концепции уголовного судопроизводства института мировой юстиции, является принятие мер к примирению конфликтующих сторон. Значимость этой процедуры проявляется в возможности отказа в возбуждении уголовного дела или прекращении производства по уголовному делу за примирением сторон, которое допускается на стадиях принятия дела к производству и судебного разбирательства, вплоть до удаления суда в совещательную комнату. При этом в соответствии с ч. 5 ст. 319 УПК РФ мировому судье предписывается «разъяснять сторонам возможность примирения».

Обязанность судей склонять стороны к примирению присутствовала еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., однако судьи тогда не только разъясняли сторонам право на примирение, но и создавали условия для такового. Возможно, в настоящее время стоит возобновить практику активного участия мировых судей в примирительном процессе.

Если примирение между сторонами не достигнуто, то мировой судья после выполнения требований ч. 3 и 4 ст. 318 УПК РФ назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании в соответствии с правилами, предусмотренными главой 33 УПК РФ.

Ранее, до принятия Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», все уголовные дела частного обвинения относились к подсудности мировых судей. Однако указанным законом в числе других статей рассмотрение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, выведено из подсудности мировых судей и отнесено к подсудности районных судов. Ключевым моментом для изменения подсудности послужило наличие административной преюдиции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ. Исходя из текста пояснительной записки к указанному закону «данное предложение обусловлено прежде всего тем, что в системе действующего правового регулирования в ряде случаев к подсудности одного и того же мирового судьи могут быть отнесены дела о привлечении лица как к административной, так и уголовной ответственности,

¹² См.: Николаев М. В. Указ. соч. С. 36.

в частности, если повторное деяние совершено им на территории того же судебного участка»¹³.

Однако, изменив подсудность ст. 116.1 УК РФ и отнеся рассмотрение уголовных дел по данной статье уголовного закона к ведению судей районных судов, законодатель оставил данные преступления в числе дел частного обвинения и не внес изменения или дополнения в уголовно-процессуальный закон, относительно процедуры их рассмотрения судами районного звена. В настоящее время у районных судов отсутствуют закрепленные в нормативной базе полномочия на возбуждение и рассмотрение уголовных дел частного обвинения.

Механизм возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения районными судами не урегулирован, что приводит к проблемам в ходе рассмотрения дел и к потенциальному нарушению прав граждан на судебную защиту в разумные сроки.

Отсутствие нормативной регламентации приводит также к тому, что суды нередко вынуждены направлять дела в органы дознания. При этом, исходя из правового содержания ч. 4 ст. 20 УПК РФ, в случае если имеются необходимые данные о лице, совершившем преступление, и потерпевший не находится ни в беспомощном, ни в зависимом состоянии, то оснований для производства дознания по поданному заявлению частного обвинения нет. Кроме того, некоторые суды при поступлении заявления частного обвинения принимают решение о направлении его «с сопроводительным письмом прокурору для рассмотрения вопроса о возможности возбуждения уголовного дела частного обвинения в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ и организации дознания»¹⁴.

Очевидно, что ситуация требует своего разрешения. Предлагаются различные варианты: устранить такой вид уголовного преследования, как преследование в частном порядке¹⁵; законодательно отнести уголовные дела о преступлениях в соответствии со ст. 116.1 УК РФ к частно-публичному обвинению¹⁶.

Введение обычного порядка возбуждения уголовных дел, отнесенных сегодня к категории частного обвинения, будет способствовать обеспечению права потерпевших на доступ к правосудию. Однако должно сохраняться право потерпевшего на отказ от обвинения, присущее только этим делам и связанное с диспозитивными началами в уголовном процессе¹⁷.

¹³ О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросам подсудности уголовных дел) : пояснительная записка к проекту федерального закона № 346533-7. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹⁴ См.: *Аристархов А. Л., Зяблина М. В.* Производство в суде по уголовным делам о побоях : проблемы новелл и пути их разрешения // *Мировой судья*. 2019. № 7. С. 22–26.

¹⁵ См.: *Смирнова И. Г., Шадрин М. Ю.* Реформирование или упразднение частного обвинения : постановка проблемы // *Мировой судья*. 2019. № 4. С. 14–19.

¹⁶ См.: *Тетюев С. В.* О несистемных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (на примере дел частного обвинения) // *Российская юстиция*. 2019. № 3. С. 29–31.

¹⁷ См.: *Муллахметова Н. Е.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела // *Виктимология*. 2021. Т. 8, № 1. С. 47–55.

Кроме того, до принятия каких-либо возможных в последующем глобальных преобразований в части видов и порядков преследования (обвинения) следует внести дополнения в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, где указать: «Производство по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, осуществляется судьей районного суда по правилам главы 41 настоящего Кодекса». Это позволит на законных основаниях возбуждать и рассматривать уголовные дела частного обвинения (ст. 116.1 УК РФ) районными судами без нарушений установленных требований к порядку судопроизводства в судах и без нарушений прав граждан на доступ к правосудию.

Воронежский государственный университет

Сыщикова Т. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Сыщиков И. С., преподаватель кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

Syshhikova T. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: sudvl@mail.ru

Syshhikov I. S., Lecturer of the Criminal Process Department
E-mail: sudvl@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Освещаются некоторые проблемные вопросы участия несовершеннолетнего на начальной стадии уголовного процесса. В частности, анализируется право несовершеннолетнего на обращение в правоохранительный орган с заявлением о совершенном преступлении, а также причины редкого обращения подростков в качестве заявителей. Кроме того, автор обращает внимание на ряд дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего участника на стадии возбуждения уголовного дела.

К л ю ч е в ы е с л о в а: несовершеннолетний, уголовное производство по делам несовершеннолетних, защита прав несовершеннолетнего, возбуждение уголовного дела.

CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF A MINOR AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

The article highlights some problematic issues of the participation of a minor at the initial stage of the criminal process. In particular, the author analyzes the right of a minor to apply to a law enforcement agency with a statement about a crime committed, as well as the reasons for the rare treatment of adolescents as applicants. In addition, the author draws attention to a number of additional guarantees to ensure the rights and legitimate interests of a minor participant at the stage of initiating a criminal case.

К е у w o r d s: minor, criminal proceedings for minors, protection of the rights of a minor, initiation of a criminal case.

Поступила в редакцию 5 сентября 2022 г.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, в содержание которой входит выяснение обстоятельств, влекущих за собой возбуждение уголовного дела или отказ в его возбуждении.

Традиционно указанная стадия включает в себя три последовательных этапа: принятие и регистрацию сообщения о преступлении; рассмотрение и проверку такого сообщения; принятие должностным лицом соответствующего процессуального решения¹.

¹ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 273.

В соответствии с УПК РФ для возбуждения уголовного дела необходимо наличие законодательно установленных повода и основания, перечисленных в ч. 1 и 2 ст. 140.

Пункт 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ одним из поводов к возбуждению уголовного дела называет заявление о преступлении. При этом в УПК РФ не содержится перечня лиц, которые вправе обратиться с заявлением о преступлении, так же как и не установлен минимальный возраст заявителя.

Говоря о несовершеннолетии, т. е. о недостижении лицом возраста 18 лет, законодатель различает несколько возрастных порогов. Как правило, такая дифференциация в уголовном законе связана с моментом привлечения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого к уголовной ответственности за совершение определенных категорий преступлений. Уголовный кодекс РФ выделяет следующие возрастные границы: достижение возраста 14 лет (ч. 1 ст. 87); достижение возраста 16 лет (ст. 20).

Дифференциация возраста несовершеннолетнего согласно УПК РФ связана непосредственно с особенностями производства процессуальных, следственных и судебных действий по уголовному делу (ч. 4 ст. 188, ст. 191, 425 УПК РФ). Кроме того, в уголовно-процессуальной науке выделяют еще одну группу несовершеннолетних, в возрасте до 14 лет – малолетних².

Исходя из вышеизложенного, представляется логичным, что правом обратиться в правоохранительный орган с заявлением о совершенном преступлении обладают как малолетние лица (в возрасте от 0 до 14 лет), так и несовершеннолетние лица (в возрасте от 14 до 18 лет) и им не может быть отказано в приеме заявления по возрастному признаку. При этом изучение материалов уголовных дел и следственной практики показывает, что несовершеннолетние достаточно редко самостоятельно выступают в качестве заявителей. Так, исследование, проведенное Н. А. Киряниной, показало, что малолетние в возрасте до 14 лет ни разу не выступали в качестве заявителей, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обращались с заявлениями в 0,8 % случаев (в том числе и с заявлением о явке с повинной)³. Указанное объясняется рядом причин.

Во-первых, с заявлением о совершении преступления в отношении несовершеннолетнего, как правило, обращаются его законные представители. Они являются лицами, выступающими гарантом защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Во-вторых, часто работники правоохранительных органов не желают принимать заявления о преступлениях от лиц, не достигших возраста 14 лет, предлагая им прийти для написания заявления с родителями.

В-третьих, в случаях совершения в отношении подростка преступления, относящегося к категории публичного, существует возможность оформить его не заявлением несовершеннолетнего, а, например, рапортом об обнаружении признаков преступления или сообщением, полученным из иных источников.

² См.: Галимов О. Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 15–18.

³ См.: Кирянина Н. А. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних при приеме и проверке сообщений о преступлениях // Вестник нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 259–263.

В-четвертых, по делам частно-публичного и частного обвинения согласно ч. 2, 3 ст. 20, ч. 1 ст. 318 УПК РФ с заявлением может обратиться только потерпевший, в том числе несовершеннолетний, или его законный представитель, являющийся дополнительным гарантом защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. Проблемным моментом в данном случае является и то, что лицо, которое обратилось с заявлением по делу частного обвинения, впоследствии приобретает статус частного обвинителя и наделяется обязанностью по поддержанию частного обвинения в суде, чего несовершеннолетний потерпевший самостоятельно сделать не сможет. Представляется, что именно по этой причине заявителем по данным категориям дел является исключительно законный представитель несовершеннолетнего.

Говоря о проверке сообщения о преступлении с участием несовершеннолетнего, следует отметить следующие проблемные моменты.

1. Законодатель устанавливает расширенный предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Так, в ст. 421 УПК РФ прямо указывается на необходимость установления дополнительных обстоятельств, подлежащих доказыванию, наряду с указанными в ст. 73 УПК РФ. Из обстоятельств, изложенных в ст. 421 УПК РФ, непосредственно к стадии возбуждения уголовного дела можно отнести только установление возраста несовершеннолетнего, числа, месяца и года его рождения. Это положение непосредственно указывает на достижение несовершеннолетним возраста наступления уголовной ответственности и, соответственно, возможности возбуждения в отношении его уголовного дела или отказа в таком возбуждении. Что касается установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития и иных особенностей его личности, влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, то установление этих обстоятельств имеет значение только на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, и не распространяет свое влияние на стадию возбуждения уголовного дела. Подобное положение дел представляется нам пробелом уголовно-процессуального закона на фоне высокой латентности преступлений, совершаемых несовершеннолетними⁴.

Таким образом, представляется целесообразным при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего выявлять обстоятельства, указанные в ст. 421 УПК РФ.

2. Проверка сообщения о преступлении, как правило, проводится «непроцессуальными средствами»⁵, что может осложнить обеспечение прав и законных интересов ее несовершеннолетнего участника. Так, УПК РФ не определяет особенности получения объяснений от несовершеннолетнего, независимо от того, очевидец он или пострадавший, или причастный к совершению преступления. По этой причине открытым является вопрос об обязательности при-

⁴ См.: Довгалюк Н. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 17.

⁵ См.: Сычев А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.

сутствия педагога, психолога или законного представителя при взятии объяснений у несовершеннолетнего. В связи с тем что законодателем такой вопрос не урегулирован, практика в данном случае складывается не единообразно. Опрос правоприменителей по данному вопросу, проведенный Н. А. Киряниной⁶, показал, что примерно в 64 % случаев объяснения у несовершеннолетних в рамках проверки сообщения о преступлении брались без присутствия законного представителя, педагога или психолога. В 12 % случаев при отобрании объяснений у несовершеннолетнего присутствовал законный представитель, в 24 % случаев – педагог.

На наш взгляд, в целях дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела представляется целесообразным распространить применение положений ст. 191 и 425 УПК РФ, касающихся допроса несовершеннолетнего на взятие объяснений у несовершеннолетнего в рамках проверки сообщения о преступлении. При этом положения ст. 191 УПК РФ, касающиеся допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля следует распространить на несовершеннолетнего пострадавшего и очевидца, а положения ст. 425 УПК РФ – на несовершеннолетнего, причастного к преступлению, о чем внести изменения в соответствующие статьи УПК РФ.

3. В рамках данного вопроса следует также обратить внимание на отсутствие таких важных дополнительных гарантий защиты прав несовершеннолетнего на стадии возбуждения уголовного дела, как участие защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) и законного представителя (ст. 426 УПК РФ). Если на стадии предварительного расследования и в суде их участие является обязательным, то в рамках проверки сообщения о преступлении вопрос их участия законом не регламентирован. Фактически несовершеннолетний на стадии возбуждения уголовного дела остается без какой-либо поддержки со стороны законных представителей, защитника, что, на наш взгляд, является существенной недоработкой законодателя и требует совершенствования.

4. Актуальным представляется также вопрос соблюдения «тайны» расследования на стадии возбуждения уголовного дела с участием несовершеннолетнего. На это уже давно обращают внимание ряд авторов⁷. Соблюдение конфиденциальности в отношении несовершеннолетних лиц на этапе приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении может явиться еще одной дополнительной гарантией защиты их прав и законных интересов на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов, предусмотренные в отношении несовершеннолетних на стадиях предварительного расследования и в суде, в основном не работают. В целях повышения эффективности защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства представляется це-

⁶ См.: Кирянина Н. А. Указ. соч.

⁷ См.: Шурухов Н. Г. Обеспечение неразглашения данных предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987. С. 96.

лесообразным распространить нормы, предусматривающие дополнительные гарантии защиты прав и свобод несовершеннолетних на стадии предварительного расследования и в суде, а также возбуждения уголовного дела.

Воронежский институт МВД России

Савицкая И. Г., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Ministry of Internal Affairs Voronezh Institute of Russia

Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: arisha_s@list.ru

УДК 343.2

А. В. Машкова

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Анализируется этическое содержание вины как элемента субъективной стороны состава преступления. С позиций различных концепций вины и с точки зрения уголовно-процессуального законодательства определяется ее нравственный аспект и отмечается ее «внутренняя» моральная составляющая, отражающая деформацию социальных ценностей преступника, приводящую к совершению преступления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вина, концепции вины, этическое содержание, совесть, чувство вины.

MORAL ASPECT OF GUILT IN CRIMINAL LAW

In this article the ethical content of the guilt as one of elements of the crime's subjective side is analyzed. Its moral aspect determined from positions of different concepts of the guilt and from the perspective of criminal procedural legislation as well as its "internal" ethical component, which reflects the deformation of perpetrator's social values that leads to committing the crime, is noted.

К е у в о р д s: guilt, concepts of guilt, ethical content, conscience, feeling of the guilt.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Как известно, вопрос понимания вины в уголовно-правовой науке является дискуссионным. Так, в теории предпринимаются попытки представить ее дефиницию с точки зрения различных подходов: концепции опасного состояния, нормативной, психологической, а также оценочной концепций. Кроме того, категория вины получает определенные теологические, философские и психологические характеристики, среди прочего дающие основание определять вину через призму грехопадения, воспринимать вину как «тревогу совести» либо «негативного чувства, возникающего у индивида, при осознании им противоречия между предписанной нормой и собственным неверным действием»¹.

Как видим, вина является междисциплинарной категорией. В уголовно-правовом аспекте она представляет собой элемент субъективной стороны состава преступления, дающий субъективное основание уголовной ответственности. При этом уголовное право как совокупность норм, базирующихся на принципах справедливости и гуманизма, не лишено нравственного стержня. Иначе говоря, право, отражающее нормативные установки, и мораль, олицетворяющая нравственные начала, не являясь тождественными понятиями, взаимосвязаны. Так, преступление, выступая проявлением зла, отражает нравственную испорченность личности преступника, т. е. оно как деяние, запрещенное уголовным законом, не только нарушает правовые нормы, но и в свою оче-

¹ Муздыбаев К. Переживание вины и стыда. СПб., 1995. С. 5.

© Машкова А. В., 2022

редь посягает на нравственные основы общества, тем самым свидетельствуя о пренебрежительном или недостаточно внимательном отношении виновного к моральным установкам.

Бесспорно, исследование любой категории, особенно одного из ключевых уголовно-правовых понятий, должно осуществляться с применением различных подходов, что способствует более целостному установлению ее сущности. Повышенный интерес к этическому аспекту вины во многом обусловлен несостоятельностью и противоречивостью существующих в науке уголовного права концепций вины, а также стремлением к обеспечению нравственных начал в юридической деятельности. При этом существующие в уголовно-правовой теории концепции вины в определенной мере отражают ее этический аспект.

Так, теория опасного состояния, основывающаяся на положении об особых свойствах преступника, делает его виновным не в связи с противоправной деятельностью данного лица, а ввиду наличия у него преступных настроений либо его связи с преступной средой. Как отмечает В. В. Лунеев, такой подход отражает понимание вины лица с учетом восприятия преступления как одного из возможных внешних проявлений опасного состояния личности². Не разделяя позицию сторонников данного подхода ввиду возможности неограниченного судебного произвола при установлении вины в конкретном преступлении посредством доказывания необъективных обстоятельств содеянного, а лишь наличия у лица преступных настроений, считаем, что анализируемая теория во многом демонстрирует нравственную характеристику субъекта преступления, проявляющуюся в его аморальной ориентации и обуславливающую в последующем его психическое отношение к совершаемому деянию, конструктивно представленную элементом вины в составе преступления. Иначе говоря, идея об опасном состоянии личности, о ее нравственной небезупречности позволяет определить неодинаковую степень вины в деяниях, совершаемых «профессиональными» преступниками и лицами, впервые совершающими преступления, по причине большей потенциальной опасности, порочной с точки зрения морали личности ранее судимых граждан, что, однако, не делает их безусловно виновными, но подлежит учету при назначении наказания.

Господствующая в уголовно-правовой науке психологическая концепция вины, согласно которой вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, выражающееся в осознании, предвидении и желании их наступления³, ставит вопрос об оценке лицом, совершающим преступление, признака общественной опасности запрещенного уголовным законом деяния и о допустимости применения категории «общественная опасность» при легальном и доктринальном определении конструкции отдельных форм и видов вины. Указанная проблема возникает по причине многообразия существу-

² См.: Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 10.

³ См.: Верина Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности : проблемы теории и практики / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 331 ; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 307.

ющих в действующем уголовном законодательстве преступлений и не всегда очевидной для виновного их общественной опасности. В таком случае особая сложность может возникать при определении сознательно-волевого отношения субъекта к совершаемому налоговому или иному преступлению в сфере экономической деятельности, общественная опасность которых выражена не настолько явно, как в «традиционных» преступлениях (убийство, изнасилование, кража и др.), и нередко зависит от воли законодателя, криминализующего либо легализующего те или иные деяния.

В юридической литературе предлагаются различные варианты относительно рассматриваемого признака, отраженного в дефиниции вины. Так, интересно мнение Г. Ф. Цельникера, считающего, что для характеристики деяния, к которому субъект испытывает психическое отношение в момент его совершения, в большей мере подходит понятие «противоправность», так как любое правонарушение является противоправным⁴. Несмотря на конкретность и юридическую определенность данного универсального признака любого преступления, требование осознания противоправности, а не общественной опасности фактически сводится к осознанию субъектом того, что определенное деяние запрещено Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) под угрозой наказания как условие наличия его вины, что не сочетается с принципом «незнание закона не освобождает от ответственности».

Обсуждаемый в науке вопрос о необходимости осознания противоправности наряду с общественной опасностью или вместо нее стоит достаточно остро в преступлениях в сфере экономической деятельности по причине бланкетного характера диспозиций уголовно-правовых норм, закрепляющих соответствующие составы главы 22 УК РФ и отсылающих к регулятивным положениям отраслевого законодательства. В связи с этим правоведами, в частности И. В. Шишко, предлагается внести изменения в уголовный закон, закрепив в определении умысла «осознание общественной опасности или противоправности совершаемых лицом действий (бездействия)»⁵.

Российская правовая система основывается на презумпции знания закона, что обуславливается опубликованием нормативно-правовых актов, делающим возможным ознакомление с ними граждан. Однако ввиду особой сложности нормативно-правовой базы в сфере экономической деятельности формула «незнание закона не освобождает от ответственности» и указанная выше презумпция не могут применяться, так как при совершении лицом деяний, составы которых закреплены в главе 22 УК РФ, нередко возникают ошибки в запрете, ставящие проблему перспектив развития института освобождения от уголовной ответственности по причине незнания сложных законодательных установлений. Таким образом, включение категории «противоправность» в формулировку вины не является достаточно оправданным способом решения имеющихся проблем понимания этого элемента субъективной стороны преступления.

⁴ См.: *Цельникер Г. Ф.* Вина в российском праве (общетеоретический и исторический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 81.

⁵ *Шишко И. В.* Экономические правонарушения : вопросы оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 285.

С учетом того, что признак «общественная опасность» представляется категорией, обозначающей наличие угрожающего жизни, здоровью, имуществу состояния, имеющего устрашающий для потерпевшего и запугивающий для преступника характер, либо глобальной очевидной угрозы, предложенное Е. В. Юрчак понятие «общественная вредность»⁶, на наш взгляд, является наиболее оптимальным. Однако полагаем, что оно применимо не ко всем ситуациям, поскольку в формальных составах, не имеющих в качестве обязательного признака общественно опасного последствия, обозначает абстрактную, неконкретную характеристику деяния, вследствие этого неочевидную для лица, совершающего преступление, и поэтому ставящее под сомнение наличие у него вины.

Для разрешения изложенной теоретической коллизии может быть применимо указанное А. И. Рарогом определение вины как психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей⁷. Как мы видим, ученый обращает внимание на антисоциальную, по сути аморальную, направленность ценностей субъекта преступления, тем самым указывая на нравственный аспект вины. По нашему мнению, такая трактовка исследуемого элемента субъективной стороны преступления снимает остроту необходимости осознания преступником именно общественной опасности совершаемого деяния ввиду допустимости с учетом представленной автором формулировки ее оценки в соответствии с критерием несоответствия основным социальным ценностям, определяемым, на наш взгляд, преимущественно этическими ориентирами.

Не лишено нравственного компонента и предложенное в диссертационном исследовании В. А. Нерсесяна его определение вины, указывающее на выражение в психическом отношении лица к совершаемому им преступному деянию и его общественно опасным последствиям негативного отношения к принятым в обществе ценностям⁸, что свидетельствует об аморальной установке личности преступника.

Необходимость включения в дефиницию вины нравственного аспекта отмечает также Б. Т. Разгильдиев, считая, что преступление как олицетворение зла приобретает объективно-субъективную характеристику посредством вины, которая также должна охватываться понятием зла. Для этого, по мнению автора, необходимо включение в дефиницию вины как осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию нравственного признака – «справедливости» посредством указания на противоречие этого деяния справедливому удовлетворению субъектом преступления своих интересов⁹.

⁶ См.: Юрчак Е. В. Теория вины в праве. М., 2016. С. 39.

⁷ См.: Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 10.

⁸ См.: Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 24.

⁹ См.: Разгильдиев Б. Т. Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 112–113.

Об этических началах вины упоминает и В. В. Найбойченко, рассматривая вину как абстрактную категорию, которая должна оцениваться через призму добра и зла, и упоминая о позитивно нравственных чертах вины в случае признания лицом своей вины и раскаяния¹⁰.

Интересные рассуждения представлены в научном труде И. И. Нагорной, указывающей на существование предпосылок вины в виде моральной упречности «традиционных» преступлений и недобросовестности либо отсутствия должного уровня предусмотрительности для «новых», неочевидно общественно опасных преступлений¹¹.

Проанализировав представленные с точки зрения психологической концепции взгляды на нравственный аспект вины, стоит отметить, что в рамках сознательно-волевого восприятия вины можно говорить о ее «внутренней» этической составляющей, отражающей деформацию социальных ценностей в личности преступника, игнорирование им моральных установок, приводящих к совершению преступления, и позволяющей наказывать за содеянное. Полагаем, что понимание нравственного аспекта вины в контексте психологической концепции позволяет без лишних сомнений устанавливать вину лица в совершении преступления в случае отстаивания подозреваемым и (или) обвиняемым позиции своей невиновности ввиду неочевидности для него общественной опасности совершаемого деяния и его последствий либо незнания им противоправности совершаемого преступления, которые, несмотря на то что не исключают его вины, приводят к вероятности неоднозначной юридической оценки содеянного различными правоприменителями. Этическое содержание вины имеет еще большую актуальность и потому, что законодательные конструкции умысла и неосторожности и их видов построены в соответствии с психологическим подходом.

В таком случае, например, предоставление лицом своего паспорта для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице, не являющееся с достаточной очевидностью общественно опасным деянием, и в конкретном случае не известным для субъекта в качестве преступления, при доказанности необходимых объективных обстоятельств, несомненно, должно расцениваться как виновно совершенное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, как минимум вследствие аморальности данного поступка, как нарушающее нравственные начала, в том числе «честность», и этические нормы (запрет обмана и т. д.).

Особо стоит отметить этическое содержание вины в ятрогенных преступлениях, т. е. запрещенных уголовным законом деяниях, совершаемых медицинскими работниками при осуществлении медицинской деятельности. Нравственные начала вины таких субъектов обуславливаются, на наш взгляд, нарушением в результате их деяний не только норм УК РФ, но и положений, закрепленных в клятве врача, текст которой, в частности, содержит предписания

¹⁰ См.: Найбойченко В. В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 53.

¹¹ См.: Нагорная И. И. Моральная упречность и уголовно-правовая доктрина (на примере смягчающих обстоятельств в странах Африки) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 229.

«честно исполнять свой врачебный долг» и «быть всегда готовым оказать медицинскую помощь»¹², т. е. врач, совершающий преступление, например без уважительных причин не оказывающий помощь больному, осознает наличие у него, прежде всего, морально-нравственной обязанности помочь пациенту, игнорирует ее и в связи с этим бездействует, что в результате приводит к общественно опасным последствиям в виде причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью больного либо его смерти, с наступлением которых законодатель и связывает наличие состава данного преступления.

Этическое содержание вины в уголовном праве находит свое воплощение и при ее определении через призму оценочного подхода. Не преследуя цели подробного анализа существующих точек зрения этой концепции вины, обратим внимание на сформулированную Б. С. Утевским дефиницию вины не как психического отношения к совершаемому деянию, а как отрицательную морально-политическую оценку от имени государства всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих лицо, совершившее преступление, и само деяние¹³. На наш взгляд, нравственный аспект вины при оценочном подходе отражает «внешний» аспект нравственного начала вины, выражающийся не в особом отношении самого преступника к своему деянию, а в позиции других (суда) относительно содеянного им. Осуждающий, отрицательный характер такой оценки заключает в себе нравственное обоснование необходимости и целесообразности привлечения виновного к уголовной ответственности.

В связи с изложенным полагаем, что в целях отражения полного нравственного содержания вины в преступлении необходимо рассматривать данную правовую категорию с точки зрения дуализма психологического и оценочного подходов, в совокупности составляющих «внутренний» и «внешний» этические аспекты вины. Более того, стоит учитывать и существующую нормативную концепцию, выраженную в законодательных моделях форм и видов вины, отличающихся различной степенью общественной опасности, и вследствие этого имеющих различную этическую оценку, например: умысла как злонамеренности, наивысшего социального зла, а неосторожности как меньшего зла.

Наличие нравственного аспекта вины в преступлении в некоторой степени подтверждается уголовно-процессуальным законодательством. Так, в ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) указано, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Как мы знаем, на основе доказательств при производстве по уголовному делу устанавливается виновность лица в совершении конкретного преступления, а также формы вины. Если значительных сомнений относительно закона как руководства по оценке доказательств, как пра-

¹² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 02.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 103–104.

вило, не возникает, то явно нравственная категория «совесть» в качестве способа для установления вины требует уточнения. Так, В. М. Герций указывает на совесть как меру вины, позволяющую расставить акценты на добро и зло, а также описывает ее (совесть) как элемент нравственно развитой личности, отражающей наличие у нее нравственной ответственности за свое поведение перед обществом¹⁴.

Кроме того, закрепленные в УПК РФ полномочия присяжных заседателей как субъектов, отправляющих правосудие в лице непрофессиональных судей, не позволяющие им при вынесении вердикта разрешать вопросы, требующие юридической оценки, свидетельствуют о необходимости учета нравственного аспекта вины в преступлении при их ответе на вопрос о виновности подсудимого. Данный вывод обусловлен тем, что разрешение вопросов об осознании общественной опасности совершаемого деяния, предвидении его последствий и т. д., входящих в законодательную конструкцию вины в уголовном праве, будет нарушать предписание уголовно-процессуального законодательства, т. е. сам законодатель негласно, прямо не отражая это в тексте закона, признает наличие этического компонента вины и требует его оценки.

Интересной представляется позиция Е. В. Юрчак, указывающей на соотношение категорий «вина», «стыд» и «позор», которые, на наш взгляд, имеют определенное нравственное содержание и значение. Так, автор отмечает, что, выступая в качестве регуляторов социального поведения личности, вина и стыд взаимосвязаны, однако они возникают применительно к разным ситуациям, а именно: вина связана с нарушением конкретных, существующих в действительности правил, а стыд является следствием общей неуместности, неидеальности поведения. К тому же направления их действия неодинаковы, поскольку вина обращена к актуальному или планируемому поведению человека, а стыд связан с целостностью всей личности. Кроме того, указывается на подверженность преступника позору со стороны общества для демонстрации им чувства стыда, вины и раскаяния в содеянном¹⁵.

Рассмотрев данную точку зрения, полагаем, что, исследуя указанные категории, Е. В. Юрчак имеет в виду не столько уголовно-правовую категорию вины, при этом не лишённую нравственного содержания, сколько чувство вины как определенную реакцию лица на совершаемое им преступление, являющееся этически неприемлемым явлением. Представляется, что стыд она рассматривает как порицающее отношение индивида не к своему общественно опасному поступку, а к своей личности, выступающей в качестве источника преступного поведения. Считаем, что, определяя соотношение указанных категорий, автор в некоторой степени описывает механизм интеллектуально-волевых и психоэмоциональных процессов лица в ходе осуществления преступной деятельности, что также подтверждает этический статус вины и показывает ее место в предложенной триаде «вина–стыд–позор».

¹⁴ См.: Герций В. М. Совесть как мера вины и справедливости в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 132–133.

¹⁵ См.: Юрчак Е. В. О соотношении категорий «вина», «стыд» и «позор» // Современные исследования социальных проблем (электронный науч. журнал). 2013. № 10 (30).

Проанализировав нравственный аспект вины в уголовном праве, мы смогли отразить одно из проявлений взаимосвязи права и морали как важнейших регуляторов общественных отношений, вследствие этого имеющих единое функциональное назначение, но не совпадающих по содержательному признаку. К сожалению, право и мораль в действительности не всегда совпадают, однако этические нормы, отстаивающие, в частности, идеи добра, справедливости, гуманизма, честности, совести, служат или, по крайней мере, должны служить ориентиром для законодательных положений, что особенно важно для связанной со значительными правоограничениями и тяжелыми юридическими последствиями отрасли уголовного права, определяющей преступность и наказуемость деяний и вопросы уголовной ответственности.

*Воронежский государственный университет
Машкова А. В., аспирант кафедры уголовного права*

*Voronezh State University
Mashkova A. V., Post-graduate Student of the Criminal Law Department
E-mail: nastya.mashkova@bk.ru*

РОЛЬ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА В ФОРМИРОВАНИИ СПОСОБОВ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В свете концептуальных начал современного уголовного судопроизводства особое значение приобретает роль убеждения судьи при вынесении итогового решения по уголовному делу. Исходя из того что изначально в качестве доказательств по уголовному делу рассматриваются сведения, соответственно, в суде они могут возыметь процессуальную силу факта, наиболее убеждающего аргумента. Следовательно, становится актуальным вопрос, в чем заключается историческое начало формирования силы доказательств, которые могут послужить в качестве аргумента при формировании судебского убеждения и оценки доказательств.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Устав уголовного судопроизводства 1864 г., доказательства, доказывание, сила доказательств, свойства доказательств, алгоритмы оценки доказательств.

THE ROLE OF THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864 IN THE FORMATION OF METHODS FOR EVALUATING EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

In the light of the conceptual principles of modern criminal proceedings, the role of persuasion of a judge in making a final decision on a criminal case is of particular importance. Proceeding from the fact that initially information is considered as evidence in a criminal case, accordingly, in court they may have the procedural force of a fact, the most convincing argument. Consequently, the question becomes relevant, what is the historical beginning of the formation of the strength of evidence that can serve as an argument in the formation of judicial conviction and evaluation of evidence.
Ke y w o r d s: Statute of Criminal Proceedings of 1864, evidence, proof, strength of evidence, properties of evidence, algorithms for evaluating evidence.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

После Французской буржуазной революции произошел серьезный сдвиг в сторону демократизации законодательства, и теория свободной оценки доказательств пришла на смену феодальной теории оценки доказательств по формальным, установленным в законе, признакам и имела прогрессивное значение¹. Теория формальных доказательств существовала в российском процессе до Судебной реформы 20 ноября 1864 г.

Однако прежде чем дать анализ доказательств в результате реформы 1864 г., следует остановиться на том, что с 1826 по 1830 г. создается «Полное

¹ См.: Михеенко М. Уголовно-процессуальное право Англии, США и Франции. Киев, 1969. С. 118.

собрание законов Российской империи». Этот внушительный труд состоял не в изменении законодательства, а в его систематизации. «Свод законов» являлся в основе сборником феодального крепостнического права. Это подтверждалось вошедшими в него законодательными актами о судопроизводстве и судоустройстве, определявшими бесправное положение личности.

Например, суд знакомился с доказательствами по документам предварительного расследования. На их основе канцелярия готовила выписку, которая зачитывалась при рассмотрении дела в судебном заседании.

В качестве доказательств выступали: собственное признание, свидетельские показания, документы, повальный обыск, допрос соседей о поведении подсудимого (ст. 197).

Одно несовершенно доказательство виновности оставляло в подозрении и не могло стать основанием осуждения. «Несколько несовершенно доказательств, совокупно взятых, могут составить совершенное доказательство» (ст. 308). В то же время «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомнительным» (ст. 306). Когда совершенных доказательств не хватало, а улики были налицо, предписывалось оставлять подсудимого просто в подозрении, в более или менее сильном, или отдавать его «под надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения» (ст. 113). Законодательно определялась сила доказательств. Признание подсудимого считалось «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316) – совершенным доказательством. На основе одного признания можно было вынести приговор, не заботясь о получении иных доказательств (ст. 318). К совершенным доказательствам также относилось свидетельство двух «достоверных свидетелей», дающих согласованные показания (ст. 329). Свидетельства одного считались несовершенно доказательством.

В случае противоречия в показаниях следовало давать преимущество «мужчине перед женщиною, знатному перед незнатным, ученому пред неученым, духовному пред светским» (ст. 335). Подробно расписывались правила оценки доказательств по степени их убеждающей силы. Так, ст. 341 подчеркивала, что «улики и признаки в совершении преступления», не соответствующие «совершенному доказательству», возрастают по силе, «когда подсудимый не представит на них никакого уважительного опровержения»².

Значительное влияние на формирование и модернизацию российского уголовного судопроизводства оказала английская правовая система. Английская судебная система отличалась достаточно прогрессивными по тому времени правилами. Во-первых, в целях обеспечения справедливого суда необходимо было полное равенство сторон обвинения и защиты. Во-вторых, обвинитель должен был доказывать обвинение не иначе как по правилам теории судебных доказательств. В-третьих, обвинитель имел право, с согласия суда, прекратить обвинение или изменить его таким образом, чтобы не ухудшилось положение обвиняемого. Но самое интересное заключается в том, что в ходе

² Коротких М. Г. Самодержавие и Судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 14.

судебных прений обвинитель не имеет никаких преимуществ перед защитником. В этих аспектах виделся яркий образец состязательности, поэтому в научной литературе подчеркивалась поучительность для любого законодателя, любого государства, поскольку имела место разумность и великое единение с судьбами людей, что вызывало доверие у народа, было верным средством обеспечения и охраны свободы³.

20 ноября 1864 г. является знаменательной датой в развитии уголовного судопроизводства России. Именно тогда состоялось утверждение императором Александром II классического источника уголовно-процессуальной деятельности – Устава уголовного судопроизводства. Недостатки организации и деятельности судебной системы, такие как сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, разыскной тип уголовного судопроизводства, в процессе которого позволялось рассматривать уголовные дела на основе письменности, тайности, формальной теории доказательств – явились предпосылками острой потребности в проведении судебной реформы.

Интерес представляет Указ Правительствующему сенату от 20 января 1864 г., в котором Александром II была определена цель судебной реформы: «Водворить суд скорый, правый, милостивый, равный для всех, дать надлежащую самостоятельность судебной власти...»⁴.

Данная реформа является важным, глобальным этапом в истории российского уголовного процесса, которая дала реальные и потенциальные возможности широкой правовой мысли представителей уголовно-процессуальной науки того времени. По мнению И. Я. Фойницкого, реформа «была направлена на создание суда безволочитного и неразорительного»⁵. Он также писал: «Непременное условие успешности какого бы то ни было законодательного преобразования – ознакомиться с духом и внутренними пружинами существования действующей законодательной системы по целой группе вопросов; выяснить, желательна ли упрочение или же, напротив, она до того разошлась с выросшими потребностями жизни, что требует капитальной переделки; определить порознь для каждой меры, какие институты отзываются духом прежней системы и какова должна быть природа новых мероприятий, на которые ставят запросы новые условия»⁶.

Так, Устав уголовного судопроизводства включал «Общие положения» и три книги: «Порядок производства в мировых судебных установлениях», «Порядок производства в общих судебных местах», «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Всего в Уставе уголовного судопроизводства было 1254 статьи. С принятием Устава уголовный процесс России приобрел черты, которые интересны и достаточно познавательны для современников⁷.

³ См.: Миттермайер Н. Ю. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. М., 1864. С. 255.

⁴ Хрестоматия по истории отечественного государства и права / под ред. В. А. Томсинова. М., 1998. С. 299.

⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. 1. С. 41.

⁶ Фойницкий И. Я. Русская карательная система. СПб., 1874. С. 3.

⁷ См.: Ключевский В. С. О русской истории. М., 1993. С. 140.

Устав уголовного судопроизводства провозгласил независимость и несменяемость судей, участие представителей общественности в суде, гласность и состязательность процесса, равенство сторон перед судом, право обвиняемого на защиту, постановление приговора по внутреннему убеждению на основе проверки доказательств, в значительной мере была упразднена сословность суда⁸.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отменялась система формальных доказательств. Как писал Ф. М. Достоевский: «Вам известен, милостивые государи, наш старый уголовный порядок. Не доверяя судье, связывая его целюю сетью формальных предписаний о предустановленной силе доказательств, наш прежний процесс отдавал важнейшее исследование дела, ту его часть, где и он не мог обойтись без живого человека, в руки людей малоразвитых, односторонних, узких и подчас грубых. Затем – и только затем – являлся на сцену элемент судебный. Но в каком стесненном, ограниченном виде! Устраняя судью, по возможности, от самостоятельности, наш процесс рекомендовал ему иметь дело преимущественно с грубыми фактами, с наглядностью – с доказательствами – и, косясь на улики, указывал на собственное сознание как на “лучшее доказательство всего мира”»⁹. В России был основан суд присяжных заседателей. Однако И. Я. Фойницкий, который писал в защиту данного института права, полагал, что суд присяжных может быть успешным только при наличии трех факторов: высокого уровня общественной культуры, законности в жизни и правды в законе¹⁰. Впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время. Данное законодательное положение нашло глубокое научное исследование в трудах А. Ф. Кони, который был современником судебной реформы и получал юридическое образование по судебным уставам. А. Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал, что именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделал возможным воспринимать все разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям¹¹.

С теоретической точки зрения заслуживает внимание, что появившиеся после введения Судебных уставов 1864 г. научные труды обозначили основную тенденцию включения в число целей уголовного процесса достижение истины по уголовному делу.

Так, Г. С. Фельдштейн писал: «Цель уголовного судопроизводства 1864 г. есть обнаружение так называемой материальной истины относительно проис-

⁸ См.: *Вилкова Т. Ю.* Основные начала рассмотрения мировыми судьями уголовных дел в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. // *Актуальные проблемы рос. права.* 2014. № 4. С. 546.

⁹ Цит. по: *Кони А. Ф.* Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2018. С. 545.

¹⁰ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. С. 448.

¹¹ См.: *Кони А. Ф.* Судебная реформа и суд присяжных // *Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук.* Тула, 2000. С. 187. См. также: *Козьявин А. А.* Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А. Ф. Кони // *Адвокат. Практика.* 2014. № 1. С. 26.

шествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка»¹².

Однако в связи с этим И. Я. Фойницкий рассматривал материальную истину как цель уголовного процесса, указывая следующее: «...ввиду особенностей процессуального разбирательства суд достигает только истины формальной, условной, т. е. той, которую желали и могли установить стороны»¹³.

В Уставе уголовного судопроизводства впервые было дано определение доказательств, в котором был сделан акцент на внутреннем убеждении судьи. Именно поэтому многие дореволюционные авторы в основе процесса доказывания видели внутреннее убеждение судьи. В частности, Я. И. Баршев, С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий полагали, что доказательства являются основанием убеждения судьи о виновности или невиновности подсудимого. Сходной позиции придерживался и В. И. Случевский, который писал: «Под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица»¹⁴. Мы поддерживаем данное определение доказательств и полагаем, что оно достаточно познавательное для современных правоприменителей, поскольку в свете принципа состязательности сторон внутреннее убеждение выступает основополагающей категорией при исследовании и оценке доказательств в суде. Для современного уголовного судопроизводства актуальна теория аргументации, которая предлагает ряд логических приемов, посредством которых можно повлиять на внутреннее убеждение судьи в аспекте отстаивания и обоснования своей позиции как равноправной стороны процесса по уголовному делу в суде. В связи с этим С. А. Шейфер пишет, что в основе процесса доказывания лежит как логико-психологическое содержание, так и познавательное.

Поддерживая мнение С. А. Шейфера, который познавательно-удостоверительную деятельность субъекта доказывания закладывает в основу понятия «доказательства», подчеркивает сущность доказывания в процессе их получения в виде преобразования информации, содержащейся в следах, оставленных исследуемым событием, и приданием ей надлежащей процессуальной формы – превращением ее в те источники доказательств, которые регламентированы ст. 74 УПК РФ¹⁵.

Ю. К. Орлов также полагает, что в основе процесса доказывания заложены психологический и гносеологический аспекты. Например, это означает, что в психологическом аспекте внутреннее убеждение выражается в уверенности, убежденности в правильности своих выводов. Морально-этическая сторона внутреннего убеждения характеризует действия, поступки, совершенные в соответствии со своими убеждениями, в согласии с самим собой. Гносеологический аспект выражает соответствие или несоответствие убеждения в чем-либо

¹² *Фельдштейн Г. С.* Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 78.

¹³ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 311.

¹⁴ *Случевский В. И.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 376.

¹⁵ См.: *Шейфер С. А.* Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестник Омского ун-та. Серия: Право. 2008. № 1 (14). С. 17.

объективной действительности¹⁶. Мы же полагаем, что психолого-логический аспект внутреннего убеждения в первую очередь основывается на гносеологическом факторе. В частности, при вынесении приговора по уголовному делу судья оценивает доказательства, изначально познав все предоставленные аргументы сторон; внутреннее убеждение судьи формируется на основе познания доказательств по уголовному делу. Поэтому мы считаем, что гносеологический аспект является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения судьи, которое строится посредством аргументирующей силы доказательств.

Как писали авторы в свете положений Устава 1864 г.: «Значение и сила доказательств и улики, собранных по уголовному делу, и влияние их на решение дела могут быть определяемы судьей: или на основании так называемой теории доказательств, то есть по установленным в законе положительным правилам о том, какие доказательства и улики и при каких условиях должны иметь для судьи полную убеждающую силу и когда не могут иметь такой силы, или же по внутреннему убеждению судей, образовавшемуся по совокупному суждению всех обстоятельств дела»¹⁷.

В Уставе закреплялись следующие виды доказательств: показания подсудимого, свидетельские показания, экспертиза, дознание через «окольных» людей, вещественные доказательства, письменные доказательства. При этом отметим, что показания подсудимого не являлись «царицей доказательств» и оценивались судом по внутреннему убеждению в совокупности с другими доказательствами по делу. Более того, запрещалось применять принуждение при получении показаний подсудимого. В качестве показаний свидетеля преступления воспринимались и те сведения, которые он получил от других известных ему лиц. При этом показания, основанные на слухе, не допускались. В качестве самостоятельного доказательства рассматривалась экспертиза, которая не имела какого-либо преимущественного значения при оценке доказательств в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. Познавательным является такой вид доказательств, как дознание через «окольных» людей. Содержанием такого доказательства являются сведения, полученные от «окольных» людей, о поведении, образе жизни подсудимого. В суде сведения, полученные от «окольных» людей, заносились в протокол, который являлся доказательством, несмотря на то что на судебное разбирательство окольные люди не вызывались. В качестве вещественных доказательств Устав регламентировал следующее: поличное; орудие, коим совершено преступление; подложные документы; фальшивые монеты; вообще всё, найденное при «осмотре места, обыске или выемке и могущее служить к обнаружению преступления и к улике преступника». Вещественные доказательства должны быть описаны в протоколе и приобщены к делу.

В качестве письменных доказательств выступали различные документы, содержащие определенную информацию, имеющую отношение к уголовному делу. Тем не менее ни одно письменное доказательство не имело для суда обязательной силы.

¹⁶ См.: Орлов Ю. К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. Вып. 35. С. 55.

¹⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. не бесследны для современного уголовного судопроизводства. Настоящий процессуальный документ внес основы алгоритмизации оценки доказательств в условиях состязательности. Бесспорно, в настоящее время не угасают в своей актуальности вопросы оценки доказательств. Оценка доказательств на основе внутреннего убеждения правоприменителя видится в качестве формирования судьейского убеждения в зависимости от аргументирующей силы конкретного источника доказательств. В силу принципа свободы оценки доказательств ни одно из доказательств не имеет заранее преимущественной силы. Судебная практика демонстрирует нам, что судьи выносят итоговые решения, но не всегда обосновывают должным образом, как было сформировано их внутреннее убеждение, посредством чего в их сознании складывается картина убедительности по уголовному делу. Анализ анкетного интервьюирования судей показал следующее видение судьейских алгоритмов оценки доказательств в аспекте положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Известный профессор, доктор философских наук С. П. Лебедев написал: «Исследовательская активность подчинена довольно жестким алгоритмам, управляющим познающими субъектами независимо от их воли и сознания»¹⁸. Возможно, в свете философской науки такое положение является актуальным. Тогда как в уголовно-процессуальной деятельности как правоприменительной алгоритмизация процесса познания в свете доказывания выступает активной мыслительной деятельностью, существует в прямой причинной связи с волей, уровнем правосознания и внутреннего убеждения. Достаточно часто в практической деятельности мы встречаемся с понятием «алгоритм». Например, в уголовно-процессуальной, криминалистической литературе можно встретить такие понятия, как «алгоритм следственных действий», «алгоритм продления процессуальных сроков». Можно полагать, что в уголовном процессе в качестве алгоритма видится система упорядоченных действий на основании УПК РФ. Алгоритмизация применительно к практической деятельности вносит своим содержанием упорядоченность.

Для нас видится познавательным вопрос, который касается алгоритма оценки доказательств. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что содержание термина «алгоритм» в аспекте процесса доказывания сводится к последовательности действий участника уголовного судопроизводства, основанной на нормах действующего УПК РФ, преследующей цель вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. Мы упоминаем «решения» именно потому, что любой вид приговора – это решение, и не всегда производство по уголовному делу завершается обвинительным или оправдательным приговором, это может быть и прекращение уголовного дела, к примеру, на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализируя наследие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и действующий УПК РФ, следственную, прокурорскую, защитительную и судопроизводственную практику, можно полагать, что алгоритм в процессе доказывания – это

¹⁸ Лебедев С. П. Алгоритмы познания. Физический исследовательский алгоритм // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 1. С. 67.

система последовательных действий в процессе доказывания по уголовному делу на основании регламентированных УПК РФ свойств доказательств, способ оценки доказательств, конечной целью которой является законное, обоснованное решение.

Практический аспект уголовно-процессуальной алгоритмизации заключается в методике теории алгоритмов, которая вошла в процессуальную деятельность благодаря реформе 1864 г., позволяет понять рациональный выбор формирования внутреннего убеждения при вынесении решения.

Поскольку в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства внес серьезные коррективы в нашу национальную правовую систему, позволив раскрыться потенциалу состязательных возможностей, прекратила свое существование формальная теория доказательств, вступила в силу реализация состязательности сторон и вынесения итогового решения по уголовному делу на основании внутреннего убеждения суда. Таким образом впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время. Данное законодательное положение нашло глубокое научное исследование в трудах А. Ф. Кони, который был современником судебной реформы и получал юридическое образование по судебным уставам. А. Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал, что «именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделал возможным воспринимать всё разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям»¹⁹.

Основы алгоритмизации процесса доказывания, которые были заложены Уставом 1864 г. нашли свое отражение в современном УПК РФ, который был принят в 2001 г. Если провести анализ и сопоставление статей Устава уголовного судопроизводства и УПК РФ, получается воспроизведение. Имеет место факт исторической преемственности. Наглядный пример прослеживается в положениях следующих статей Устава уголовного судопроизводства:

«630. Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник – с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами.

736. Заключительные прения состоят:

- 1) из обвинительной речи прокурора или частного обвинителя;
- 2) из объяснений гражданского по делу истца;
- 3) из защитительной речи защитника или из объяснений самого подсудимого.

739. Прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющих в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления.

¹⁹ Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2018.

744. Защитник подсудимого объясняет в защитительной речи все те обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное против подсудимого обвинение.

748. По изложении защиты подсудимым или его защитником как прокурор или частный обвинитель, так и гражданский истец могут представить свои возражения, но, во всяком случае, право последнего слова принадлежит подсудимому или его защитнику»²⁰.

В свете положений Устава 1864 г. судьи должны были определять вину или невиновность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела.

Сложно сделать однозначный вывод об универсальности данных алгоритмов. Еще исторически авторы приходили к выводу о сложности выработки единого подхода в формировании внутреннего убеждения. «По началу внутреннего убеждения от судей требуется только то, чтобы они постановили приговор по совести, основываясь не на теоретических умозрениях, а на том убеждении, к которому привело их тщательное соображение всех обстоятельств дела в совокупности. Доселе ни наука, ни положительные законодательства не могли открыть ничего промежуточного между этими двумя началами. Приняв за коренное начало правосудия, что судьи должны постановлять приговоры о вине или невиновности подсудимых по внутреннему убеждению, законодательная власть не может вместе с тем предписывать какие-либо правила на счет тех условий, при которых судьи обязаны считать себя убежденными или неубежденными. Действия судьи по производству дела могут и должны находиться под повелением закона, но убеждение не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести. Правила о доказательствах, сколь бы они не представлялись верными, не могут быть почитаемы неприложными в применении ко всем случаям многообразной действительности»²¹. Сложно представить однозначное и обдуманное правило, которое подлежало бы законодательной регламентации. Умозаключение правоприменителя, основанное на законе, практическом опыте, накопленной годами мудрости, зависит от субъективных качеств личности. Именуемое в исторической литературе «живым воззрением», сложно совместить в качестве субъективного убеждения и конкретного законодательного закрепления в качестве универсального правила. «Разрешение такой задачи полагалось достигнуть удержанием из свода 1857 г. только самых общих правил о силе доказательств. В этом состояла сущность шестнадцати статей, которые предложено было ввести в Устав уголовного судопроизводства»²², но российский законодатель отступил от такой идеи.

Однако мы можем однозначно провести обусловленность между понятием «сила доказательств» и основанием признания их недопустимыми, издавна существующем в Англии. В свете таких положений предлагалось включить в Устав главу о силе доказательств, в которой были бы регламентированы сле-

²⁰ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book> (дата обращения: 31.03.2022).

²¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866. С. 260. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Там же.

дующие положения: «...судьи и присяжные заседатели определяют вину или невиновность подсудимого по внутреннему убеждению, основанному на об-суждении в совокупности всех обстоятельств дела. Что должно обеспечивать-ся следующими правилами:

– подсудимый признается невиновным, если противное не будет доказа-но. Всякое сомнение о вине или о степени виновности подсудимого объясня-ется в его пользу;

– никто не может быть признан виновным в преступлении, если нет по-ложительного удостоверения в том, что данное преступление действительно совершено;

– никто не может быть признан виновным в преступлении, если нет поло-жительного удостоверения в том, что это преступление действительно совер-шено;

– освидетельствования и осмотры, не требующие особых технических зна-ний, почитаются достоверными, когда они произведены установленными вла-стями и с соблюдением предписанных на то правил;

– предмет, для точного исследования которого необходимы особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, не почи-тается доказанным до истребования о нем мнения сведующих людей в уста-новленном порядке;

– собственное признание подсудимого не принимается в уважение: а) ког-да оно несогласно с обстоятельствами дела; б) когда оно вынуждено насили-ем, угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами;

– признание подсудимого может иметь силу доказательства только по тем обстоятельствам, к которым он положительно относится;

– признание подсудимого не может быть принято за основание обвини-тельного приговора, если, кроме этого признания, нет иного удостоверения, что преступление действительно совершилось;

– показания свидетелей не принимаются в уважение: а) когда показание основано лишь на догадках, предположении или на слухе от других; б) когда свидетель имеет такие телесные или умственные недостатки, при которых он не мог иметь ясного представления о предмете свидетельства; в) когда оно вынуждено насилием, угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобны-ми мерами; г) когда оно несогласно с обстоятельствами дела;

– письменный документ может иметь силу доказательства лишь тогда, ког-да нет сомнения, что он вышел из рук писавшего его лица в том самом виде, в каком представлен к делу;

– сознание подписи под документом не составляет доказательства в созна-нии всего документа и не устраняет отзыва в употреблении подписи во зло;

– акт и протокол, составленные в присутственном месте или у должност-ного лица установленным порядком, почитаются достоверными в отношении ко всем действиям и обстоятельствам, о коих присутственное место или долж-ностное лицо свидетельствует по личному удостоверению, доколе противно не будет доказано;

– свидетельство о преступлении, сделанное в частной переписке или бума-ге, поданной в присутственное место или должностному лицу, не прежде при-

знается действительным, как по подтверждении свидетелем своего показания на допросе в суде;

– уликою признается всякое обстоятельство, из которого можно вывести заключение или о событии преступления, или о вине подозреваемого лица;

– те только улики могут быть приняты во внимание при решении дела, которые имеют несомненную связь с предметом суждения;

– ни собственное признание подсудимого, ни показание свидетелей не принимается в уважение, если оно сделано не на суде, а при предварительном следствии, без присутствия при том посторонних лиц»²³.

Видится положительным воспроизведение положений правил англо-саксонской системы права о «силе доказательств». При написании проекта Устава уголовного судопроизводства 1864 г. данные положения были закреплены, однако разработчики приняли решение не вводить такую норму в ранг закона, а оставить на уровне внутреннего убеждения судьи.

И. Я. Фойницкий в качестве недостатков Устава уголовного судопроизводства определял «непринятие достаточных мер обеспечения твердого соблюдения на практике новых положений, вследствие чего с изменением настроения в правительственных сферах представилась легкая возможность отступления от требований уставов, ничем не огражденных»²⁴.

Вспоминается и такая историческая мудрость, которая гласит, что споры могут быть бесконечными, но не потому, что невозможно найти истину, а потому, что спорящие ищут не истину, а самоутверждение. То же может проследиваться и в правосознании отдельных судей.

Хотелось бы отметить, что в последнее время Верховный Суд РФ придает серьезное значение вопросам обоснования в процессе доказывания. И все перечисленные алгоритмы всегда должны сопровождаться обоснованием. Тем более, в тех условиях процесса доказывания, когда приходится сталкиваться с оценочными суждениями, в частности с такими, как определение размера компенсации морального вреда, решение вопроса об определении вида наказания и ряда других. Прослеживается очевидность и потребность собирания доказательств с такой степенью эффективности, которая обеспечивала бы силу доказательств, преимущественно в качестве прямых. Судебная практика складывается так, что, к примеру, алиби, иногда выступающее одним из ключевых доказательств, в обязательном порядке должно подтверждаться совокупностью всех признанных допустимыми доказательств по уголовному делу.

²³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. С. 265.

²⁴ Фойницкий И. Я. Записки по уголовному судопроизводству, сост. по курсу и лекц. профессора СПб. унив. И. Я. Фойницкого (под ред. проф.). СПб., 1892. С. 27.

*Юридический факультет Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена
Брянская Е. В., доцент кафедры уголовного процесса*

*Faculty of Law of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
Bryanskaya E. V., Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail: veret.1976@mail.ru*

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ПО КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1991 г.: ОТ ИДЕИ К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

*Анализируются положения Концепции судебной реформы 1991 г. о независимости судебной власти. Рассматриваются различные подходы к определению понятия судебной власти. Изучается соотношение понятий «самостоятельности» и «независимости» судебной власти, дается определение суверенности судебной власти.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Концепция судебной реформы в Российской Федерации 1991 г., независимость и самостоятельность судебной власти, суверенность судебной власти.*

INDEPENDENCE OF THE JUDICIARY ACCORDING TO THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 1991: FROM IDEA TO ITS IMPLEMENTATION

Article is devoted to the analysis of provisions of the Concept of judicial reform of 1991 about independence of judicial authority. Various approaches to definition of a concept of judicial authority are considered. The ratio of concepts of "independence" and "independence" of judicial authority is studied, definition of a sovereignty of judicial authority is given.

Key words: Concept of Judicial Reform in the Russian Federation in 1991, independence of judicial authority, sovereignty of judicial authority.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Концепции судебной реформы в РСФСР исполнилось уже тридцать лет. Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. было принято соответствующее постановление № 1801-1, предопределившее развитие судебной системы России на длительное время. Представляется, что заложенный в Концепции судебной реформы потенциал так и не был полностью реализован. Сейчас миновал очередной рубеж, преодолевая который можно оценить, насколько идеи, изложенные в этом знаковом документе, были воплощены в жизнь и что еще предстоит сделать. Особенно интересно проанализировать, соответствует ли положение дел на современном этапе реформы судебной системы парадигме Концепции.

Одной из главных задач судебной реформы в Российской Федерации Концепция называет утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от

властей законодательной и исполнительной, т. е. устройство органов государственной власти на основе теории разделения властей¹.

Теория разделения властей в ее современном понимании нацелена на то, чтобы предотвратить абсолютизацию одной из властей, авторитарное правление в обществе. Каждая ветвь власти самостоятельна, но не автономна, их деятельность в тесном сотрудничестве должна быть направлена на решение задач государства в целом. «Обеспечение интересов государства достигается не обособленностью ветвей власти, не их противостоянием и, тем более, не их открытой конфронтацией, а тесным взаимным сотрудничеством, точным исполнением каждой из ветвей власти своих функций. Объективная действительность такова, что все ветви власти нуждаются друг в друге, что они образуют законченное единство, именуемое государственной властью, лишь в своей совокупности выступая как элементы единой системы»². Неправильно понимать идею разделения властей дословно, не углубляясь в это понятие, так как в принципе государственная власть едина. Нельзя рассматривать все три ветви власти как абсолютно независимые друг от друга. Разделение властей – это их обособление и взаимодействие. Для становления судебной власти крайне важно обеспечить как в научном, так и в практическом плане ее обособленность, самостоятельность и независимость.

В правовой литературе не раз отмечалось, что проблема независимости ветвей власти связана не столько с их абсолютной обособленностью, сколько с взаимным уравновешением и взаимодействием, которые обеспечивает система «сдержек и противовесов»³.

Чтобы судебная власть действительно была независима от других ветвей власти, она должна быть наделена реальными полномочиями по контролю деятельностью органов законодательной и исполнительной власти, за соответствием принимаемых ими решений Конституции РФ и действующим законам. Концепция судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. прямо называет функцию судебного контроля, осуществляемого судами общей юрисдикции, неотъемлемой чертой правосудия⁴.

Важность принципа разделения властей также в том, чтобы взаимный контроль и сбалансированность полномочий не привели к присвоению полномочий судебной власти какой-либо другой властью. Но со своей стороны судебная власть не должна вмешиваться в прерогативы деятельности законодательной и исполнительной властей.

Вместе с тем следует сказать, что судебная практика влияет на направление законодательной деятельности, а также исправляет многие ошибки органов исполнительной власти. Более того, как верно замечено, своим толковани-

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² Фетищев Д. В. Судебная власть в механизме государства : вопросы теории и практики. М., 2007. С. 81.

³ См., например: Чиркин В. Е. Конституционное право : Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 255.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

ем права в процессе его применения суды выявляют подлинное содержание правовых норм, часто отличное от первоначальных целей⁵. Констатируя недопустимость соединения судебной власти с исполнительной, можно сослаться на тезис, что любые формы такого соединения «извращают назначение судебной процедуры, фактически подменяют разрешение спора формально равных сторон властно-приказным регулированием интересов»⁶.

Следует отметить, что любая власть обладает стремлением абсолютизировать свои властные полномочия. Это положение можно отнести и к судебной власти. В юридической литературе отмечается, что сущность любой власти можно определить и измерить двумя показателями: объемом компетенции и уровнем авторитарности, т. е. степенью обязательности принимаемых решений⁷.

Проецируя эти положения на судебную власть, можно констатировать, что в настоящее время эти показатели властности судебной деятельности неуклонно расширяются. Поэтому перед юридической наукой стоит задача ограничения проявления абсолютизации судебной власти. Концепцией судебной реформы в Российской Федерации в отношении судебной власти предусматривается установление двух жестких ограничителей – связанность правосудия волей законодателя и недопустимость отступления от процессуальных норм. Таким образом, верховенство закона и его господство в правоприменительной деятельности органов судебной власти – важнейший способ ограничения судебной власти. Другим важным способом ограничения судебной власти являются права и свободы человека и гражданина, так как «...правового регулирования в строгом смысле слова просто нет там, где отсутствуют права человека»⁸.

Кроме того, по мнению Т. А. Савельевой, «к таким способам следует также отнести принципы правосудия и судопроизводства: право граждан на судебную защиту, равенство граждан перед судом и законом, гласность, состязательность процесса; санкции за ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей судом в виде отмены или изменения вышестоящим судом неправосудного решения»⁹.

Органы судебной власти занимают особое место не только в механизме государственной власти, но и в общественном сознании, поскольку воспринимаются в общественном сознании как важнейший инструмент социальной защиты. Отсюда – признание его важнейшим общественным институтом. Суд укрепляет экономическую и политическую стабильность в обществе, решая споры, поддерживая социальные нормы в обществе, играет значительную воспитательную роль, приобщая граждан к принятым в обществе стандартам поведения, к соблюдению общечеловеческих ценностей. Судебная власть – «это тот новый политический и правовой феномен, который адекватно отра-

⁵ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 617.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ См., например: Савич В. И. Власть и демократия на предприятии // Актуальные вопросы государства и права в современный период. Томск, 1994. С. 125–126.

⁸ Право, свобода, демократия // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 6.

⁹ Савельева Т. А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов, 1997. С. 24.

жает стремление построить на российской почве правовое «государство, основанное на доктрине разделения властей»¹⁰.

В контексте вопроса о правовой природе судебной власти необходимо сказать о соотношении категорий «самостоятельность» и «независимость» судебной власти. Следует ли понимать конституционное положение о самостоятельности судебной власти как исключающее возможность говорить о ее независимости? Анализ высказанных в юридической литературе мнений по данному вопросу в отношении судебной власти показывает, что в его понимании нет единства.

Одни авторы говорят о самостоятельности судебной власти и независимости судей. Так, В. А. Ржевский и Н. М. Чепурнова полагают, что говорить о самостоятельности можно только применительно к судебной власти в ее взаимодействии с иными властями, а о независимости – применительно к осуществлению правосудия независимым должностным лицом – судьей¹¹.

М. В. Баглай, например, отмечает, что «самостоятельность судебной власти проявляется в независимости судей, которые подчиняются только Конституции РФ и закону и в своей деятельности по осуществлению правосудия никому не подотчетны»¹².

По мнению Л. Т. Ульяновой, самостоятельность судебной власти подкрепляется положением о независимости судей, присяжных, народных заседателей и подчинении их при осуществлении правосудия только Конституции РФ и закону (в то же время автор обозначает данный принцип как принцип самостоятельности судов, независимости судей, народных и присяжных заседателей)¹³.

П. А. Лупинская подчеркивает, что самостоятельность суда требует реализации судебной власти независимыми судьями и присяжными заседателями¹⁴. В. П. Божьев говорит также о независимости судей как неременном условии отправления правосудия¹⁵.

Другие авторы полагают правомерным говорить о самостоятельности и независимости судебной власти как ее неотъемлемых свойствах. Так, А. В. Цихоцкий отмечает: «...Главное свойство судебной власти – ее самостоятельность и независимость... когда речь идет о независимости судебной власти, это касается организационных моментов ее функционирования, которые, безусловно, подлежат закреплению законом...»¹⁶.

О самостоятельности и независимости судебной власти говорит и Т. А. Савельева, отмечая, что «принципы независимости и самостоятельности судеб-

¹⁰ Конституция и закон : стабильность и динамизм. М., 1998. С. 126.

¹¹ См.: Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации : конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 147.

¹² Баглай М. В. Указ. соч. С. 616.

¹³ См.: Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1998. С. 61.

¹⁴ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 1999. С. 132.

¹⁵ См.: Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2000. С. 82.

¹⁶ Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 43.

ной власти... можно рассматривать как принципы демократического правового государства, основу его конституционного строя»¹⁷.

В. В. Ершов, рассматривая правовые гарантии независимости судебной власти, полагает, что суть последней, прежде всего, возможно раскрывать через права суда по отношению к законотворческим и исполнительным органам государственной власти¹⁸.

Интересное мнение высказывает Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, подчеркивая, что «самостоятельность судебной власти – важное условие и предпосылка независимости правосудия и лиц, его осуществляющих»¹⁹.

Ю. И. Стецовский, исследуя конституционные основы судебной власти, говорит также о ее самостоятельности и независимости от других ветвей власти: «Будучи отделенной от законодательной и исполнительной власти, судебная власть обязана действовать независимо от них»²⁰.

Е. В. Кладий рассматривает судебную власть как разновидность государственной власти, которая самостоятельно и независимо от других ветвей государственной власти (законодательной и исполнительной) осуществляет свои властные, публично-правовые полномочия в установленных государством формах и с использованием надлежащих процедур²¹.

О самостоятельности и независимости как разных характеристиках судебной власти говорят и некоторые другие авторы²².

Думается, что в подтверждение правоты последних можно сослаться на положения Концепции судебной реформы 1991 г., где одной из главных задач реформы провозглашалось утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной²³.

Данное концептуальное положение получило свое дальнейшее развитие в действующем законодательстве. Так, согласно п. 2 ст. 1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. Аналогичное положение содержится в п. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. Данные нормы свидетельствуют о том, что законодатель рассматривает «самостоятельность» и «независимость» как неравнозначные категории и применяет их к понятию «судебная власть», а не к какой-либо форме ее реализации.

¹⁷ Савельева Т. А. Указ. соч. С. 28.

¹⁸ См.: Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 71–72.

¹⁹ Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 36.

²⁰ Стецовский Ю. И. Судебная власть. М., 1999. С. 54.

²¹ См.: Кладий Е. В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

²² См.: Судебная власть. Правоохранительные органы Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. В. М. Семенова. Екатеринбург, 2002. С. 14 ; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 81, 210 ; Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 14.

²³ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации.

Рассмотрев самостоятельность и независимость в качестве основных характеризующих признаков судебной власти, мы пришли к выводу, что объединить данные категории представляется возможным под единым определением «суверенность судебной власти». Суверенность является неотъемлемым свойством любой власти, и в попытках противопоставить самостоятельность и независимость судебной власти, включить одно свойство судебной власти в другое подчас забывается, что это разные стороны одного определяющего для любой власти качества. Естественно, суверенность судебной власти носит несколько иной характер, чем суверенитет государственной власти в целом, и отнюдь не означает полного изъятия судебной власти из общего механизма государства, работающего в рамках «концепции единства государственной власти и разделения ее ветвей»²⁴.

Некоторые авторы рассматривают независимость судебной власти как важнейший принцип, который «является отправным, определяющим положение суда в современном государстве». При этом самостоятельность судебной власти – лишь один из аспектов (институциональный) ее независимости: «...независимость в институциональном аспекте этого понятия (или самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей по отношению к другим государственным или общественным органам)...». Вторым аспектом независимости судебной власти и ее носителей в содержательном значении этого термина является беспристрастность²⁵.

Анализ международных документов, Концепции судебной реформы 1991 г., норм Конституции РФ и отраслевого законодательства позволяет говорить о самостоятельности и независимости судебной власти от законодательной и исполнительной властей как ее важнейших характеристиках.

Следует заметить, что положения ст. 10 Конституции РФ относятся не только к организации государственной власти на федеральном уровне, но и к системе органов государственной власти субъектов РФ. В подтверждение данного тезиса можно сослаться на мнение ряда авторов²⁶, которые, рассматривая судебную власть как часть системы «сдержек и противовесов», средство разрешения споров между органами государственной власти, полагают, что эта задача судов в Российской Федерации должна реализовываться не только на федеральном и региональном уровнях, но и на муниципальном уровне.

²⁴ Чиркин В. Е. Законодательная власть. М., 2008. С. 78.

²⁵ См.: Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. С. 211.

²⁶ См.: Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 44–50; Кавешникова Е. М. Конституционное право Российской Федерации. Курс лекций. М., 1998.

Воронежский государственный университет

Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Shabanov P. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: pshabanov@rambler.ru

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рассматриваются основные проблемы современной российской адвокатуры, анализируется классификация данных проблем; предлагаются пути их преодоления в целях повышения оптимизации и повышения эффективности деятельности и, как следствие, обеспечение правовой защищенности лиц, обратившихся за юридической помощью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адвокатура, адвокат-защитник, уголовное судопроизводство.

THE FUTURE OF THE RUSSIAN LEGAL PROFESSION: MAIN PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article deals with the main problems of modern Russian advocacy, analyzes the classification of these problems; ways are proposed to overcome them in order to increase the optimization and increase the efficiency of activities and, as a result, ensure the legal protection of persons who have applied for legal assistance.

К e y w o r d s: advocacy, defense attorney, criminal justice.

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Лучший способ предсказать будущее – создать его.

Авраам Линкольн

Согласно академическому определению «будущее – есть гипотетический отрезок линии времени, множество событий, которые еще не произошли, но могут произойти».

Таким образом, будущее объективно наступит, а наша задача, так как речь идет о нашем будущем в адвокатуре и будущем корпорации в целом, в соответствии с обозначенным эпиграфом, зависит именно от нас, от того, какой мы хотим видеть адвокатуру.

Аксиоматичным представляется, что прогнозировать будущее невозможно без:

- 1) ясного понимания целей, т. е. того, к чему мы хотим прийти, чего достичь;
- 2) ясного понимания настоящего, что невозможно без честного осознания определения существующих проблем, лишь поняв, решив и преодолев которые, мы можем достичь поставленных целей;
- 3) ясного понимания возможных и необходимых действий, с помощью которых поставленная цель будет достигнута.

По нашему мнению, лишь реализация данной триады задач позволит вывести адвокатуру на качественно новый уровень, где адвокатура, с одной стороны, как великое цивилизационное достижение человечества, особый институт гражданского общества заняла бы свое особое место в общественной жизни, а с другой стороны, как любимая корпорация стала бы сообществом единомышленников, в котором «один за всех и все за одного», когда принадлежность к ней – великая честь и особая гордость.

Вышеизложенное во многом, безусловно в общем плане, обозначает нашу стратегическую цель, причем, по нашему мнению, цель вполне достижимую в пределах нашего активного и осязаемого будущего.

С учетом ограниченного объема исследования считаем необходимым проанализировать существующие в настоящее время проблемы в адвокатуре и пути их преодоления.

Существующие проблемы можно классифицировать на две, к сожалению, большие группы:

- 1) внутри самого сообщества (внутренние проблемы корпорации);
- 2) проблемы существования адвокатуры в системе взаимодействия адвокатуры – государство – адвокатура – общество (внешние проблемы корпорации).

Прекрасно понимая, что охватить весь спектр проблем практически невозможно, постараемся тезисно обозначить основные из них.

Внутренние проблемы корпорации.

Основная проблема – проблема качественного состава самого сообщества.

С учетом изменяющихся реалий, динамично развивающейся нормативной базы, введения новых средств и способов участия адвоката в различных видах судопроизводства вопросы профессионального уровня адвокатов, как входящих в корпорацию со студенческой скамьи, так и совершенно разнофункциональной практической работы, стоят исключительно остро.

Во многом из этого вытекает следующая проблема: *понимание идеологической сущности адвокатуры.*

Не получение с применением своих профессиональных знаний денежных средств, не удовлетворение своих профессиональных амбиций (что само по себе не плохо, когда не ставится «во главу угла»), а ясное осознание особой, социально значимой функции адвокатуры, функции помощи нуждающимся.

И как следствие – третья проблема: *проблема единства в адвокатуре.*

Адвокаты – люди творческие, самобытные, с серьезным багажом профессионального и жизненного опыта, имеющие личный взгляд на все происходящее, однако, вступая в корпорацию, каждый принимает на себя, кроме законодательно предусмотренных обязанностей, исполнение обязанностей дополнительных, в том числе направленных на поддержание авторитета сообщества. Имеющиеся факты противопоставления своей позиции солидарной позиции корпорации, неуважение друг к другу, обращение в контрольные и правоохранительные органы одних адвокатов в отношении других в ситуациях, когда возникающие конфликты могут и должны быть разрешены корпоративным путем, к сожалению, реалии современной адвокатуры.

Четвертая проблема – *организация эффективной защиты адвокатов обществом от незаконного вмешательства в их деятельность*, в том числе путем необоснованного отвода (часто незаконного) «неудобного» адвоката, привлечения конкретного адвоката к уголовной ответственности и т. д.

О нашем видении возможных путей преодоления вышеобозначенных основных проблем, целях светлого будущего нашей адвокатуры тезисно выскажемся ниже.

Внешние проблемы корпорации.

1. В настоящее время институт адвокатуры подвергается активному внешнему, к сожалению, чаще всего негативному воздействию как со стороны государства, так и социального общества.

Это выражается в попытках реформирования нормативной базы, регулирующей адвокатскую деятельность, причем абсолютное большинство вносимых предложений направлены на ограничение независимости адвокатуры и допущение вмешательства во внутренние дела адвокатуры со стороны различных государственных проверяющих, контрольно-надзорных органов и создание параллельных структур, во многом дублирующих функции адвокатуры, а также унижительно низкий размер оплаты труда по назначению и т. д.

2. Системная практика незаконного вмешательства в деятельность и конкретного адвоката, и адвокатского сообщества в целом, вплоть до создания специальных отделов в различных правоохранительных органах, чей функционал направлен на выявление и пресечение якобы незаконных действий адвокатов.

3. Формирование и поддержание негативного образа адвоката у общества. По данным социальных опросов, менее 45 % граждан не доверяют адвокатам, в то время как ранее эта цифра доходила до 60 %.

Более того, на формирование негативного образа объективно влияет существование «параллельного», ничем и никем не регулируемого рынка юридических услуг, все проблемы и негатив в отношении которого автоматически экстраполируются на отношении к конкретному адвокату и адвокатуре в целом.

По нашему мнению, только преодолев вышеуказанные проблемы, адвокатура может выйти на качественно новый уровень, стать в будущем тем реальным институтом гражданского общества, который обеспечит посредством активного, профессионального участия каждого адвоката и корпорации в целом, баланс частных и публичных интересов в российской правовой системе, даже с учетом сложнейших политических реалий.

Нам видятся следующие пути преодоления обозначенных проблем.

Относительно разрешения внутренних проблем – повышение эффективности деятельности за приемом в корпорацию, допущение к адвокатской деятельности лишь лиц, не только профессионально подготовленных, но и понимающих и принимающих фундаментальную идеологическую основу данной деятельности и, к сожалению, как бы это ни было больно – избавление сообщества от «баласта», лиц, не принимающих либо игнорирующих корпоративные правила, противопоставляющих свое мнение мнению корпорации.

Реальное единство в адвокатуре и недопущение вмешательства во внутренние дела сообщества и незаконного вмешательства в профессиональную деятельность конкретного адвоката (вплоть до введения уголовной ответственности за соответствующие действия) позволят сообществу занять надлежащее и достойное место как особого, исключительного института гражданского общества.

Еще более активное участие адвокатуры, чем мы наблюдаем сегодня в формировании нормативной базы, касающейся адвокатской деятельности, нормативная минимизация возможностей вмешательства во внутренние дела адвокатуры, недопущение создания организаций, функционально дублирующих деятельность, по оказанию юридической помощи, признание превентивной роли адвокатуры через введение адвокатской монополии на судебную защиту и судебное представительство, обеспечение достойной оплаты труда по назначению (на уровне оплаты труда процессуальных оппонентов), нормативное закрепление и усиление различных видов ответственности (и административной, и гражданской, и уголовной) за незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность, активное, причем как со стороны сообщества, так и со стороны государства формирование позитивного образа адвоката и адвокатуры в целом.

Вспоминается старый адвокатский анекдот:

Группу готовят к сдаче экзамена на получение статуса адвоката. На доске две схемы дорожно-транспортного происшествия. В одном случае машина сбила собаку, в другом – адвоката. Предлагают определить, в чем разница. А разница в том, что перед адвокатом нет тормозного пути.

Наша задача в будущем прийти к состоянию адвокатуры, при котором подобное невозможно было бы представить.

Полагаем, как и обозначено в нашем эпиграфе, что будущее необходимо создавать самим. Каким оно будет, во многом зависит только от нас всех вместе и от каждого в отдельности.

«Предвидеть будущее возможно – труднее в него поверить».

А мы не только верим, но и все вместе сделаем всё для того, что оно будет и будет наше.

Воронежский государственный университет

*Баев М. О., доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой криминалистики*

Баева К. М., преподаватель кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

*Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminalistics
Department*

E-mail: baev_co@mail.ru

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Машков И. Г. «Учреждение Прокуратуры Российской Петром I (12 января 1722 года)» (2011)

ВИВАТ, ПРОКУРАТУРА!

Важнейшему государственному институту – прокуратуре России исполнилось 300 лет!

Российская прокуратура имеет глубокие исторические корни и богатые традиции. Принципиально новое для Отечества ведомство, учрежденное Петром Великим в 1722 году для безусловного и бескомпромиссного обеспечения исполнения законов, прошло нелегкий, но интересный путь – от надзорного органа до учреждения полифункционального типа, сочетающего правоохранительную и правозащитную функции. Но главное оставалось непреложным – прокуратура традиционно отождествляется с практикой утверждения социальной стабильности, государственным порядком и законностью.

За прошедшие столетия не раз менялось общественно-политическое устройство страны, а соответственно менялись принципы организации и деятельности прокуратуры, трансформировались ее полномочия.

Всё началось в далеком XVIII веке – с учреждения должностей генерал-прокурора при Сенате и обер-прокуроров. Пробразом прокуратуры России послужила французская прокуратура. Однако вряд ли стоит говорить о слепой кальке европейской модели для русской почвы. В отличие от западных коллег, функции которых сводились преимущественно к уголовному преследованию и поддержанию обвинения, российские прокуроры Петровской эпохи, обладая контрольно-надзорными полномочиями общегосударственного значения, должны были выступать блюстителями законов. Первая задача, поставленная перед ними российским императором, звучит актуально и сегодня: «уничтожить либо ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония».

С 1802 года институт прокуратуры стал составной частью Министерства юстиции, а министр юстиции по должности стал генерал-прокурором. Судебной реформой 1864 года «власть обвинительная отделяется от судебной», учреждаются особые прокуроры при «судебных местах» – прообраз современных государственных обвинителей.

В 1917 году на короткий отрезок времени прокуратура была упразднена, однако уже

в 1922 году в составе Народного комиссариата юстиции была учреждена Государственная прокуратура.

В 1923 году была образована прокуратура Верховного Суда Союза ССР.

В 1933 году принято решение об учреждении прокуратуры Союза ССР как самостоятельного государственного органа с широкими надзорными полномочиями и функциями уголовного преследования. Были определены и ключевые отрасли прокурорского надзора.

Конституция СССР 1936 года впервые в истории ввела понятие высшего надзора за точным исполнением законов, и эта прерогатива была отнесена исключительно к полномочиям Прокурора Союза ССР. Прокуратура сформировалась как единая независимая централизованная система.

Новейшая история России подтвердила востребованность органов прокуратуры. В январе 1992 года был принят новый Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», а в Конституции России был закреплён принцип единства и централизации органов прокуратуры.

В результате законодательных преобразований прокуратура России окончательно сформировалась структурно и функционально в самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти.

Сегодня прокуратура является твердой опорой государства и надежным гарантом законности, к ней предъявляются новые требования и ставятся серьезные задачи.

В юбилейный год, чествуя славный опыт надзорного ведомства, остается надеяться, чтобы единство прокуратуры не уподобилось почтово-пересылочным институциям с формальными отписками «разобраться» другим ведомствам, законность не подменялась политической целесообразностью, независимость не окрыляла, а централизация не обернулась слепым подобострастием. И последнее пожелание, но уже словами классика: «Помните, что на высоком положении вашем требуется нечто большее, чем только законность и благопристойность; требуется некоторое великодушие и величие духа!»

С праздником!

Д. Зотов

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Материалы для публикации представляются в редакцию в электронном виде (в формате Word) на электронный адрес редакции: sudvl@mail.ru (текст – через 1,5 интервала, кегль шрифта – 14, сноски сквозные, постраничные, оформленные в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления»). Объем материала не должен превышать 10 страниц.

2. Опубликованные материалы, а также предложенные для публикации в других журналах к рассмотрению не принимаются.

3. Материалы для публикации представляются в редакцию в течение года. В случае выхода тематических или специальных номеров редакция может устанавливать конкретные сроки предоставления материалов.

4. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат обязательному рецензированию. Правила рецензирования размещены на сайте журнала (www.law.vsu.ru/sudvl).

5. Автору сообщается решение редакции о принятии статьи к публикации. Отказ в публикации мотивируется.

6. Договор о предоставлении права использования произведения считается заключенным с момента получения редакцией материала автора и носит безвозмездный характер, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Авторский экземпляр направляется автору за счет редакции.

7. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее редактирование и размещение на сайте журнала, а также в системе открытого доступа научных журналов – научных электронных библиотеках (www.elibrary.ru; www.cyberleninka.ru) – не ранее чем через 1 месяц после выхода журнала в свет. Сведения, перечисленные в п. 8, размещаются в электронном виде сразу после выхода журнала в свет.

8. Автор представляет в редакцию на русском и английском (автоматический перевод через интернет-переводчик недопустим) языках следующие сведения:

- а) УДК;
- б) фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, ученое звание, развернутое название научного учреждения;
- в) название статьи;
- г) аннотацию (4–5 строк);
- д) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- е) контактные данные: адрес электронной почты, номер телефона.

Автор должен представить отдельным файлом (только на русском языке) пристатейный библиографический список (составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, представленные в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

9. Материалы, не соответствующие указанным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

10. Редакционная коллегия рекомендует в списке литературы ссылаться на статьи из журналов, издаваемых Воронежским государственным университетом («Вестник ВГУ. Серия Право»; «Судебная власть и уголовный процесс»; «Воронежские криминалистические чтения»; «Юридические записки»; «Правовая наука и реформа юридического образования»; и др.) по тематике работы. Это можно сделать на сайте юридического факультета ВГУ или в системе РИНЦ, осуществив поиск по ключевым словам.

При возникновении вопросов обращаться в редакцию по телефону: 8(473) 2208-251 или по E-mail: sudvl@mail.ru